

АНТИНОМИИ

yearbook.uran.ru/
ifp.uran.ru/ezh/about/

2019

Том 19
Выпуск 3

Михаил Малышев
Венец эволюции
или бастард природы?

Николай Шавеко
Проблема соотношения
идеала и действительности
в кантианской философии права

Мигель Айусо Торрес
Карлизм и испанская политическая
традиция: вчера и сегодня

Юрий Василенко
«Манифест персов», или
Верноподданные между
традиционализмом и
реформизмом

Анатолий Карасев,
Олег Кожевников,
Вероника Мещерягина

Цифровизация правоотношений
и ее влияние на реализацию
отдельных конституционных прав
граждан в Российской Федерации

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА
Уральского отделения
Российской академии наук

АНТИНОМИИ

Том 19

Выпуск 3

Екатеринбург – 2019

Главный редактор

Виктор РУДЕНКО, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), чл.-корр. РАН, д-р юрид. наук, проф.

Редакционная коллегия

Философия:

Хоакин Х. АЛАРКОН, проф. Университета г. Мурсии (Мурсия, Испания), д-р философии; **Владимир ДИЕВ**, директор Института философии и права Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия), д-р филос. наук, проф.; **Юрий ЕРШОВ**, зав. кафедрой философии и политологии Уральского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Екатеринбург, Россия), д-р филос. наук, проф.; **Владислав ЛЕКТОРСКИЙ**, главный научный сотрудник Института философии РАН (Москва, Россия, председатель), академик РАН, д-р филос. наук, проф.; **Михаил МАЛЫШЕВ**, проф. Автономного университета штата Мехико (Толука, Мексика); **Шон САЙЕРС**, почетный проф. философии Кентского университета (Кент, Великобритания); **Елена СТЕПАНОВА**, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), д-р филос. наук; **Елена ТРУБИНА**, проф. Уральского федерального университета (Екатеринбург, Россия), д-р филос. наук; **Ань ЦИНЯНЬ**, проф. философии Народного университета Китая (Пекин, КНР).

Политическая наука:

Ольга МАЛИНОВА, проф. МГИМО-Университета, (Москва, Россия) д-р филос. наук, проф.; **Виктор МАРТЬЯНОВ**, врио директора Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), к. полит. наук, доц.; **Петр ПАНОВ**, главный научный сотрудник Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН (Пермь, Россия), д-р полит. наук, проф.; **Юрий ПИВОВАРОВ**, научный руководитель ИНИОН РАН (Москва, Россия), академик РАН, д-р полит. наук, проф.; **Ольга ПОПОВА**, зав. кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия), д-р полит. наук, проф.; **Сергей ПОЦЕЛУЕВ**, проф. кафедры теоретической и прикладной политологии Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия), д-р полит. наук; **Томас РЕМИНГТОН**, проф. политологии Университета Эмори (Атланта, США), д-р политологии; **Камерон РОСС**, проф. политических наук Университета Данди (Данди, Великобритания), д-р философии; **Ольга РУСАКОВА**, зав. отделом философии Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), д-р полит. наук, проф.; **Ричард САКВА**, проф. Кентского университета (Кент, Великобритания), д-р философии; **Саския САССЕН**, проф. социологии Колумбийского университета (Нью-Йорк, США), д-р философии; **Кароль СИГМАН**, сотрудник Института политических и социальных исследований Национального центра научных исследований, д-р политологии (Париж, Франция).

Право:

Алексей АВТОНОМОВ, директор Центра сравнительного права НИУ – Высшая школа экономики (Москва, Россия), д-р юрид. наук, проф.; **Олег ЗАЗНАЕВ**, зав. кафедрой политологии Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия), д-р юрид. наук, проф.; **Михаил КАЗАНЦЕВ**, зав. отделом права Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), д-р юрид. наук; **Сергей КОДАН**, проф. Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург, Россия), д-р юрид. наук; **Александр КОКОТОВ**, судья Конституционного суда Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия), д-р юрид. наук, проф.; **Павел КРАШЕНИННИКОВ**, председатель комитета Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации (Москва, Россия), д. юрид. наук, проф.; **Валентина РУДЕНКО**, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), к. юрид. наук; **Армандо СЕРОЛО ДУРАН**, проф. Университета г. Сан-Пабло (Сан-Пабло, Испания) д-р права, д-р полит. наук; **Наталья ФИЛИППОВА**, зав. кафедрой государственного и муниципального права Сургутского государственного университета (Сургут, Россия), д-р юрид. наук.

Журнал с 2011 г. включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук. Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), «КиберЛенинку», базу данных Russian Science Citation Index на платформе Web of Science (RSCI), а также входит в международные базы данных EBSCO; Ulrich's Periodicals Directory; Open Academic Journals Index (OAJI); International Impact Factor Services (IIFS).

Учредитель и издатель

Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук

Журнал издается с 1999 года. В 1999–2018 годы выходил под названием «Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук». С 2019 года журнал издается под названием «Антиномии». Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России». Т. 1. «Газеты и журналы» 43669.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации средств массовой информации

ПИ № ФС77-75331 от 05 апреля 2019 г.

ISSN 2686-7206 (Print); ISSN 2686-925X (Online)

Адрес учредителя, издателя и редакции: 620137, Россия, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.

Тел./факс: 7 (343) 374-33-55. E-mail: admin@instlaw.uran.ru

Интернет-сайт журнала: <http://yearbook.uran.ru>

INSTITUTE OF PHILOSOPHY AND LAW
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

ANTINOMIES

Volume 19

Issue 3

Ekaterinburg 2019

Editor-in-Chief

Viktor RUDENKO – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia).

Editorial Board

Philosophy

Joaquin H. ALARCON – University of Murcia (Murcia, Spain); **Vladimir DIYEV** – Institute of Philosophy and Law, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia); **Yuri ERSHOV** – Ural Institute of Management - Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Yekaterinburg, Russia); **Vladislav LEKTORSKY** – Institute of Philosophy, the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); **Mikhail MALYSHEV** – Autonomous University of Mexico (Toluca, Mexico); **Sean SAYERS** – University of Kent (Kent, Great Britain); **Elena STEPANOVA** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Elena TRUBINA** – Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia); **An QINIAN** – Renmin University of China (Beijing, China).

Political Science

Olga MALINOVA – MGIMO University (Moscow, Russia); **Viktor MARTYANOV** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Petr PANOV** – Perm Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Perm, Russia); **Yuri PIVOVAROV** – Institute of Scientific Information on Social Sciences, the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); **Olga POPOVA** – Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); **Sergey POCELUEV** – Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia); **Thomas REMINGTON** – Emory University (Atlanta, USA); **Cameron ROSS** – University of Dundee (Dundee, UK); **Olga RUSAKOVA** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Richard SAKWA** – University of Kent (Kent, UK); **Saskia SASSEN** – Columbia University (New York, USA); **Carole SIGMAN** – Institute for Humanities and Social Sciences, National Center for Scientific Research (Paris, France).

Law

Alexei AVTONOMOV – Center for Comparative Law, Higher School of Economics (Moscow, Russia); **Oleg ZAZNAEV** – Kazan Federal University (Kazan, Russia); **Mikhail KAZANTSEV** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Sergey KODAN** – Ural State Law University (Yekaterinburg, Russia); **Alexander KOKOTOV** – Constitutional Court of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia); **Pavel KRASHENINNIKOV** – State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation (Moscow, Russia); **Valentina RUDENKO** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Armando ZEROLO DURAN** – University of San Pablo (San Pablo, Spain); **Natalia FILIPOVA** – Surgut State University (Surgut, Russia).

Since 2011, the journal is included into the List of leading research journals for publication of scientific results of doctorate theses. It is indexed and referenced in RSCI, Ulrich's Periodicals Directory; Open Academic Journals Index (OAJI); International Impact Factor Services (IIFS); it is included to the RSCI database on the Web of Science platform.

Founder and Publisher:

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

The journal is published since 1999. In 1999–2018 it was published under the title "Research Yearbook, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences". Since 2019, the journal is published under the title "Antinomies". Subscription index in the United catalog "Press of Russia". Vol. 1. "Newspapers and Journals" 43669.

Registered as the periodical journal by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications.
(The Certificate of Registration ПИ № ФС77-75331, April 05, 2019)

ISSN 2686-7206 (Print); ISSN 2686-925X (Online)
Contacts: S. Kovalevskaya st., 16, Yekaterinburg, Russia, 620137.
Tel/fax: 7 (343) 374-33-55. E-mail: admin@instlaw.uran.ru
Web-site: <http://yearbook.uran.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

Малышев М.А. Венец эволюции или бастард природы?.....7

Шавеко Н.А. Проблема соотношения идеала
и действительности в кантианской философии права.....42

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА

Айусо Торрес М. Карлизм и испанская политическая традиция:
вчера и сегодня59

Василенко Ю.В. «Манифест персов», или Верноподданные
между традиционализмом и реформизмом84

ПРАВО

Карасев А.Т., Кожевников О.А., Мещерягина В.А.
Цифровизация правоотношений и ее влияние
на реализацию отдельных конституционных прав
граждан в Российской Федерации.....99

C O N T E N T S

PHILOSOPHY

- M. Malyshev.* Crown of evolution or bastard of nature?.....7
- N. Shaveko.* The problem of correlation between ideal and reality
in Kantian philosophy of law42

POLITICAL SCIENCE

- M. Ayuso Torres.* Carlism and Spanish political tradition:
yesterday and today.....59
- Yu. Vasilenko.* “Manifest of the Persians”,
or loyalists between traditionalism and reformism.....84

LAW

- A. Karasev, O. Kozhevnikov, V. Misuragina.*
Digitalization of legal relations and its impact
on implementation of particular constitutional rights
of citizens in the Russian Federation99

ФИЛОСОФИЯ PHILOSOPHY

Малышев М.А. Венец эволюции или бастард природы?. DOI 10.24411/2686-7206-2019-00001 // Антиномии. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 7–41.

УДК 141.112:141.32

DOI 10.24411/2686-7206-2019-00001

ВЕНЕЦ ЭВОЛЮЦИИ ИЛИ БАСТАРД ПРИРОДЫ?

Михаил Алексеевич Малышев

профессор-исследователь
Гуманитарного факультета
Автономного университета штата Мехико
г. Толука, Мексика
E-mail: mijailmalychev@yahoo.com.mx

*Статья поступила 27.05.2019, принята к печати 01.07.2019,
доступна online 07.10.2019*

Данная работа – это собрание кратких эссе и афоризмов, которое, несмотря на видимое разнообразие, исходит из единого объяснительного принципа, опирающегося на фундамент антропологического дуализма между истиной и ценностью. Будучи замкнутой монадой, каждое изречение тем не менее внутренне перекликается с другими мини-текстами, а следовательно, автор не оставляет попытки внутренне связать их между собой: объединить «логические причуды» парадокса и иронии с идеями, извлеченными из книги по философской антропологии, над которой он сейчас работает.

Ключевые слова: существование, смерть, эволюция, животное, человек, разум, история, эмоции, истина, ценность, антагонизм, утопия.

Предисловие. Будучи последователем философской антропологии, я считаю, что возникновение нашего антропоидного предка представляет собой *аномалию* в лоне биологической формы существования материи. Хотя удивление по отношению к *быть* предшествует удивлению по отношению к *быть человеком*, пишет Чоран, тем не менее «необычность нашего существования и источник всех антропологических недоумений заключается в том, что *менее естественно* быть человеком, чем просто *быть*» (Чоран, 2003). Хомо сапиенс – это не только *венец природы*, но и – *перебежчик бытия*, существо, лишенное инстинктов и не приспособленное ни к какой среде обитания, которое пытается компенсировать свои «биологические изъяны» за счет развития воли и разума, являющихся не только основой познания, но и источником сосуществования и взаимодействия со своими сородичами. Это означает, что в отличие от любого другого животного вида, вписанного в окружающую среду, само бытие человечества – это свидетельство его изгойства и одновременно самоутверждения *в борьбе против природного окружения, социального мира и самого себя*. Человек, по выражению Макса Шелера, – это *вечный еретик*, который бунтует против реальности, пытается ее преобразовать, исходя из своих представлений о лучшем, должном и гуманном, или, напротив, старается оправдать свои неудачи и подвергает критике свои несбывшиеся проекты либо неприемлемые результаты. Пожалуй, только «способности жаловаться» человек научается самостоятельно, тогда как всю остальную жизненную оснастку он приобретает путем овладения навыками труда, образования и культуры, которые передаются ему старшими сородичами. И это недовольство, повторяясь из века в век, выражает антропологическую несамодостаточность человека, ибо *неудовлетворенность* является самой спонтанной и универсальной реакцией последнего на свое положение в мире.

Жанр, в котором написана данная статья, – сочетание микроэссеистики и афористики. Как литературные формы они стоят в одном ряду с романом, повестью или рассказом, но сжимают реальные события в плотный сгусток смысла и доводят их до предельной степени лаконичности. Имея в виду коэффициент компактности мысли на одну страницу текста, Михаил Эпштейн сравнивает афористику с «белыми карликами» – самыми плотными звездами нашей Вселенной (Эпштейн, 2014). Я также рассматриваю афоризм как *монаду мысли*, которая, разумеется, не может не перекликаться по своему смыслу с другими мыслительными капсулами, собранными в данном тексте и возникшими в процессе моего знакомства с новыми достижениями в сфере антропогенеза, этологии и генетики.

В центре внимания предлагаемой работы находятся вопросы, связанные со спецификой бытия человека. Каким образом разум человека должен взаимодействовать с его не вполне разумными эмоциями, аффектами и желаниями? Сумеет ли человечество завершить дело, начатое эволюцией, приумноженное историей, и стать хозяином собственной судьбы? Эти вопросы образуют, на мой взгляд, водораздел между *научным* и *философским мышлением*; последнее, кстати, не стремится к познанию реальности в плане чистой предметности, чтобы глубже понять и точнее описать

ее объективные свойства и закономерности, а рассматривает данный ему объект в свете условий бытия человека и его отношения к миру. События и феномены, вовлекаемые в орбиту нашей деятельности, мы не только познаем как *истинные или ложные*, но и оцениваем, интерпретируем, судим и трактуем как *прекрасные, добрые, значимые, интересные, угрожающие, тривиальные, ужасные, ничтожные, противные, пошлые, вульгарные, удобные, правильные, полезные, великолепные, справедливые, прекрасные, волшебные, аутентичные* и т.д. Имея почвой единый континуум психики, истины и ценности произрастают из разных корней: если первые – это продукт незаинтересованного отношения человека к реальности, то вторые восходят к аффективно-эмотивным реакциям на окружающий мир. Каждый подход, взятый порознь, страдает, на мой взгляд, существенным изъяном, и ни один из них не может постичь человека в его гносеологически-аксиологической целостности, заданной этой антропологической дуальностью. Именно эта антиномия, составляющая содержание статьи, и определяет фрагментарный характер формы ее текста, в котором вводная часть, посвященная парадоксам генеалогии вида *homo sapiens*, сочетается с аксиологическими антиномиями нашего бытия.

* * *

Что такое человек? Мы задаем себе этот вопрос вот уже несколько тысячелетий и каждый раз, пытаюсь на него ответить, испытываем все нарастающее удивление, смешанное с растерянностью и страхом. Природа «споткнулась» на хомо сапиенсе, который превратил ее в свою вотчину, а историю – в непрерывную цепь жестоких распрей. Удастся ли нашим потомкам спасти *эволюционный проект человечества* от угрозы исторического краха? Сумеет ли коллективный разум грядущих поколений если не преодолеть, то значительно уменьшить раскол между природой и человеком, жизнью и смертью, познанием и ценностью, добром и злом, справедливостью и счастьем, заложенный многомиллионной эволюцией в структуру бытия хомо сапиенса? В свете глобальных вызовов, связанных с ядерной, демографической, экологической и генетической угрозами, нельзя исключать возможности того, что человечество как незавершенный вид так и не пройдет предназначенный ему путь.

* * *

Одна из самых отличительных характеристик нашего биологического вида – это вертикальное передвижение. Даже необыкновенные способности мозга человека не бросаются так в глаза, как его *прямохождение*. Когда мы сравниваем антропоидных обезьян с нашими предками, то разница во внешнем облике, мимике и жестах удивляет нас гораздо меньше, чем неспособность последних к прямохождению. Эмиль Чоран, рассказывает, что однажды, спасаясь от внезапного летнего дождя, он заскочил в Национальный музей естественной истории Парижа и был поражен: выстроенные, словно ранжиру, скелеты ящеров, млекопитающих и приматов, все без

исключения согнутые, скрюченные и как бы придавленные, производили вместе неизгладимое впечатление. Даже орангутанг, горилла и шимпанзе, несмотря на все их кажущиеся усилия, так и не смогли выпрямиться и застыли на полпути, не дотянув до вертикальности. Возможно, таким был бы и человек, не выпади нам удача сделать решительный шаг вперед. Правда, этот шаг растянулся на многие миллионы лет, так как именно прямохождение, конституирующее специфику бытия человека, положило начало эволюции нашего предка, представленного австралопитеком, линия которого отделилась от ветви ближайших к нам приматов примерно 8 миллионов лет тому назад.

В 2001 г. франко-чадская палеоантропологическая экспедиция обнаружила в пустыне Дьюраб Республики Чад окаменелости древнего черепа, по своему объему почти не отличающего от размера мозга шимпанзе, а по своей конфигурации весьма близкого к африканскому австралопитеку, жившему 6–7 миллионов лет тому назад. Гоминиду, которому принадлежал данный череп, было присвоено название *сахелантроп*, а на чадском наречии он получил имя Тумай, что означает «надежда на жизнь». Большинство палеоантропологов считают *сахелантропа* первым на сегодняшний день звеном в эволюционной цепи, которая к настоящему времени насчитывает 23 промежуточных звена. Однако среди специалистов возникли расхождения: все они согласны относить Тумая к семейству *гоминид*, куда входят человекообразные обезьяны и вымершие предки человека, но не все согласны включить австралопитека из Сахеля в разряд *гоминини*, который объединяет шимпанзе и все вымершие виды антропосов, принадлежащих к эволюционной ветви, восходящей к человеку. Типологическая интерпретация останков *сахелантропа*, обнаруженных французским антропологом Мишелем Брюне, яростно оспаривается некоторыми его коллегами, и в первую очередь теми, кто претендует на роль первооткрывателей африканского Адама. Еще в 1974 г. палеонтолог Мартин Пикфорт откопал коренной зуб первого гоминина на горе Туген в Кении, а затем, вернувшись в 2000 г. в это же самое место, обнаружил там ряд фрагментов рук и бедренных костей нового вида австралопитека, названного *Орро-рином*. Антропологи, первыми обнаружившие этого гоминина, отрицают прямохождение Тумая и, указывая на его генетическое родство с гориллами, исключают его из разряда гоминини, а следовательно, не признают его как звено человеческой родословной. В ответ на это их оппоненты – «сторонники» Тумая, ссылаясь на срединное положение затылочного отверстия черепа, видят в этом доказательство прямохождения австралопитека из африканского Сахеля. Для беспристрастного читателя нет сомнения, что подоплека данной полемики связана с отсутствием убедительных эмпирических данных, которые позволили бы безоговорочно включить *сахелантропа* в разряд прямоходящих существ, и это обстоятельство дает основание трактовать ожесточенную дискуссию антропологов вокруг таксона, к которому должен принадлежать Тумай, как *борьбу за торжество истины*. Но яростные обвинения и подозрения, что Мишель Брюне скрывает информацию о бедре потенциального примата, найденного рядом с

черепом, а следовательно, утаивает доказательства невозможности отнести Тумая к разряду *гоминини*, вызывают сомнения в беспристрастности первооткрывателей Оррорина, которого сахелантроп «сверг» с пьедестала претендента на первое *прямоходящее* существо (ибо по своему возрасту он оказался значительно старше своего соперника) в той эволюционной цепи, которая венчается *homo sapiens sapiens*. Не скрывается ли за спором палеоантропологов о признании сахелантропа первым звеном эволюции человека не только борьба за истину, но и борьба за статус первооткрывателей самих оппонентов? Не является ли сама полемика свидетельством вездесущей дуальности *истины и ценности*, составляющей стержень бытия человека?

* * *

Структура деятельности человека, в отличие от поведения животных, не сводится только к удовлетворению биологических потребностей. Он способен ориентироваться на предметы и других людей по ту сторону любого мотива, продиктованного соображениями биологической полезности. Когнитивное поведение человека – качественно иное по сравнению с ориентацией животного в окружающей его среде. Зверь наделен инстинктивными схемами действия, нацеливающими его внимание на восприятие только тех предметов и событий, которые служат для него стимулами, вызывающими в нем фиксированную ответную реакцию. Иначе говоря, животное «знает» только то в мире, что ему «известно» с самого начала. Напротив, в своем познавательном отношении к миру человек занят поиском истины, то есть пытается исследовать предмет сам по себе, без каких-либо соображений, связанных с полезностью данного предмета для своего существования. *Установка на объективность* означает, что морфологические, физиологические и психологические структуры человека осуществляют метабиологические функции, что проявляется в бифункциональности человеческих членов и органов. Действительно: наши легкие, с одной стороны, подчинены вегетативной системе и служат биологическим функциям обмена веществ, но в то же самое время они могут быть использованы для разговора, пения, игры на духовых инструментах и т.д. Глаза человека обеспечивают рефлекторное зрение и необходимы для объективных наблюдений, эстетических созерцаний в целях их последующей смысловой интерпретации. Человеческий мозг – регулятор жизненных процессов – используется для нашей ориентации в мире, творения культуры или досужих спекуляций. Руки и ноги выполняют разнообразные действия, сопряженные с биологическим существованием, однако в то же самое время они могут быть скоординированы в художественные движения, не связанные с биологической пользой. На структуру *человеческого био*, отмечает Ганс Хенгстенберг, воздействует некая инстанция, реализующая *принцип объективности*, не выводимый из биологии, – метабиологический принцип внутриорганической жизни.

* * *

Прямохождение сделало зрение человека панорамным, ноги быстрыми, память ассоциативной, кожу безволосой, но главное, оно превратило верхние конечности в *руки*, выработав предпосылки для возникновения орудийной деятельности, передачи информации путем жестикюляции, коллективного распределения продуктов труда, расширив возможности заботы о потомстве и защиты от внешних угроз. Создав необходимые условия для эволюции хомо сапиенса, операция «умелые руки» способствовала пятикратному увеличению его головного мозга, а возникновение аппарата речи обеспечило антропологическую базу для преобразования коммуникации из жестикюляции в языковое логическое мышление. Все эти изменения совпали с переходом от охотничье-собирающего образа жизни к приручению животных и культивированию растений. Артикуляция звуков, возникновение речи и формирование языка привели человечество не только к выработке зачатков познавательного отношения к миру, но и к созданию *сакральных общественных скреп* – власти и религии, которые превратили разрозненные группы охотников-собираателей в родоплеменные образования, вступившие друг с другом в вооруженные конфликты. Язык – это конститутивный атрибут хомо сапиенса, который, будучи инструментом организации общественного бытия людей, дает им возможность выражать свои мысли и чувства, транслировать выработанные знания, предвосхищать угрозы, давать оценку, развивать воображение, добиваться признания, предаваться иллюзиям и т.п. Язык – это функция мозга и, одновременно, анатомический аппарат, посредством которого осуществляется артикуляция звуков и модуляция тонов. Появление звуковой речи позволило человеку преодолеть последнее препятствие на пути своего эволюционного становления. С этого момента он превратился в человека в полном смысле этого слова.

* * *

Итак, вертикальное передвижение привело наших предков к преобразованию передних конечностей в *руки*, действия которых (после формирования речевого аппарата и способности артикулировать звуки) стали выражаться в таких глаголах, как *хватать, ловить, обнимать, нести, махать, держать, брать, давать, душить, класть, поднимать, давать, жестикюлировать, бить, толкать, щупать, держать, вручать, поручать, загребать, дарить, вырывать, молиться, рисовать, ласкать, считать, стирать, солить, чистить* и т.д. Потом появились глаголы, связанные с употреблением предметов или инструментов: *колоть, метать, сверлить, ковать, писать, резать, рубить, строгать, колотить, сдирать, строить, работать, забивать, брить, стричь, кроить, шить, убивать, пороть* и т.д. И, наконец, возникли глаголы в сочетании со словом *рука* либо тесно связанные с этим понятием в абстрактном, переносном, аллегорическом или метафорическом значении: *набить руку, давать волю рукам, чистые руки, кривые руки, сидеть сложа руки, попасть под руку, держать (кого-то) в руках, не давать рукам воли, с широко раскрытыми объятиями, щедрой рукой, легкая рука, надежные руки,*

попасть (в чьи-то) руки, подвернуться под руку, погибнуть от рук врага, собственноручно, с оружием в руках, поднять (на кого-то) руку, порука, положить руку на сердце, из рук в руки, окровавленные руки, с пустыми руками, из первых рук, ручной, не покладая рук, протянуть руку помощи, воздеть руки к небу, пустить в ход кулаки, руки чешутся, влепить пощечину, связать (кого-то) по рукам и ногам, целую ручку, угодить (кому-то) в руки, видеть как на ладони, пожать друг другу руки, работать спустя рукава, ухватиться (руками) (за кого-то), выпустить из рук, поднять руки вверх, запустить руки в чужой карман, кусать локти, вернуться с пустыми руками, потирать руки от удовольствия, умыться руки, вести (кого-то) под руку, водить за ручку, схватиться за голову, замахать руками, взяться за оружие, прибрать к рукам, дать руку на отсечение, перейти в другие руки, взяться за дело, вручить, с руками рвать, пощупать своими руками, схватить (кого-то) за руку, само плывет в руки, сцепиться, вернуться с пустыми руками, работа так и горит в руках, все из рук валится, это дело в надежных руках, руки так и чешутся, приложить руку, не с руки, ударить по рукам, умереть на руках, ходить по рукам, рука руку моет, его (ее) рук дело, махнуть на все рукой, как по мановению руки, носить на руках, взять себя в руки и т.п. Именно манипулирование окружающими предметами и жестикуляция как первый способ коммуникации человека с человеком стали прологом к возникновению «ручного мышления», а затем, намного позже, речевого аппарата и артикулированной речи – фундамента цивилизации, которая, зародившись десять тысяч лет тому назад, ознаменовалась формированием языка, развитием агрикультуры, появлением металлургии, строительством жилищ, изобретением письменности, распространением религии, учреждением власти и введением в практику тесно связанных с ней войн, рабства и эксплуатации. Так закончились эволюционные муки становления человека и занялась кровавая заря его цивилизации.

* * *

Речевое мышление явилось тем решающим фактором, который позволил нашим предкам превзойти своих предшественников *неандертальцев*; те, несмотря на превосходящие размеры своего головного мозга, не имели звукового аппарата для выработки общественной коммуникации. Гортань неандертальца располагалась значительно выше, чем у кроманьонца. Это наделяло первого определенным преимуществом: его трахея и пищевод были разделены, а следовательно, он не мог поперхнуться; но зато неандерталец был лишен возможности производить гласные звуки. Опускание гортани у хомо сапиенса создало предпосылки для артикуляции звуков, хотя затрудняло дыхание и глотание, тогда как неандерталец мог одновременно дышать, испускать гутуральные звуки и поглощать пищу, что для человека весьма затруднительно. Но главное заключается в том, что мозг неандертальца, превосходивший в объеме наш мозг на сто кубических сантиметров, не мог быть эффективнее человеческого мозга, поскольку был лишен преимуществ, связанных с языковой коммуникацией. Все формы экспрессии, какими был наделен неандерталец, сводились главным образом

к мимике, жестам, ручным операциям и, прежде всего, способности к коллективной охоте. Стало быть, передача опыта и обучение были ограничены имитацией и памятью. Нашему побочному предку было трудно развивать новые формы мышления, логические комбинации и творческое воображение. Большинство специалистов считают что генеалогическая линия неандертальцев отделилась от ветви, восходившей к хомо сапиенсу, примерно 600 тысяч лет тому назад, в эпоху среднего плейстоцена, и начиналась от общего предка, гейдельбергского человека, но преимущества одного подвида человека разумного относительно другого фиксируют только данные 50-тысячелетней давности, когда окончательно сформировались морфофизиологический облик нашего предка и его способность артикулировать звуки.

Последние изыскания нейрофизиологов показали, что у поздних неандертальцев обозначилась тенденция к опусканию гортани. Нельзя исключать того, что последние представители этого подвида *homo sapiens*, хотя и с большим трудом, уже могли общаться между собой. Если бы гортань неандертальца немного опустилась и он обрел бы способность к речи, а следовательно и к логическому мышлению, самосознанию и творческому воображению, то история нашей цивилизации развивалась бы под знаком соперничества двух подвидов человека разумного. Как бы там ни было, остроумно замечает израильский историк Юваль Харари, неандертальцы заставляют нас думать в сослагательном наклонении. Но разве можно вообразить, как бы изменилась история, если бы неандертальцы, продолжали жить бок о бок с *homo sapiens*? Какие культуры, какие политические структуры сложились бы в мире, где сосуществовали бы разные человеческие подвиды? Впрочем, можно предположить: даже если бы неандертальцы выжили, мы все равно воображали бы себя особыми созданиями. Сосуществование и скрещивание наших предков с неандертальцами продолжались на протяжении 5 тысяч лет и закончились 24 тысячи лет тому назад с исчезновением последних. Но, уйдя в небытие, эти неантропы оставили свои генетические следы среди евразийцев и их потомков на других континентах, которые имеют в своей геноме от 1 до 3% неандертальской ДНК, тогда как у коренных африканцев эти гены отсутствуют. Геном неандертальцев и геном современных людей различаются только на 0,16%. С одной стороны, различия вроде бы невелики, а с другой – анализируя их, можно установить, какие именно гены присутствуют у современных людей и отсутствуют у неандертальцев. Эти гены не унаследованы от общего предка и появились только после расхождения эволюционных ветвей современного человека и неандертальца. Таких, сугубо современных, нуклеотидных замен в наших генах всего 78. Некоторые из них могут быть нейтральными, а имеют адаптативное значение. Эти гены и, соответственно, эти мутации связаны прежде всего с нашей мыслительной деятельностью, с формированием речевого аппарата, способного артикулировать звуки и осуществлять речевую коммуникацию.

* * *

Генетически и морфофизиологически хомо сапиенс возник 200 тысяч лет тому назад в Африке, и его мозг по своей форме, размеру и весу был точно таким же, как и у современного человека. Но означает ли это, что он обладал такими же ментальными способностями, как и мы? Ответ на этот вопрос может быть только отрицательным. Даже обладая predisposed к артикуляции звуков, наш предок еще не выработал систему речи, основу звукового языка как формы межличностной коммуникации, логического мышления, организации коллективной деятельности, а следовательно, он не мог еще похвастаться какими-либо заметными преимуществами перед неандертальцем. Когда наши предки сто тридцать тысяч лет назад появились в Передней Азии, на территории, освоенной неандертальцем, то укорениться там они не сумели. То ли местные жители оказали сопротивление, то ли климат не подошел и организм не адаптировался, но, так или иначе, наши далекие предки отступили, позволив неандертальцам господствовать в Европе и Передней Азии. Эта неудача позволяет предположить, что в ту пору внутреннее устройство мозга хомо сапиенса отличалось от нынешнего. Внешне он уже был таким, как мы, но его интеллектуальные способности были намного меньше. Примерно 70 тысяч лет назад отряды наших предков вторично проникли в Евразию. На этот раз они не только вытеснили неандертальца и прочих сапиентных родственников с этого региона, но вскоре и вовсе смели их с лица Земли. Последние потомки неандертальцев, охотившиеся на травоядных животных из засады, сохранились только на самой западной оконечности Европы, в окрестностях Гибралтара и окончательно исчезли 24 тысяч лет тому назад. Потом нашим предкам удалось быстро добраться до Европы и заселить Азию, а затем преодолеть океан и высадиться в Австралии. Именно в эту эпоху люди изобрели лодки, лук со стрелами, иголку, научились шить теплую одежду, строить жилища. Первые предметы, которые мы с уверенностью можем назвать ювелирными украшениями и произведениями искусства, датируются этим же периодом, а чуть позже обнаруживаются свидетельства возникновения религии, торговли и первых форм организации государственных структур.

* * *

Когнитивная революция, произошедшая между 70-м и 30-м тысячелетиями, привела к формированию новых способов мышления, общения, поведения и труда. Что вызвало эту революцию? Одним из ключевых факторов, изменившим внутреннюю конфигурацию человеческого мозга и повлекшим за собой умение мыслить, несомненно является возникновение и совершенствование *словесного языка*, который, используя термин, предложенный Докинзом, можно обозначить как *главный репликатор* эволюции *homo sapiens*, обеспечивший долговечность, плодовитость и точность копирования его культурных мемов. Последний тезис подтверждается обычаем целенаправленных захоронений нашими предками тел умерших; такие погребения, кстати сказать, практиковали,

но в более скромных масштабах и неандертальцы. Захоронения последних найдены в гротах и пещерах Европы, Ближнего Востока и Сибири. Можно предположить, что неандерталец, в отличие от хомо сапиенса, не обладал речевым аппаратом, а следовательно не располагал еще верой в загробную жизнь. А захоронение трупов неантропами в пещерах, вероятнее всего, объясняется гигиеническими соображениями. Русский палеоантрополог, специалист по неандертальцам Л.Б. Вишняцкий отмечает, что само по себе наличие захоронений не обязательно означает существование идеи неких высших начал, от воли которых человек зависит и которым он должен поклоняться. Иными словами, захоронение не всегда обусловлено существованием религии. Мы не знаем, был ли неандертальский погребальный ритуал как-то связан с религией. Во всяком случае, все попытки приписать неандертальцу культ медвежьего тотема или ритуал поклонения черепам своих предков, как убедительно доказывает русский антрополог, не имеют никаких оснований и являются несостоятельными объяснениями археологических артефактов.

Нет сомнения в том, что никакой человек никогда не видел душу вне тела. Но так как мы видим тело без души (труп) там, где раньше находилось живое тело, и так как тело продолжает некоторое время сохранять свою пространственную конфигурацию, ничто не препятствует предположить, что другой компонент живого организма, который его одушевляет, также продолжает свое существование отдельно от тела. Этот раскол между душой и телом представляет собой арифметическое вычитание: оживляющая душа, которую мы не видим, и есть та разница между живым телом, которое мы видели несколько мгновений тому назад, и бездыханным трупом, который находится теперь перед нами. С позиции религиозного сознания смерть – это отделение бессмертной души от смертного тела, служащего ей брэнной оболочкой и обреченного превратиться в тлен и прах. Для религиозной веры жизнь не сводится к существованию тела с его метаболизмом, циркуляцией крови и пульсом сердца, а представляет собой чистое бытие в абстракции от становления, ибо становление невозможно там, где отвлекаются от протяженности в пространстве и длительности во времени. Согласно религиозной идее смерть, кладущая конец телесному становлению, бесцельна перед «трансцендентным бытием души». Более того, религия учит, что смерть тела – это неотъемлемое условие «вечного бытия» души, поскольку смерть уничтожает только тело, тленную часть живого организма, очищая и сублимируя душу, «предназначенную» к бессмертию. Бездушное тело (которое мы видим перед собой) и лишенная плоти душа (нами невидимая) обладают противоположной судьбой: первое превращается в презренный прах, а вторую ждет наслаждение «вечной жизнью» за гробом. Но для того чтобы прийти к такому анимистическому представлению о вечном бытии души в трансцендентном измерении отдельно от брэнного тела, надо обладать довольно высоким уровнем сознания и воображения, которыми неандерталец, лишенный речи, увы, не мог еще располагать, о чем и свидетельствуют его захоронения. Стало быть, до возникновения языка не могли появиться и религиозные представления. Без аппарата

речи нельзя говорить о сакральности, а тем более о таких абстрактных понятиях, как *бог* или *душа*.

* * *

Причины исчезновения неандертальцев в настоящее время еще до конца не выяснены. Однако достоверно известно, что задолго до своего исчезновения они уже влачили жалкое существование и жили почти на пределе своих физических возможностей. Так, палеоантропологи зафиксировали у рано умерших неандертальских детей и юношей преждевременное старение скелетной системы, вызванное постоянными тяжелыми физическими нагрузками. Вторая возможная причина их исчезновения – эпидемии заразных болезней, занесенных кроманьонцами из Африки и распространившихся среди неандертальцев (трансмиссивные губчатые энцефалопатии). Третья причина – ассимиляция немногочисленных неандертальцев (европейская популяция которых, по оценкам некоторых археологов, едва ли превышала 7–8 тысяч особей) значительно превосходящими их по численности кроманьонцами, вступающими с женщинами-неандерталками в половые отношения. Наконец, многие специалисты не без основания полагают, что исчезновение неандертальцев есть результат их прямого физического истребления нашими предками. Например, американский антрополог Ричард Клейн назвал вымирание самых близких нам неантропов *неандертальским холокостом*. Как бы там ни было, но у неандертальцев не было никаких шансов на равноправное сосуществование с нашими предками. Так, если бы, признав свою отсталость по отношению к нам, они согласились добровольно превратиться в существ второго сорта, то и тогда они вряд ли смогли бы интегрироваться в человеческое общество даже на правах рабов, ибо, не обладая даром речи, они не смогли бы быть и «говорящими орудиями». Именно отсутствие членораздельной речи у *homo sapiens neandertal* является, на мой взгляд, основной причиной их исчезновения или растворения в популяции хомо сапиенса.

В человеке все – искусственно и все – естественно; в нем практически не найдешь ни одного жеста, ни желания, ни поступка, в котором были бы задействованы только биологические импульсы, потребности и эмоции в отрыве от разума, воли, памяти или приобретенных навыков. Культура как «вторая природа» может отодвинуть биологическую границу, заложенную «первой природой», но полностью преобразовать телесно-чувственный субстрат хомо сапиенса, сформированный в процессе многомиллионной естественной эволюции, она не в состоянии. Будучи «онтологическим кентавром», человек обречен колебаться между двумя полюсами: его потребности, желания и эмоции стремятся поставить разум себе на службу; разум же пытается подчинить чувственные наклонности и направить их в русло морального закона. Стало быть, главными средствами распрямления «кривой тесины», из которой, по метафоре Канта, был сделан человек, являются моральный долг и угроза применения наказания, в свою очередь, основывающиеся на двух типах принуждения – внутреннем и внешнем. Антропогенез постоянно толкал нашего эволюционирующего предка

к компенсации своей телесно-биологической несамодостаточности за счет большего мозга – материального субстрата разума, и данный неустранимый дуализм обязывает нас, его потомков, возложить на себя бремя ответственности за этот антропологический раскол. Повеления и запреты категорического императива (требующие возвысить максимы воли человека до уровня всеобщего закона и относиться ко всякому другому человеку, равно как и к самому себе, только как цели, а не как к средству) способны нейтрализовать вездесущий эгоизм и обезвредить его негативное влияние на общество и окружающую среду, но изъять раз и навсегда зло из недр человеческой природы, увы, невозможно.

* * *

Конрад Лоренц полагал, что в отличие от хищных животных, обладающих мощными клыками и острыми когтями, человек лишен инстинкта, запрещающего перерастание агрессии в убийство. И это отсутствие побудило его создать веру во всемогущих богов, учредить полицию, тюрьмы и выработать юридические законы, которые, впрочем, оказались ненадежным средством на пути искоренения обмана, коррупции и насилия.

* * *

Глобализация и рост народонаселения «сжимают» пространство, и человек поневоле начинает чувствовать себя заключенным в тюрьме, именуемой земным шаром. Если дело пойдет так и дальше, то не исключено, что скоро он начнет жаловаться на клаустрофобию.

* * *

Одно-единственное событие способно превратить человека в вечного мученика – его появление на этот свет. И одна-единственная мысль может *оправдать его существование*: «Моя жизнь принадлежит мне и только мне, ибо никогда, во веки веков, и нигде, ни в каком уголке бесконечной Вселенной, не появится существо, идентичное моему я».

* * *

Варварство – это *нечеловеческое слишком человеческое*, и миф об убийстве Авеля Каином есть зловещий пролог ко всей истории цивилизации.

* * *

Человечество есть продукт многомиллионной эволюции, и поэтому тысячелетия развития истории не могут радикально трансформировать его сущность даже тогда, когда оно прибегает к *социалистическому строительству и коммунистическому воспитанию*.

* * *

Совестливый человек переживает стыд за свои недостатки, но даже неискоренимому мизантропу не приходит в голову мысль, что можно испытывать стыд за свою принадлежность к человечеству.

* * *

В будущем войны могут привести человечество к «вечному миру» только перед лицом угрозы превращения Земли в гигантское кладбище. Логика этого парадокса, развернутая Кантом, гласит: лишь под угрозой беспощадной опустошительной войны, после окончания которой не будет ни победителей, ни побежденных, когда зачинщик ясно осознает, что он, любимый, неизбежно погибнет в пламени развязанной им бойни, – именно тогда он начнет здраво размышлять о реальных последствиях своего решения любой ценой уничтожить врага. Только страх заставит разум агрессора смирить свой воинственно-непримиримый дух, побудит его склониться к уступкам и пойти на компромисс со своим противником. Конечно, ужас перед угрозой неизбежной смерти едва ли способен превратить ненависть в любовь к своему недругу, но инстинкт самосохранения умерит его воинственный пыл и вынудит, пусть и со скрежетом зубовным, заключить мир. Однако сегодня эта логика оборачивается абсурдом. Ведь если в грядущей войне не будет ни побежденных, ни победителей, то тем бессмысленнее становится подготовка к развертыванию войны. Все нации, обладающие ядерным оружием, хорошо это понимают, и тем не менее гонка вооружений продолжается. Что победит? Мудрость разума и воля к жизни или безрассудная тяга к могуществу и национальный эгоизм, чреватые угрозой истребления человечества?

* * *

Когда приходит зрелость, мы начинаем понимать, что счастливое будущее – это иллюзия, что жизнь проходит быстро и ее утраты невосполнимы, а хронический дефицит времени отнимает у нас возможность наслаждаться прелестями настоящего.

* * *

Иногда встречаются *такие люди*, что в тебе *зарождается стыд*, и ты невольно начинаешь презирать себя за то, что родился *человеком*, но одновременно *появляется и гнев*: желание включить этих типов в разряд млекопитающих, обитающих в сточных канавах.

* * *

Существование человека – это остров использованных возможностей в океане упущенных шансов, которые он «прокручивает», подобно киноленте, в своей памяти и терзает свою душу соslagательным наклоном. И только *горькая улыбка* как признание неотвратимости случившегося смягчает чувство неудовлетворенности.

* * *

Окружающие предметы вызывают у маленького ребенка радостное удивление, а взрослый человек не может не восхищаться любознательностью малыша и его бескорыстным стремлением приобщить его, взрослого, к своему опыту открытия мира.

* * *

Начиная с XX века человечество вошло в такую историческую фазу, в которой каждое новое поколение не только наследует от предыдущего сумму производительных сил, но и, подобно вьючному животному, тащит на своем горбу все нарастающий груз завещанных ему уродств. Нельзя исключать того, что человечество, до сих пор не выработавшее мудрости жить, не умеющее различать главное в преходящем и не могущее сосредоточиться на отдаленных последствиях собственной деятельности, способно превратиться в потенциального самоубийцу. Одна из причин, которая толкает человека в пропасть катаклизмов, заключается в том, что он не просто живет, а стремится *жить хорошо*, и эта неукротимая жажда счастья, не ведающая никакой меры, – не готовит ли она нашему виду участь динозавров?

* * *

Согласно Паскалю человек – ничто по сравнению с бесконечной Вселенной и одновременно – все по сравнению с ничто. Природе не требуется всей ее мощи, чтобы уничтожить свое творение. Но пусть даже она его и уничтожит, но человек все равно превосходит ее, ибо сознает, что расстанется с жизнью; она же ничего не сознает. Следовательно, главное нравственное достоинство человека – это способность мыслить. Но мысль только тогда является соразмерной величию человека и соответствует истинному положению вещей, когда свидетельствует о тщете и ничтожности его земного удела. Разум говорит человеку, что срок его жизни ничтожно мал по сравнению с вечностью, которая протекла до его рождения и которая пройдет после его смерти. Однако гораздо невыносимее для несчастного смертного видеть своих братьев по разуму, которые один за другим исчезают в небытии. «Вообразите, – пишет Паскаль, – что перед вами множество людей в оковах, и все они приговорены к смерти, и каждый день кого-нибудь убивают на глазах остальных, и те понимают, что им уготована такая же участь, и они глядят друг на друга, полные скорби и безнадежности, и ждут своей очереди. Такова картина человеческого существования».

* * *

Желание обладать только возможным не предохраняет нас от *чувства неудовлетворенности*, которое дается нам от рождения, тогда как все остальные способности мы приобретаем путем обучения. Умения ходить, говорить, читать, считать, завязывать шнурки на ботинках, пользоваться вилкой и ножом, кататься на велосипеде и даже говорить «спасибо» потребовали большого терпения от наших первых наставников.

* * *

В фундаменте всякого радикализма лежит *патологический рационализм*, который заставляет «ревнителей разума» не только улучшить свое бытие, но и уничтожить всякий намек на его несовершенство.

* * *

Человек – это единственное животное, способное рассердиться на себя и даже приговорить себя к смертной казни, но потом передумать и... закончить свою жизнь в глубокой старости.

* * *

Просительный взгляд ребенка, ищущего одобрения в ответном взгляде своей матери, – это эмбрион потребности в признании, которое является неотъемлемым атрибутом, конституирующим его жизнь. Человек признает реальность истины об окружающем мире, чтобы как-то ориентироваться в нем. С другой стороны, его существование лишилось бы важных стимулов, если бы желание отличиться, заслужить уважение или просто быть полезным людям исчезло из его сознания.

* * *

Когда человек становится участником или свидетелем необычайных событий, его активность подогревается тем, что он воображает себя в роли будущего рассказчика необыкновенных историй. Даже в лагере смерти одной из причин, которые давали узнику импульс выжить, было его желание выступить как свидетель, поведать людям всю правду об ужасных преступлениях лагерных палачей и невероятных страданиях заключенных.

* * *

Умение управлять собой является морально допустимым и антропологически оправданным противовесом власти, направленной на закабаление чужой воли. Но, увы, даже хозяин собственной воли не всегда способен преодолеть дьявольское искушение, связанное с наслаждением своего превосходства над другими людьми.

* * *

Поскольку наша сущность не всегда совпадает с нашим существованием, время от времени мы съезжаем с наезженной колеи жизни и преподносим себе неожиданные сюрпризы.

* * *

В борьбе за утверждение великого дела, несмотря на все усилия власти, вначале умирают его творцы, затем постепенно меркнет само величие этого дела в сознании рядовых его участников, а в заключение неблагодарные потомки ставят под сомнение сакральность «героических свершений» своих предков.

* * *

Отведавший вкус славы постоянно ощущает в ней потребность, а когда надежда на достижение успеха делается затруднительной, он соглашается на минимум – упивается сознанием собственной значимости.

* * *

Даже невинный человек мог бы что-нибудь поведать об эротических шалостях бога сна Морфея; и сам римский папа, увы, не составляет здесь исключения.

* * *

Первые проблески воли человека обнаруживают себя в его сравнении со своими сородичами. Из этой оценки вызревают стремление к превосходству, переживание неполноценности и тяга к справедливости.

* * *

Борьба за выживание превращает гамлетовское сомнение «быть или не быть» в непоколебимую уверенность: быть во что бы то ни стало, даже за счет страдания своих ближних!

* * *

Современный *хомо* – это обладатель *мобилы*, показывающий всем своим видом, что окружающие люди не заслуживают его внимания, сосредоточенного на разговоре с владельцем другой *мобилы*.

* * *

Кто забросил меня в эту эпоху? По чьей милости я обречен жить здесь и теперь, а не там и тогда? На эти вопросы, поставленные когда-то Паскалем, я мог бы ответить так: причиной моего появления на свет явилась любовь, соединившая моих родителей (раненого солдата и медсестру) семейными узами в годы Великой Отечественной войны в Сибири, в СССР.

* * *

Как только человек рождается, он в силу своей беспомощности сразу же попадает под опеку своих родителей, соседей, учителей; затем становится предметом оценки жены, друзей и коллег. Кроме того, он должен быть готов предстать перед судом собственной совести, которая, формируясь под воздействием упомянутых выше лиц, к этому влиянию отнюдь не сводится.

* * *

Кто обладает властью, тот наделяется неписанным правом оценивать достижения своих подчиненных как собственную заслугу, считать себя незаменимым и лелеять надежду вписать свое имя в анналы истории.

* * *

«Помните, у человека нет другого выбора, он должен быть человеком», – писал Ежи Лец. Но *должен* еще не значит, что *он может*, даже если и сильно захочет.

* * *

Кирилл Ковальджи цитирует фрагменты очерка Леонида Андреева, посвященного подавлению Временным правительством июльского мятежа большевиков, который был опубликован в журнале «Русская воля» от 15 сентября 1917 г. В нем, в частности, говорится: «Ты так велик, ты так божественно прекрасен, необыкновенный победитель, раздавивший отечество, вставший над законом, смело презревший всякого другого Бога, кроме тебя. Ты почти Бог, Ленин, – ты знаешь это?.. Или ты не один? Или ты только предтеча? Кто же идет за тобою?.. Густится мрак, и во мраке я слышу голос: “Идущий за мною сильнее меня”». Поразительно, но эти строки написаны за сорок дней до Октябрьской революции. Никто тогда и не «чуял» того, кто незаметно шел следом, – Джугашвили-Сталина. Последний, как известно, наделил Ленина священными атрибутами, превратил «марксистскую церковь» – большевистскую партию – в «тело человеко-бога» и перенес сакральные качества своего предтечи на собственную личность «гениального вождя». Как абсолютный суверен, власть которому делегировал божественный Ленин, Сталин присвоил себе право быть абсолютным хозяином жизни и смерти каждого гражданина Советского государства.

* * *

Каждый человек знает, *где и когда* он родился, но, увы, не может окончательно решить, *суждено ли ему оправдать надежды* своих родителей, забросивших его в бытие по обоюдному согласию.

* * *

Стремление быть признанным обитает в каждом человеке, пусть и не как иступленная одержимость, но как естественная предрасположенность, которую можно усилить или приглушить, однако нельзя полностью вытеснить. Если бы какой-то человек подавил в себе желание быть кем-то в сознании других людей, то он, скорее всего, превратился бы безродного одиночку, влачащего жалкое существование. Признать заслуги человека – значит помочь ему поверить в смысл собственного бытия.

* * *

Из сравнения рождается зависть; из сравнения рождается стыд; из сравнения рождается гордость. И только в любви возникает несравненное, для которого, по словам Бомарше, недостаточно даже слово «слишком».

* * *

Тезису «человек – это животное, нуждающееся в господине» Кант противопоставил антитезис: каждый человек должен иметь мужество научиться пользоваться собственным умом, чтобы освободиться от рабства, навязываемого ему чужой волей.

* * *

Когда общество признает за человеком его заслуги, то что-то говорит ему изнутри: «За работу, не расслабляйся, не снижай высокого уровня!» Вероятно, поэтому в переживании признания, наряду с радостью торжества, иногда присутствует и смущение: заслуженный человек стыдится опуститься ниже того, чего от него ожидают другие, и это побуждает его пытаться «прыгнуть выше головы», чтобы превзойти достигнутое или оправдать чужие ожидания.

* * *

Если ни одно решение не дает шансов на выход из тупика, значит, смирение – это веление судьбы, согласившись с которой человек приносит в жертву собственную свободу или продает себя в рабство. В этом и только в этом случае, считали стоики, сведение последних счетов со своей жизнью можно считать морально оправданным.

* * *

Ослабление власти судьбы, освобождение от тирании искусственных потребностей и отказ от претензии быть кем-то во мнении других – таковы условия нашей свободы. Все, что мы производим, все, чем мы владеем и все, от чего мы зависим, возвышая нас в собственных глазах, одновременно стесняет и угнетает наше бытие.

* * *

Одни ученые утверждали, будто история человечества завершится вместе со снижением температуры Солнца; другие считали, что жизнь подойдет к своему концу намного раньше – с истощением энергии, накопленной всей предыдущей массой живых организмов; и, наконец, третьи говорят о неминуемом экологическом коллапсе, который они связывают с перенагруженностью нашей планеты человеческой массой, требующей для себя достойной жизни.

* * *

Несмотря на все попытки представить небытие как непостижимое таинство, совершенно очевидно, что *смерть – это ничто*. Тогда как угроза наказания смертью является универсальным регулятором отношения человека к человеку, без которого совместное бытие людей было бы невозможным.

* * *

Наша жизнь слишком коротка, чтобы объять все накопленное человечеством знание; но она достаточно продолжительна, чтобы понять значение этой истины, которое, однако, не аннулирует нашего тщеславия и не предохраняет нас от переживания комплекса неполноценности.

* * *

Как правило, старики спокойно относятся к мысли о предстоящем уходе из бытия. Может быть, потому, что они располагают достаточным досугом, чтобы свыкнуться с этим фактом или потому, что память о преклонном возрасте не дает им лить слезы, или потому, что пожилые люди полагают: само время приведет их к роковой развязке.

* * *

Человечеству пока не удастся и, возможно, никогда не удастся наладить коммуникацию со своими собратьями по космическому разуму. Нельзя исключать, что инопланетная цивилизация, если она и существует в просторах бесконечной Вселенной, никогда не узнает о судьбе земного сироты.

* * *

«Мы бы могли» – это иллюзия, которая тем не менее помогает нам *пробивать брешь* в фатальности навсегда канувших в небытие событий прошлого. Заложники сослагательного наклонения, мы тоскуем по нереализованным возможностям и хотели бы обратить время вспять, чтобы извлечь из недр собственной памяти упущенные надежды и нереализованные мечты.

* * *

Изречение Плавта «человек человеку – волк» – это клевета на волка, ибо последний не убивает своих сородичей из «идейных» соображений. С природой хомо сапиенса лучше всего согласуется другая максима: «Я человек, а следовательно, ничто *нечеловеческое* моему существованию не чуждо».

* * *

Несмотря на то, что время стирает *приметы истории* и уничтожает *свидетельства эволюции*, палеоантропология, этология и молекулярная генетика помогают восстановить следы бытия нашего архаичного предка в морфофизиологических и поведенческих структурах современного человека.

* * *

Если между государствами когда-нибудь возникнет братская дружба, то это будет союз против инопланетян, вторгнувшихся на нашу Землю.

* * *

Искушение самоубийством – это экзистенциальное сомнение, бросающее вызов приоритету бытия над небытием.

* * *

Возможность обладает *магическим свойством*, ибо способна воздействовать на реальность именно в меру своей невоплощенности. Угроза и

надежда – это аффективные ипостаси возможности. Например, угроза наказания является более действенным мотивом исполнения закона, чем само наказание, а угроза страха может предотвратить надвигающуюся беду.

* * *

Истина, добро и красота противостоят полезности и одновременно склоняют перед ней свои головы. Почти все открытые человечеством истины используются в практических целях. Добро включает в себя *счастье* как высшее проявление пользы и *справедливость* как выражение «заслуженного счастья». Даже красота служит предметом вульгарного вожделения.

* * *

Однажды наступит наш последний день, но и тогда мы не узнаем, что означает совет, рекомендуемый нам жить так, как если бы каждый день был бы для нас последним.

* * *

Сознание того, что ты пережил своих друзей, наполняет тебя одновременно и довольством, и тоской. Кто не испытал этих противоречивых чувств, тот не может сказать, что он постиг смысл проклятия *быть человеком*.

* * *

Сколько досадных недоразумений можно было бы избежать, если бы тон нашего голоса соответствовал смыслу наших высказываний.

* * *

Идея *светлого будущего* не раз превращалась в ненасытного вампира, не способного существовать иначе, как питаясь кровью своих сородичей, не желавших возлагать свою жизнь на алтарь счастья неведомых им потомков.

* * *

Завтра непременно наступит, но появится оно *сегодня*, и суровая проза настоящего развеет очарование надежды, возлагаемой на загадочно-таинственное будущее.

* * *

Мы уделяем столько внимания заботам о будущем, что *по-настоящему* и не живем в настоящем.

* * *

Логический закон достаточного основания опирается на онтологический принцип, который гласит: существует нечто, а не ничто. Следовательно, ничто – это паразит на «теле бытия», питающийся его отбросами.

* * *

Память и надежда подчиняют своему диктату переживания настоящего и пытаются превратить его в *служу прошлого* или *глашатая будущего*.

* * *

Если фантазия-игра – это единственная ложь, которая обогащает человеческую реальность и не унижает морального облика истины, то фантазия-сакральность посрамляет истину и порождает веру в потусторонний мир.

* * *

Человек – существо несамодостаточное, поэтому надежды и мечты как лирическая компенсация антропологической неполноценности никогда, по-видимому, не иссякнут, как не исчезнет и желание добиться признания от своих тщеславных сородичей.

* * *

Идеология историцизма – это обожение времени, апология фатальности становления бытия, идолопоклонство перед будущим. Если прогресс – цель, говорил Герцен, то для кого мы работаем? Кто этот Молох, который, по мере приближения к нему тружеников, вместо награды пятится и в утешение изнуренным и обреченным на гибель толпам, которые ему кричат: *Morituri te salutant!* – только и умеет ответить горькой насмешкой, что после их смерти будет прекрасно на Земле? Если будущее – это цель, а прогресс бесконечен, то это одно должно было насторожить людей; цель, бесконечно далекая, – не цель, а попросту уловка. К тревожным размышлениям русского мыслителя можно было бы добавить: если прогресс бесконечен, а Земля конечна и ее ресурсы ограничены, не означает ли это, что рано или поздно земляне столкнутся с «аргументами самоугрозы», которые заставят их переосмыслить парадигму неограниченного прогресса, составляющую основу телеологической рациональности? Возможно ли выработать новую конфигурацию целей, ценностей, форм общественных отношений, труда и научного познания, которые могли бы преодолеть самоубийственные тенденции прогресса, основанного на инструментальном разуме? Не является ли сама цивилизация и выработанные ею формы бытия последним этапом в эволюции хомо сапиенса?

* * *

Опытный историк обладает волшебным умением «сжимать» монотонное существование ушедших в небытие поколений до нескольких волнительных часов, которые его читатели затрачивают на знакомство с судьбами своих предшественников.

* * *

Коммунизм, составляющий стержень марксистской идеологии, исходит из того, что естественные законы истории, открытые Марксом и воплощаемые в жизнь коллективной волей коммунистической партии,

нерушимы и незыблемы. Кто сопротивляется прогрессивному движению истории, тот должен быть разгромлен – как и тот, кто, не понимая имманентной логики развития истории, не обладает твердой верой в победу коммунистического строя. В этом смысле вера в неизбежность торжества светлого будущего имела несомненное сходство с религиозной верой в Божественное провидение. *Верующие в коммунизм* невольно превращали свою веру в фундамент стратегических решений: ощущали себя «солдатами священного воинства» и были убеждены в том, что будущая победа гарантирована естественными и неодолимыми законами истории. Таким образом, создавались предпосылки для превращения надежды на лучшее будущее в веру в коммунизм и этой веры – в фанатизм и нетерпимость к инакомыслящим.

* * *

Твердолобые борцы за «светлое будущее» заклеили своих идейных противников «врагами народа» и безжалостно их уничтожили за попытку предостеречь *неистовых прометеев* от исторического авантюризма, связанного со строительством коммунистического рая.

* * *

Идея «неумолимой поступи истории» парализует свободу людей и отдаёт ее на откуп жестоким диктаторам, которые оправдывают свои кровавые злодеяния ссылкой на «железную логику» общественного развития.

* * *

Чтобы снять с себя бремя исторической ответственности, большевики объясняли причину своих неудач живучестью *буржуазных предрассудков*, которые в реальности были не отклонениями, а вожделениями и которым они сами и предавались в своей частной жизни, проповедуя для трудящихся умильную сказку о счастливом коммунистическом изобилии.

* * *

История повторяется не только потому, что потомки не желают учиться на заблуждениях своих предков, но и потому, что последние старались взвалить ответственность за свои ошибки на плечи самой истории – этого вечного козла отпущения.

* * *

Возможность самоубийства порождает в сознании кандидата на добровольную смерть иллюзию о том, что он положит конец и существованию самого мира: «солипсизм» открывает перед ним ощущение такой захватывающей свободы, которая доступна только тому, кто пытается отыскать ее в «другом измерении». Идея самоуничтожения сообщает самоубийце иллюзию торжества над временем, которая присуща и религиозной вере; в сущности, обе иллюзии – разновидности одного и того же *метафизического освобождения*: налагающий на себя руки убивает себя,

чтобы освободиться от рабства бытия, тогда как верующий полагает, что, освободившись от тела, его душа достигнет спасения в вечности.

* * *

Многие исторические фигуры, признанные ныне классиками, располагали иными представлениями о масштабе собственной значимости, опираясь на критерии общественного признания своей эпохи. Мы знаем немало творцов мировой культуры, которые в свою эпоху жили и творили в безвестности, имели более чем скромное общественное признание и в лучшем случае мечтали сравниться в славе со своими удачливыми современниками, но которые были возведены последующими поколениями на вершины Олимпа мирового признания, вошли в блестящую когорту всеми почитаемых ныне классиков. Истории также известны и такие личности, которые по разным причинам не располагали благоприятными возможностями для развития своих талантов и творческие достижения которых были, по тем или иным обстоятельствам, насильственно прерваны. Однако гораздо чаще происходит нечто противоположное: мы склонны некритически признавать и неумеренно восхвалять заслуги и достижения тех лиц, которые доминируют на политическом, интеллектуальном или артистическом небосклоне современности. В течение многих десятилетий, например, мы «клялись» Марксом и Лениным. Нам вменяли в обязанность ссылаться на основоположников «научного социализма», да и мы сами охотно обращались к их трудам, воспевали их «мудрость», их способность к «научному предвидению», строгость их методологического анализа и их высокие нравственные качества. Затем, после краха реального социализма, их имена мало-помалу потускнели. Наступила эпоха переоценки всех ценностей, и «цензор» исторического признания сверг эти фигуры с пьедестала небожителей и низвел до уровня, в лучшем случае, выдающихся мыслителей и политиков, но и не более. Кстати сказать, сам Маркс однажды сказал, что «мертвый цепляется за живого» И это действительно так, как и наоборот: живой не был бы живым, если бы он, в свою очередь, не «цеплялся» за мертвого. Человек, лишенный исторической памяти и отвергающий какую-либо приверженность традициям, – это выскочка, который не признает никакого родства с прошлым, хотя в реальности живет на ренту с духовного капитала, завещанного его предками.

* * *

Переживая внезапно обрушившуюся беду, мы проклинаяем свою судьбу, а неминуемому несчастью мы бросаем вызов: «Я сделал все, что мог».

* * *

Завтра – это *утешитель*, не позволяющий нам стать жертвами агрессии сегодняшних забот; но завтра – это и *невротик*, закатывающий *истерику* настоящему в связи с необходимостью принимать неотложные решения.

* * *

Коли ты жаждешь покоиться в *пантеоне истории*, постарайся, по мере возможности, обогнать эпоху, в которую тебя «забросили» жить. А если тебе не удастся преодолеть рутину настоящего, то ты будешь погребен на кладбище с покрывшимися крестами.

* * *

Кого только не встретишь на свалке истории: и свирепых тиранов, и серийных убийц, и нравственных уродов. Но преобладают в ней перфекционисты, сторонники максимы «все или ничего».

* * *

Мы имеем власть над будущим, способны влиять на настоящее и даже извлекать уроки из прошлого путем переосмысления значения случившегося в сослагательном наклонении. «Мы бы могли» – это не только покушение на легитимность достаточного основания случившегося, но и проявление свободной воли человека в границах его тогдашних нереализованных возможностей вопреки неумолимой судьбе.

* * *

Существует два типа спора: гносеологический и экзистенциальный. Согласно определению первого типа в споре побеждает тот, чье мнение соответствует действительности. Второй тип – экзистенциальный – нередко перерастает в *полемику*; это слово в переводе с греческого буквально означает «война». В основе этого спора лежат антиномии, связанные со смыслом бытия. В ходе полемики спорящие вольно или невольно отождествляют себя с одним из тезисом, которому они приписывают сакральное значение. Опровержение смысла тезиса для спорящегося равнозначно покушению на собственные жизненные принципы, на базовые структуры своей личности. Экзистенциальный спор в теоретическом плане, как правило, ничем не заканчивается, а в практическом как минимум завершается оскорблением.

* * *

Частица «бы» сослагательного наклонения – это возможность, которая опосредует отношения бытия и небытия. Если дизъюнктив *быть или не быть* связан простым отрицанием, то между *быть* и *бы* существуют более глубокие взаимоотношения. Частица *бы* сослагательного наклонения возникает по ту сторону *быть или не быть* как общий им корень. К этому следовало бы добавить, что в царстве *бы* виртуального дискурса человек превосходит всех великих утопистов мира, вдохновляемых возвышенными идеалами, ибо он претендует на то, чтобы повернуть само время вспять: превратить необратимое в обратимое, бывшее в небывшее, и все эти *мистерии* разыгрываются на «подмостках театра» сослагательного наклонения.

* * *

Ничто не наполняет нас таким довольством, как избавление от смертельной угрозы, ибо в душе каждого мужчины дремлет охотник-авантюрист, привыкший к стычкам с хищными животными и закаленный в сражениях против своих сородичей.

* * *

Историк имеет дело не только с фактами прошлого, но и с идеалами и мечтами о будущем, вдохновлявшими исторические персонажи на героические поступки.

* * *

Призыв возлюбить своего ближнего превращает меня в мизантропа не столько из-за отвращения к моим сородичам, сколько из-за *обязанности* любить их.

* * *

Надежда – мать всех иллюзий; но только некоторым из них, прошедшим через горнило судьбы, удастся внедриться в реальность и превратиться в закоренелые предрассудки.

* * *

В одной из детских сказок повествуется об ученике колдуна, который, зная волшебное заклинание, сумел вызвать джинна из сосуда, но, к несчастью, забыл заветное слово, которое бы могло вернуть того назад. Человек – хозяин своего действия в том, что он делает, но не в том, чтобы отменить уже сделанное. В лучшем случае он ученик колдуна, ибо только настоящий волшебник может бывшее сделать небывшим. Последнее объясняет и то, почему человек, переживающий угрызения совести, воспринимает свои прошлые действия, которые он пытается переиначить в сослагательном наклонении, в качестве чуждых и враждебных ему сил.

* * *

Человеческое сознание устроено так, что свою неспособность предвидеть драматические события будущего оно компенсирует своей склонностью к смягчению неудач прошлого.

* * *

Один человек говорит: «Завтра все будет не так, как сегодня», – а другой утверждает: «Завтра все будет так, как сегодня». И каждый из них прав: *время и проходит, и непрерывно длится.*

* * *

Как это ни парадоксально, но самым большим препятствием на пути признания вины является ее родной брат – стыд.

* * *

Заря нового дня пробуждает в человеке надежды на перемены своего бытия, но с наступлением сумерек он ищет достаточные «основания» для оправдания упущенных возможностей.

* * *

Несмотря на страстную веру в торжество будущей справедливости, многие революционеры обвиняли своих соратников в лицемерии и предательстве. Непревзойденным *гением подозрительности* всех времен и народов был и остается Коба, который не только публично заклеил своих старых товарищей как «врагов народа», но и отправил их на эшафот.

* * *

Для того, кто не хочет жить, но и не может добровольно умереть, искушение самоубийством становится своего рода одержимостью, не позволяющей отвлечься от этой двойной невозможности.

* * *

Мы можем простить человеку его дурной вкус, глупую жадность, мелкую хитрость. Но как только мы начинаем прозревать в нем скрытую подлость, в нас зарождается чувство негодования, которое сметает скрепы «вежливой иронии» и превращается в нескрываемое презрение.

* * *

Спроси себя: «Кто ты такой?» – и ты поймешь, что не являешься тем, кем хотел бы стать.

* * *

Первая нравственная проблема начинающего пенсионера: как перестать мучиться угрызениями совести и дискомфортом от сознания собственного безделья?

* * *

Территорию парадокса от владений абсурда отделяет тонкая межа *инстинкта истины*, которая лишает идею бессмертия претензии на реальное бытие, но сохраняет за ней право именоваться *трансцендентной иллюзией*.

* * *

Каждый новый день – это граница между прошлым, канувшим в небытие, и будущим, которое продлится до предпоследней минуты нашей жизни.

* * *

Детям нравится переноситься в своем воображении из настоящего в прошлое и, опираясь на достижения современной военной техники, содей-

ствовать делу справедливости: «сражаться» против захватчиков или угнетателей на стороне порабощенных и притесняемых.

* * *

Скептик – заложник собственных сомнений, которые заставляют его терзаться мыслью, будто своим воздержанием от выбора он ввергает в небытие множество виртуальных возможностей, которые он мог бы осуществить.

* * *

Искренность рождает доверие. Но, с другой стороны, полагал Кант, люди бежали бы в ужасе друг от друга, если бы они могли созерцать один другого в полной откровенности.

* * *

Нелегко *перевоспитать воспитателя*, ибо далеко не всякому учителю понравится, если его ученик, став зрелым человеком, начнет его учить, как надо ему жить.

* * *

Человек, наделенный богатым воображением, испытывает сожаления об утраченной возможности еще до того, как последняя превратится в реальность.

* * *

Историческое развитие укрепляет права женщин: рождение человека все в большей мере зависит от свободного решения своей матери.

* * *

Историю делают победители, которые дерут три шкуры с побежденных в уплату расходов в связи с одержанной над ними победой. А потом триумфаторы *пишут историю*, в которой упоминают и побежденных, чтобы оттенить величие своего торжества.

* * *

Чтобы оправдать свою низость, все преступники мира интерпретируют сослагательное наклонение в духе фатализма: «Если бы этого не сделал я, то сделал бы кто-то другой».

* * *

Если бы не существовало презрения, то в мире было бы гораздо больше жертв ненависти. Презираемого превращают в раба, а ненавидимого лишают жизни. Непримирым антагонизм замещается гибким взаимоотношением контрадикторных различий – основы толерантного отношения человека к человеку.

* * *

Он слывет таким добрым, таким щедрым, что готов отдать все, даже то, чего у него никогда и в помине не было.

* * *

Пересмотр утраченных возможностей – источник «мудрости» сослагательного наклонения, которая посрамляет достаточное основание случившегося и «исправляет» нежелательное событие задним числом, дабы потомки научились не наступать на те же самые грабли.

* * *

Превращая трепет надежды в сарказм неудачи, разочарование делает нас *менее наивными*: «разбитое корыто» учит нас реализму.

* * *

Презрение к самому себе – это предпоследний этап, за которым следует покорность судьбе или тотальная переоценка ценностей.

* * *

Опыт – это наш учитель; но иногда он заставляет нас ощущать себя *второгодниками*.

* * *

Здравый смысл отвергает и философию, и теологию, отождествляя первую со второй. Именно в этом отождествлении и выражается ограниченность здравого смысла.

* * *

Человеку свойственно не столько признаваться в своих ошибках, сколько ссылаться на «козлов отпущения» для оправдания своих заблуждений.

* * *

Делай все, что ты хочешь, если только ты согласен, чтобы и другие поступали так, как им заблагорассудится.

* * *

В изумлении скрыт намек на непостижимость мира, но еще большее удивление вызывает утверждение Эйнштейна, что «самое непостижимое в мире – это то, что он постижим».

* * *

Кто ставит перед собой цели ниже своих возможностей, тот никогда не сможет превратить жизнь в приключение.

* * *

Пятидесятилетний стаж педагогической работы превращает каждый новый день в восхождение на Голгофу, сопровождаемое мелодией реквиема.

* * *

Искусство жить заключается в том, чтобы вовремя загасить искру маленького конфликта и не дать перерасти ему в пожар большой трагедии.

* * *

Когда наблюдаешь поведение некоторых своих сородичей, то невольно думаешь, что Господь создал их в страшной спешке или будучи нетрезвым.

* * *

Трудно полюбить тому, кто знает себе «настоящую цену»; но, с другой стороны, отсутствие самолюбия может превратить влюбленного в покорного раба неразделенной страсти.

* * *

Отличие морального поступка от легального, на котором настаивал Кант, состоит в том, что если совесть *побуждает*, то страх *заставляет* человека быть ответственным.

* * *

Причуды супружеского выбора можно объяснить отсутствием выбора, временным помрачением ума или странным стечением обстоятельств. Любовь – зла, полюбишь и козла!

* * *

Справедливость – это *вторая жертва* преступления, которая снабжает *первую жертву* – потерпевшего – аргументами для борьбы против посягательств на свои неотъемлемые права.

* * *

Угрызение совести – это не только донкихотская борьба нашего сознания против «цинизма» необратимого времени, но и восстановление, пусть и задним числом, попранной справедливости.

* * *

Если одни люди покрыты носорожьей кожей, то другие – сплошной комок нервов: что одним только смутно грезится, то другие переживают как ужасный кошмар.

* * *

Трудно преуменьшить значение той цели, к которой мы страстно стремились, но которую, увы, так и не сумели осуществить.

* * *

Он такой умный, такой умный: просто с ума можно сойти!

* * *

Ничто не может смягчить страдания, вызванные самоубийством дорогого нам человека, – даже идея, что его добровольный уход из жизни – это высшее выражение его свободной воли, освобождение от рабства бытия.

* * *

Начальник просит, но подчиненный воспринимает его *просьбу* как *приказ*, ибо прекрасно понимает, что в современном обществе власть не любит повышать голоса и предпочитает облекать повеления в *просьбы*.

* * *

«Я не несу никакой ответственности за свои действия, ибо добросовестно выполнял приказы» – это оправдание есть типичное проявление *банальности зла*, чреватое превращением человека-робота в людоеда.

* * *

Если бы все люди боролись за торжество справедливости с таким же рвением, с каким они хотят обрести свое счастье, «кривую тесину» человечества можно было бы немного и распрямить.

* * *

Хотя из десяти угроз, как правило, осуществляется только одна, этого вполне достаточно, чтобы поддерживать уровень страха на должной высоте для принуждения потенциального правонарушителя к исполнению закона.

* * *

Если ошибка – незаконнорожденная сестра истины, то ложь – это блудная дочь справедливости.

* * *

Мнению французского писателя Реми Гурмона, что сторонники смертной казни имеют больше общего с убийцами, чем ее противники, можно противопоставить иное: противники смертной казни потворствуют убийцам гораздо больше, чем ее сторонники. В подтверждение последней альтернативы можно сослаться на довод Иммануила Канта, который полагал, что жизнь, какой бы тяжелой она ни была, неоднородна со смертью; а поэтому нет и иного эквивалента между преступлением и возмездием, как равенство, достигаемое смертной казнью преступника, приводимой в исполнение по приговору суда, но свободной от всяких жестокостей, которые человечество в лице пострадавшего могло бы превратить в утрашение.

* * *

Человек проходит через ад страданий, через болезни, холод, голод, невыносимые нравственные муки, чтобы выжить, а потом умереть... *собственной смертью*.

* * *

Что такое желание, как не стимул к пересозданию реальности с целью получения добавленной стоимости на вложенный капитал затраченных усилий?

* * *

Всякий человек, утверждающий, что он отлично знает себя, и не жалеющий о том, что он появился на свет *здесь и сейчас*, а не *там* и *тогда*, знает себя только наполовину.

* * *

Старик утрачивает вкус к тайне не потому, что она кажется ему постижимой, а потому, что с возрастом он начинает понимать, что перед лицом неминуемого небытия тайна ничего не значит.

* * *

«Хочу! дай! купи!» – кричит ребенок, и родители позволяют ему все, не требуя ничего взамен. Даже правило морали «Не делай другому того, чего ты не хотел бы, чтобы он тебе делал» не в силах победить эгоизм, впитанный с молоком матери.

* * *

Нельзя недооценивать влияние *посредственности* на отношение человека к человеку: сам здравый смысл служит у нее на посылках!

* * *

Ни один человек не способен существовать без радости удивления или горечи разочарования хотя бы потому, что мир не таков, каким он ему кажется.

* * *

Если бы не было никакой разницы между тем, что случилось, и тем, что могло бы произойти, мы утратили бы не только сослагательное наклонение, но и переживание чувства вины.

* * *

Типичное самооправдание обывателя: «Если законоблудители не без греха, то тогда сам Бог не может запретить мне жить не только на одну зарплату».

* * *

Смерть безжалостно уравнивает всех: какое это разочарование для одержимых величием и какое утешение для обиженных судьбой!

* * *

Только одному Богу ведомо, был ли Иисус *Сыном Божьим* или только *Сыном человеческим*.

* * *

Когда иссякает искушение пренебречь хотя бы одной из десяти заповедей, это значит, что скоро тебе предстоит встреча с Небесным Судьей.

* * *

Моисей, Будда, Иисус, Мухаммед, Сверхчеловек, Всесторонне развитая личность – таковы магистральные вехи сакральных идеалов homo sapiensa в их светских и религиозных облачениях.

* * *

Как только проповеднику непротivления злу насилием вlepили пощечину, он тут же подставил другую щеку, когда же ему снова отвесили оплеуху, он засомневался в своей вере. А после пинка под зад он стал ревностным приверженцем идеи справедливости, основанной на принципах талиона.

* * *

Бог помогает тому, кто сам себе помогает. А кто надеется только на Бога, того Он наказывает за излишнее легковерие.

* * *

Ницше ненавидел христианского Бога потому, что не был достаточно здоровым, чтобы его презирать.

* * *

Если случайность – это взбесившаяся свобода, ведущая нас в рабство непредсказуемости, то чудо – это взбесившаяся надежда, вышедшая за пределы реальной возможности.

* * *

Центральная идея книги «Масса и власть» Элиаса Канетти звучит так: мы, верховные властители Земли, посланники Солнца и сыновья Неба, дарующие подданным право на жизнь и на смерть, не можем не быть властелинами над собственной жизнью и смертью. Однако подлинное отличие властителя от подданных коренится в его абсолютной власти над ними, и его власть не всесильна, если ему уготован удел всех прочих смертных. Власть абсолютна лишь тогда, когда ее носитель переживет всех смертных – и тех, кто еще жив, и тех, кому еще предстоит только родиться.

* * *

На аксиомы математики, законы физики или постулаты здравого смысла не молятся; реальность, воспроизводимая в нашем сознании в виде истины, в отличие от религиозных фантазий, не является предметом культа. Все невозможное – это сфера «компетенции» Бога.

* * *

Смерть одинокой набожной старушки не вызовет у обитателей многоэтажного дома никакого беспокойства. Само ее существование можно было бы сравнить с подвигом святой мученицы, которая дала Богу обет прожить как можно неприметнее в человеческом муравейнике, а затем безмолвной тенью выскользнуть из него и «перелететь» в небесное царство на постоянное местожительство.

* * *

Что такое идея бессмертия, как не *отчаянный вызов* сумасшедшей надежды, брошенный в лицо безутешной скорби, не способной отличить фикцию от реальности?

* * *

Несмотря на свою онтологическую ничтожность, человек наделен неискоренимым желанием выделиться, отличиться, заслужить славу. Даже Бог, закончив творение мира, был вынужден, из-за отсутствия свидетелей, расточать похвалу в свой собственный адрес. Никто не может быть безразличным ни в хвале, ни к хуле; а если мы сделаемся равнодушными и к тому, и к другому, то что мы забыли тогда среди своих сородичей?

* * *

Как верующий не должен списывать на Бога всю вину за содеянные им грехи, так и неверующий не должен сваливать на эволюцию все недостатки, связанные со становлением homo sapiens.

* * *

Чудо – это продукт воображения, пресытившегося диктатом *упрямой реальности* и плененного *чарами невозможного*.

* * *

В отличие от человека, который во всем нуждается, Богу ничего не нужно; Его *питают* молитвы верующих, которые, осознавая себя несамодостаточными, являются *попрошайками*, домогающимися *Его милости*.

* * *

Если бы Адам и Ева смогли предвидеть все ужасы демографических последствий первородного греха, то они сделали бы все возможное, чтобы отделить секс от деторождения.

* * *

Не всякая творческая мука автора – гарантия эстетического совершенства его произведения. И творение Богом человека по собственному образу и подобию – наглядное тому подтверждение.

* * *

С точки зрения Анри Бергсона, религия – это род компенсации, которая из глубины жизненного чувства смягчает опасности, порожденные разумом, предохраняя человека от пагубных последствий его мятежного духа. И действительно, главное назначение идеи бога – уберечь человека от превратностей судьбы. Стало быть, вера – это средство повышения эффективности инстинкта самосохранения. Философия же, напротив, иногда лишает нас последнего утешения, обнажает трагический характер нашего бытия, развенчивает идиллическую картину мира и предлагает нам беспощадные в своей реальности утверждения. Как образно сказал Октавио Пас, бальзам, который помогает зарубцеваться ранам времени, называется религией; познание, которое заставляет нас жить вместе с нашими ранами, есть философия. Стало быть, последняя – это антипод религии: философия не утешает и не выписывает рецепты спасения души; хуже того: она сыпет соль вопросов на – казалось бы, незыблемые – убеждения людей.

* * *

Согласно средневековым верованиям, только меньшинству людей – святым и злодеям – можно заранее предсказать их «потустороннюю судьбу». Души же большинства смертных не «беленькие», не «черненькие», а «грязненькие», и эта «грязь» отмывалась в «духовной бане» – чистилище, где находилась дверь, которая время от времени открывалась и пропускала «отмытую» душу в рай, тогда как дверь в ад была наглухо заколочена. Наказания в чистилище были такими же суровыми, как и в аду, но всегда существовала надежда получить путевку в рай. Для этого верующие должны были уже в земной жизни творить «добрые дела»: завещать Церкви свое имущество, не скупиться на щедрые подаяния и покупать индульгенции, которые сокращали время наказания в небесной тюрьме, вливая ручеек надежды в океан небесного блаженства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Чоран Э.М. Испытание существованием. URL: <http://www.Fedydiary.ru/html/092012/01> (дата обращения: 24.05.2019).

Эпштейн М. Афористика – лаборатория мышления. URL: <http://magazinesruss.ru/zvezda/2014/10/14ep.html> (дата обращения: 24.05.2019).

Mikhail A. Malyshev, Autonomous University of Mexico, Toluca, Mexico.
E-mail: mijailmalyshev@yahoo.com.mx

Article received 27.05.2019, accepted 01.07.2019, available online 07.10.2019

CROWN OF EVOLUTION OR BASTARD OF NATURE?

Abstract. This work is a collection of brief essays and aphorisms, which despite the apparent diversity are parts of a common explanatory principle based on the anthropological dualism between truth and value. Being a mental monad, every phrase, however, internally echoes other mini-texts, and therefore, the author does not leave attempt to link them internally. In this work, he combined the “logical quirks” of paradox and irony with some ideas drawn from his future book on philosophical anthropology, on which he is currently working.

Keywords: existence; death; man; animal; evolution; history; mind; emotions; truth; value; antagonism.

For citation: Malyshev M.A. *Venets evolyutsii ili bastard prirody?* [Crown of evolution or bastard of nature?], *Antinomii = Antinomies*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 7-41. DOI 10.24411/2686-7206-2019-00001.

References

Cioran E. *Iskushenie sushchestvovaniem* [The Temptation to Exist], available at: <http://www.fedydiary.ru/html//092012/01> (accessed May 20, 2019). (in Russ.).

Epstein M. *Aforistika – laboratoriya myshleniya* [Aphoristics – laboratory of thinking], available at: <http://magazinesruss.ru/zvezda/2014/10/14ep.html/> (accessed May 20, 2019). (in Russ.).

Шавеко Н.А. Проблема соотношения идеала и действительности в кантианской философии права. DOI 10.24411/2686-7206-2019-00002 // Антиномии. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 42–58.

УДК 172.1

DOI 10.24411/2686-7206-2019-00002

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ИДЕАЛА И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В КАНТИАНСКОЙ ФИЛОСОФИИ ПРАВА

Николай Александрович Шавеко

кандидат юридических наук,
научный сотрудник Удмуртского филиала Института философии и права УрО РАН,
г. Ижевск, Россия.

E-mail: nickolai_91@inbox.ru

ORCID: 0000-0002-5481-7425

ResearcherID: K-4637-2018

SPIN-код: 3004-0891

AuthorID: 744517

*Статья поступила 02.04.2019, принята к печати 13.05.2019,
доступна online 07.10.2019*

В настоящее время кантианская традиция является одной из наиболее влиятельных в моральной философии, философии права, политической философии и теории справедливости. В данной статье представлена попытка проанализировать проблему абстрактности «категорического императива», а также те аспекты, в которых данная проблема актуализировалась в современной философии. С этой целью автор рассматривает концепции справедливости таких ученых XX столетия, как Р. Штаммлер, П. Новгородцев, Г. Радбрух, Дж. Ролз, Ю. Хабермас и др. В ходе исследования применяются историко-генетический, историко-сравнительный, формально-юридический, системный и иные методы. В результате автор приходит к выводу, что проблема абстрактности «категорического императива» может быть эксплицирована в следующих аспектах, образующих различные научные дискурсы: 1) в идее естественного права с изменяющимся содержанием; 2) характере социального идеала, который не поддается обоснованию, но может быть лишь постулирован; 3) дискурсивном, а следовательно контекстуальном, характере конкретных правоположений, вытекающих из постулированного социального идеала; 4) допущении в исключительных случаях намеренно несправедливых норм с учетом реальной возможности претворения идеала в жизнь; 5) возможности понимания правового идеала как эгоизма индивидуальностей при условии взаимности; 6) положении о необходимости учета равенства возможностей, обуславливающей переход от классического к социальному либерализму; 7) в постановке вопроса о справедливости избрания и доминирования тех или иных юридических конструкций, продиктованных целями социальных институтов. В заключение автор делает выводы относительно актуальности и результатов обозначенных им дискурсов.

Ключевые слова: социальный идеал, правовой идеал, справедливость, естественное право с изменяющимся содержанием, неокантианство, Кант, равенство возможностей.

Введение. В настоящее время кантианская традиция является одной из наиболее влиятельных в моральной философии, философии права, политической философии и теории справедливости. Достаточно сказать, что к этой традиции причисляли себя такие мыслители, как Дж. Ролз (Ролз 2010: 15, 130, 225) и Ю. Хабермас (Хабермас 1995: 7, 107). Однако практически сразу же идеи Канта в области морали подверглись критике Гегеля, который утверждал, что кантовский критерий отсутствия противоречия (формального согласия с собой) сам по себе не способен разрешить вопрос о том, что является долгом в конкретной ситуации, поскольку для этого требуется конкретное содержание (Гегель 1990: 176-177). Тем самым было положено начало дискуссии о способах соотнесения абстрактного идеала и реальной действительности при условии сохранения возможности универсальной нравственности. Мы полагаем, что с учетом развития кантианской этической традиции в XX в. указанную проблему можно рассмотреть в следующих семи аспектах.

Аспект первый: естественное право с изменяющимся содержанием. Первый ученый, который провел неокантианскую методологию в область права, – Рудольф Штаммлер – предложил свою собственную трактовку концепции естественного права, явно пришедшей в упадок со времен Канта. Он полагал, что предшествующие представители школы естественного права предпринимали методологически неверную попытку создать «идеальный свод законов», применимый для всех стран и времен и якобы вытекающий из самой природы человека или природы вещей, в то время как эта природа в действительности не способна ничего сказать нам о должном (Штаммлер 1907а: 190), в отличие от природы разума (в терминологии Штаммлера – «природы права»); поэтому требуется лишь найти абстрактную, регулятивную формулу социального идеала в качестве безусловной конечной цели (Stammler 1902: 3-4, 11, 12, 14). Этот абсолютный критерий Штаммлер предлагал применять к конкретным жизненным ситуациями и в зависимости от обстоятельств места и времени находить соответствующий ему вариант урегулирования общественных отношений. Эта идея была активно воспринята русскими философами, такими как П.И. Новгородцев, Б.А. Кистяковский и С.Н. Булгаков, которые указывали на то, что Штаммлеру удалось, с одной стороны, преодолеть чрезмерно абстрактный характер моральной философии Канта, а с другой – развить интенции, имплицитно содержащиеся в трудах кенигсбергского мыслителя. Действительно, мы знаем, что, применяя категорический императив к конкретным жизненным случаям, Кант отрицательно отвечает на вопросы о том, дозволительно ли с точки зрения нравственности кончать жизнь самоубийством, давать лживые обещания, не реализовывать свои природные таланты, не помогать ближним (Кант 2007: 84-85, 90-91). Но если мы примем во внимание идею Штаммлера о том, что ни одно правило не может рассматриваться как

абсолютное, кроме самой регулятивной формулы социального идеала, то выводы Канта очевидно неверны, ведь в зависимости от конкретных эмпирических обстоятельств ложь, самоубийство и прочие действия могут соответствовать или не соответствовать социальному идеалу. На рубеже XIX–XX вв. «естественное право с изменяющимся содержанием» Р. Штаммлера явилось прогрессивным вкладом в философию права (положив конец господству юридического позитивизма), однако, как мы полагаем, практически сразу же эта идея столкнулась с невозможностью обосновать конкретную формулу абсолютного социального идеала. В результате это привело к тому, что научные дискуссии относительно «возрожденного» естественного права затихли, доминировать же стали другие, хотя и поднимающие вопросы справедливости, но одновременно признающие относительность любых представлений в этой области.

Аспект второй: характер абсолютного идеала. Как известно, Кант выводил нравственный идеал не из окружающей природы или природы человека как биологического существа, а скорее из природы человеческого разума. Относительно этой мысли следует привести замечание А. Шопенгауэра, утверждавшего, что «Кант выставляет так называемый моральный закон не как факт сознания» (то есть не как интуитивно ясное положение), а как априорное понятие чистого разума; в первом случае категорический императив «был бы антропологическим, имеющим основание в опыте, хотя и внутреннем, стало быть, эмпирическим, что диаметрально противоположно взгляду Канта и неоднократно им отвергается» (Шопенгауэр 1992: 144, 151, 153). И действительно, когда Р. Штаммлер постулирует формулу социального идеала «общество свободно волящих людей», когда Г. Радбрух идеей справедливости считает «равным – за равное» или когда П. Новгородцев выражает абсолютный идеал через категории свободы и равенства, все они полагают этот идеал чем-то самим собой разумеющимся, вытекающим из природы человеческого разума. Мы рассмотрели позиции неокантианцев первой половины XX в., но та же особенность свойственна и современным философам кантианской направленности. Так, Ю. Хабермас выдвигает так называемый принцип универсализации (Хабермас 2001a: 113; Хабермас 2001b: 103, 146) а О. Хёффе основной идеей политической справедливости называет «принцип равного права на свободу», он же «принцип беспристрастности» или «принцип обобщаемости» (Хёффе 2007: 140; Хёффе 1994: 21–22, 48). Но достаточно ли просто постулировать эти принципы? Г. Кельзен верно отмечал, что установление нормы – это вообще функция воли, а не разума, поэтому должное можно только постулировать, но не познать (Кельзен 2015: 501–502). Если так, то любой абсолютный идеал оказывается не подкрепленным аргументами. Как верно отмечал П.Б. Струве, «этическая проблема, как проблема о должном, неразрешима для позитивизма... никакая положительная наука не в силах устанавливать нравственные ценности» (Струве 1997: 370–371). И все же, даже если рассматривать установление должного как функцию воли, мы могли бы проанализировать в той или иной степени общечеловеческую волю, которая воплотилась в Уставе ООН и других международных

актах, подписанных и ратифицированных подавляющим большинством современных государств. Эта воля в некотором смысле является объективной, хотя и исторически относительной. Как верно отмечает М. Сэндел, «в мире мысль о том, что справедливость означает уважение определенных универсальных прав человека, получает все большее распространение и признание (по меньшей мере в теории, если не на практике)» (Сэндел 2013: 33). По нашему мнению, поскольку идеология прав человека получила широкое международное признание, современная теория справедливости может развиваться не только в виде осмысления указанных прав, но и в виде частных исследований, апеллирующих к названной идеологии. Подобный выход на опыт позволяет обосновать актуальность и практическую значимость тех или иных исследований в области справедливости, но и оставить любые попытки окончательно доказать какую-либо теорию справедливости.

Аспект третий: контекстуализм. Обращаясь к современным разработкам кантианских идей, например к теории справедливости Дж. Ролза, мы видим, что метод отыскания справедливости у Ролза – «рефлексивное равновесие» – представляет собой не что иное, как интуитивистскую трактовку кантианской этики; в свою очередь Ю. Хабермас в своей этике дискурса также отсылает к «внутреннему опыту» отдельных лиц, а именно к убеждениям и ценностям, которые должны быть обсуждены и согласованы по «принципу универсализации». Указанные авторы исходят из того, что мы не можем претендовать на нечто большее, чем согласованность этических интуиций и ценностей множества людей, которая достигнута в ситуации, обеспечивающей беспристрастность рассуждений лиц, ищущих принципы справедливости. Такая философия контекстуализма у них парадоксальным образом сочетается с кантовской априорной идеей права. Ролз и Хабермас используют кантовскую философию скорее как указание на идеальную процедуру, уравнивающую различные моральные интуиции – различные именно потому, что эти авторы вводят в априоризм антропологические допущения.

Теория справедливости Дж. Ролза подвергалась критике со стороны коммунитаристов как эмотивная, то есть апеллирующая к эмоциям людей и выдающая эти эмоции за требования долга. Действительно, Ролз часто использует выражения типа «интуитивно ясно», «интуитивно несправедливо». Но, по всей видимости, эта критика касается частных аргументов тех или иных дебатов, тогда как сам по себе критический метод не подразумевает отсылки к эмоциям (Кашников 2004: 193-204). Ролз задействует метод «рефлексивного равновесия», то есть анализирует первоначальную интуицию, чтобы сформулировать принцип, но это не означает, что он считает первоначальную интуицию истинной (Алексеева 2001: 70). Аналогично Ю. Хабермас говорит не просто о компромиссе различных ценностей, а об их пересмотре, корректировке и изменении их в ходе дискуссий, в результате чего достигается единогласие. Иными словами, первоначальные убеждения должны выдержать испытание дискуссией и быть либо отброшенными всеми, либо признанными всеми; если же не удастся ни то, ни другое,

следует избрать такие правила толерантности, которые оставляют относительный простор реализации противоположных убеждений.

По нашему мнению, подход Ролза и Хабермаса в некотором смысле действительно является продолжением логики «категорического императива» в его противопоставлении «золотому правилу морали»: первый, в отличие от второго, подразумевает абстрагирование от своих личных предпочтений, ценностных представлений и идеалов. В то же время он не теряет связь с опытом, если будет подразумевать учет желаний, ценностей и убеждений каждого члена общества, и в этом научные изыскания названных мыслителей по модификации кантовской моральной философии заслуживают поддержки. Вместе с тем сведение справедливости к простому результату дискуссий означает уничтожение идеи справедливости, ведь справедливость состоит в поиске такого решения, которое учитывает интересы сторон в равной мере, хотя в действительности оно могло бы никому не понравиться. Как верно отмечал Штаммлер, именно популярность должна основываться на правильности, но не наоборот (Stammeler 1902: 46, 155). В связи с изложенным закономерно вывод, что контекстуальный уклон Ролза и Хабермаса чрезмерно и неоправданно релятивизирует понятие справедливости.

У неокантовца Г. Радбруха, в свою очередь, мысль о невозможности отыскания единственного априорного идеала стала обоснованием ценностного релятивизма. По мнению философа, «из понятия справедливости вытекает, что равные требуют равного обращения, а различные – соразмерно различиям между ними. Но оба эти вопроса остаются открытыми: кого следует рассматривать в качестве равных или различных и как с ними обращаться?.. Чтобы выяснить содержание права, необходимо дополнительно ввести понятие целесообразности» (Радбрух 2004: 64). Какова же цель права, по Радбруху? «В сфере эмпирического познания мира, – пишет он, – существует лишь три вида предметов, которые могут быть опосредованы абсолютной ценностью. Это – отдельные человеческие личности, человеческие личности в целом и результаты человеческого труда... Резюме конечных целей одним словом: для индивидуалистической точки зрения – *свобода*; для надындивидуалистической – *нация*; для трансперсональной – *культура*» (Радбрух 2004: 65-69). Выбор между указанными ценностями, по мнению Радбруха, каждый делает по своему усмотрению, а роль политических партий в условиях демократии ученый видел как раз в том, чтобы выразить ценностный выбор большинства (См. об этом: Klein 2007: 208-212). Но тогда справедливость вновь оказывается поставленной в зависимость от результатов конкретного политического дискурса. Отсюда следует, что концепция справедливости Радбруха имеет те же самые недостатки, которые свойственны взглядам Ролза и Хабермаса. Более того, будучи разработанной профессиональным политиком во времена Веймарской парламентской республики, она определяет справедливость как в некоторой степени производную от конкретных политических процессов (результатов выборов в парламент), то есть еще больше релятивизует ее.

Аспект четвертый: практическая достижимость идеала. Неокантианская этическая традиция утверждает, с одной стороны, что «мы добиваемся осуществления наших идеалов не потому, что они возможны, а потому, что осуществлять их повелительно требует от нас и от всех окружающих нас сознанный нами долг» (Кистяковский 1998: 76), а с другой стороны, что безусловно невозможное и неосуществимое не может быть и долженствующим. Проблема здесь, очевидно, состоит в том, что человек практически никогда до конца не уверен в том, что тот или иной исход событий *эмпирически* невозможен; следовательно, речь должна идти лишь о *логической* (а потому и принципиальной) невозможности и неосуществимости, которая не налагает существенных ограничений на социальный идеал. Но в таком случае возникает другая проблема – проблема разграничения формального критерия справедливости и утопической идеи будущего, способной завести социальное развитие в тупик. Верно пишет Хёффе: «Ни во имя той или иной утопии, ни во имя предвидения не дозволено забывать о современности или даже приносить ее в жертву будущему. Ибо люди, живущие сегодня, не должны быть низведены до состояния средств для будущих людей» (Хёффе 2015: 194). Утопия будущего может быть и логически непротиворечивой, но под сомнением именно ее эмпирическая достижимость. Неокантианская формулировка социального идеала, на наш взгляд, выгодно отличается от утопической тем, что самоценным благом является даже минимальный шаг на пути к справедливости (например, устранение дискриминации в какой-либо сфере), а не только конечный результат (в виде коммунизма, «города солнца» и т.п.). Таким образом, даже если идеал нельзя обосновать, его постулирование должно удовлетворять некоторым формальным требованиям.

Помимо этого Штаммлер отмечает, что наши цели «должны оставаться в рамках возможной действительности, если им не суждено быть пустыми мечтаниями» (Штаммлер 1907b: 21), смягчая тем самым категоричное кантовское «ты можешь, ибо ты должен». Ученый обращает внимание на ситуацию, когда при определенных обстоятельствах некоторое правовое регулирование с очевидностью предстает как правильное, однако в силу тех или иных причин не может быть осуществлено. Он называет этот феномен «*сознательно неправильным правом*» – *bewusst unrichtiges Recht*. Удачным примером этого явления мы считаем крепостное право: оно представляется очевидно несправедливым, но для его отмены нужны были определенные социальные условия, отсутствие которых повергло бы страну в экономический шок, чреватый еще большими несправедливостями. Можно заключить, что концепция «неправильного права» Штаммлера и сегодня сохраняет актуальность, поскольку способна интерпретировать утилитаристские аргументы на языке кантианской этики.

Аспект пятый: взаимовыгодный эгоизм. Неокантианские мыслители отмечали, что человек у Канта мыслится слишком абстрактно, в результате чего не остается места проявлениям индивидуальности. П.И. Новгородцев писал: «Выведенная Кантом норма общественности – “царство лиц как целей” – имеет в виду не качественно новое проявление

лиц во взаимодействии их многообразных индивидуальностей, а только количественное повторение их однородных притязаний» (Новгородцев 2010b: 460). Однако, настаивает ученый, личность – это не только родовое, но и индивидуальное существо (Новгородцев 2010b: 459). В философии XVIII–XIX вв. (начиная от Руссо и Канта и заканчивая и Фейербахом и Марксом) было распространено рационалистическое родовое определение личности, не включающее индивидуальные особенности, поэтому казалось, что может быть найдена общая воля, удовлетворяющая потребности всех людей в равной мере (Новгородцев 2010a: 252–253, 260). Абсолютный идеал, по Новгородцеву, противостоит такому исходу и «решается, соответственно, каждым по-своему» (Фролова 2013a: 420–421). Но как тогда понимать общественный идеал? Очевидно, он заключается в таком правовом регулировании, при котором абсолютные идеалы всех личностей принимаются во внимание в равной степени. Но, по нашему мнению, в таком случае приходится допустить, что: 1) всякая форма себялюбия, согласующаяся с аналогичной формой себялюбия других людей, может стать «всеобщим законом», поскольку логически не противоречит самой себе, причем человек в этом случае относится к себе и как к цели, и как к средству, да и других тоже не воспринимает только как средства, 2) человек не обязан служить другим людям и обществу в случае, если сам не желает получать от них какие-либо блага (то есть он не обязан относиться к ним всегда как к самоцелям, и допустимым, вопреки Канту, становится отношение к ним «ни как к цели, ни как к средству»).

Продемонстрируем приведенный нами тезис на примерах, которые приводит сам Кант, но придадим им иное толкование (при этом мы солидаризируемся с той критикой кантовского учения, которую предлагает Г. Кельзен). Кенигсберский философ, в частности, настаивает на безнравственности самоубийств, совершенных с конкретной целью – избежать страданий. Но, во-первых, как правильно отмечал Г. Кельзен, вопреки Канту, нельзя сомневаться в том, что человек способен последовательно желать допущения самоубийств, не впадая в противоречие (Кельзен 2015: 447). Так, самоубийство, не наносящее вреда другим лицам, вполне может стать «всеобщим законом»: его нужно трактовать не как жизнь, отрицающую себя, а как принцип удовольствия, последовательно и непротиворечиво развитый. Во-вторых, самоубийцу можно понимать как человека, который видит в себе средство для самого себя же, а это значит, что он выступает для себя и средством, и целью одновременно, в то время как Кант запрещал лишь отношение к человеку «исключительно как к средству». Представляется дискуссионным и вывод Канта о принципиальной недопустимости лжи. Во-первых, как показал Г. Кельзен, человек вполне способен последовательно желать неисполнения обещаний, если готов принять на себя возможные риски (Кельзен 2015: 447–448). Во-вторых, ложь, осуществляемая во благо самого обманываемого, вовсе не низводит обманываемого до средства лжеца, а кроме того, не отрицает логически сама себя, так что все могут лгать друг другу ради блага обманываемых, и при этом прекрасно уживаться друг с другом. Помимо сказанного, Кант утверждает нравственную обязанность по-

мощи нуждающимся, и обосновывает это тем, что никто в здравом уме не стал бы отказываться от такой помощи, но он не учитывает, что могут быть люди, принципиально не принимающие никакой посторонней помощи. Верно возражение Г. Кельзена: «Совершенно ясно, что эгоист может желать всеобщего закона эгоизма и при этом последовательно отказываться от помощи других; поэтому он может, не впадая в противоречие, желать, чтобы его максима стала всеобщим законом» (Кельзен 2015: 449). Наконец, Кант считает нравственным долгом человека развивать свои таланты, а не предаваться удовольствиям. Он вынужден допустить, что и без исполнения этого долга человечество будет сохранено, но настаивает, что нужно не только сохранять человечество, но и способствовать его процветанию. Неясно, впрочем, как помогут человечеству, например, развитие талантов в ущерб их использованию, или развитие ненужных талантов, или попытки развития талантов «из чувства долга» при отсутствии реального желания это делать. Резонно возражение Г. Кельзена, согласно которому ни максима «Я предпочитаю предаваться удовольствиям», ни закон, в который возводится эта максима, не противоречат себе. Но эта максима противоречит тезису, согласно которому мы должны развивать все свои способности.

Итак, справедливость состоит в равном учете различных эмпирических интересов, связанных с различием индивидуальностей, и мы не можем отрицать и запрещать такие интересы индивидов, реализация которых никак не вредит другим индивидам.

Аспект шестой: равенство возможностей. Идеалы свободы, равенства и братства, выдвинутые просветителями, были переосмыслены в эпоху промышленного переворота, когда власть крупного капитала стала подменять собой власть закона, в результате чего предоставленные законом равные права лишь прикрывали существенное неравенство в реальных возможностях реализации данных прав.

Кант в свое время был одним из первых, кто приступил к систематическому обоснованию идей либерализма; его политическая философия выступила против поглощения индивида обществом; «отеческое правление» Кант считал величайшим деспотизмом (Фролова 2013b: 94). Неокантианская политическая философия, в противоположность сказанному, восприняла современные ей (конец XIX – начало XX вв.) идеи левого, или социального, либерализма, вызванные усложнением общественной жизни, очевидной необходимостью помощи экономически незащищенным слоям населения, перехода от *laissez-faire* к социальному государству (Фролова 2013a: 373-389). В этом отношении популярность приобрело учение социализма, и многие мыслители (Г. Коген, П. Наторп, Р. Штаммлер, К. Форлендер, П. Новгородцев, С. Гессен, Ф. Ланге, Г. Радбрух, М. Адлер и мн. др.) в той или иной степени пытались соединить учения Маркса и Канта, неокантианство и социализм. Следует отметить, правда, что Кант под «отеческим» понимал такое правление, которое имеет целью обеспечить счастье подданных и воспитать их (Соловьев 2005: 136-146). Однако неокантианцы и не стремятся с помощью социального либерализма достичь счастья; их цель – обеспечить идеалы свободы и равенства, отстаиваемые Кантом, но исходя из новых реалий.

Современные теории справедливости принимают во внимание названный аспект, но уже с учетом осмысления идеала государства всеобщего благоденствия. Например, Дж. Ролз отстаивал принцип честного равенства возможностей и принцип наибольшей выгоды наименее успешных социальных слоев, который также должен способствовать хотя бы приблизительному равенству возможностей. Но более важно у Ролза другое: уже сама его концепция «исходного положения» предполагает знание людьми общих фактов окружающего мира, что, однако, само по себе не позволяет сделать выводы о том, какие именно правила общественного устройства будут выгодны тому или иному конкретному человеку. Уже в самой этой концепции Ролз в некотором смысле совместил абстрактный идеал и действительность, преодолев ограниченность моральной философии Канта. «Некоторые философы, – замечает мыслитель, – полагали, что первые этические принципы должны быть независимы от всех случайных посылок, что они не должны полагать допустимыми никакие истины, кроме тех, которые следуют из логики или анализа концепций... С точки зрения договорной теории это равнозначно предположению, что лица в исходном положении не знают вовсе ничего о самих себе и о своем мире. Как же тогда могут приниматься решения?.. В самом деле, нельзя обойтись без общих фактов... Из этого видно, что при аргументации в пользу даже первых принципов справедливости нужны как общие факты, так и моральные условия. В договорной теории эти моральные условия принимают форму описания исходной договорной ситуации» (Ролз 2010: 144). По всей видимости, именно не нарушающее беспристрастность суждений знание «общих фактов», в том числе касающихся конкретного общества, являет собой то необходимое условие, которое способствует преодолению абстрактности априорного идеала. Именно выполнение данного условия позволяет перейти от классического либерализма к социальному, к правам человека второго поколения, то есть поднять вопрос об условиях, обеспечивающих реальную свободу и равноправие людей. Конкретные принципы справедливости у Ролза, учитывающие равенство возможностей, безусловно, предопределены этой общей идеей «исходного положения».

Впрочем, нельзя не обратить внимания, что полное равенство возможностей оказалось такой же утопией, как и исключительно формально-правовое равенство. Так, русские дореволюционные правоведы активно отстаивали так называемое право на достойное человеческое существование. И.А. Покровский особо подчеркивал в этом отношении право человека не умереть с голоду и связанное с ним право на труд (а не только права трудящихся, как П.И. Новгородцев), видя в их обеспечении минимально необходимую «круговую поруку» всех членов общества (Покровский 1911: 19-21, 33, 37, 40). Но где границы государственного содействия и вмешательства, ученый не ответил. П.И. Новгородцев также не пытается найти здесь какую-либо единую формулу, полагая это невозможным (Новгородцев 2010а: 313-315). По его мнению, под названным правом следует понимать «не положительное содержание общественного идеала, а только отрицание тех условий, которые совершенно исключают возможность достойной человеческой жизни» (Новгородцев 1911: 4). Повышать крите-

рии при определении минимума равенства возможностей Новгородцев не решается, поскольку это требует более сильных аргументов. По крайней мере, Новгородцев не критично приводит мнение В.С. Соловьева, согласно которому человек должен быть обеспечен средствами к существованию (одежда, жилище, воздух и пр.) и достаточным физическим отдыхом, а также иметь возможность пользоваться досугом для духовного совершенствования. Таким образом, требования у мыслителей были весьма скромные (как максимум – наличие времени для досуга). И действительно, если последовательно проводить идею равенства стартовых возможностей, то очевидно: то, что мы имеем здесь и сейчас (земля, капитал, способность к труду, знания и умения), и является нашими возможностями для будущих действий, следовательно, полное равенство возможностей означает одновременно и полное равенство в имуществе, способностях и информации (или, по крайней мере, полный контроль над их распределением). Нельзя не привести слова Ф. Хайека, критиковавшего идею обеспечения равенства возможностей: «Для этого правительству пришлось бы полностью контролировать материальное и социальное окружение всех лиц и заботиться о предоставлении всем хотя бы эквивалентных шансов; и чем больше правительство преуспеет в этом, тем настойчивее будет законное требование об устранении, на основе того же принципа, всех оставшихся барьеров – или об их компенсации с помощью дополнительного обременения относительно привилегированных. И так будет продолжаться до тех пор, пока правительство не возьмет под контроль буквально все обстоятельства, способные влиять на благополучие любого человека» (Хайек 2006: 253). Сказанному вторит У. Кимлика, который пишет: «Полное равенство условий невозможно. Мы могли бы попытаться максимально уравнивать условия. Но и это нельзя считать приемлемым решением. Поскольку для оказания помощи людям с серьезными физическими или умственными недостатками и для уравнивания условий их жизни с условиями здоровых людей никакой суммы денег не будет достаточно, нам, возможно, придется потратить на это все имеющиеся ресурсы» (Кимлика 1998: 171). Названная проблема нахождения оптимальной степени уравнивания возможностей, как представляется, до сих пор не разрешена, и остается одной из самых острых в политической философии.

Аспект седьмой – критерии равенства. Наконец, мы полагаем необходимым отметить, что в конкретной ситуации всегда наличествуют факторы, которые приводят к тому, что поступок, правильный для одного, будет неправильным для другого. «Например, в ситуации автомобильной аварии полицейский и врач должны действовать по-разному, основываясь на требованиях универсальности. Полицейский не должен оперировать, а врач – регулировать движение транспорта» (Скирбекк, Гилье 2008: 460). Но в чем заключается критерий того, что мы находимся в одной и той же ситуации, и на основе каких факторов происходит разграничение обязанностей различных лиц в данной ситуации (выделение социальных групп и ситуаций, по отношению к которым формулируются конкретные нормы права)? В этом вопросе (по сути, это вопрос корректного формулирования

субъективных максим поведения или законодательных норм) применение императива также требует объективно обоснованной отсылки к опыту, особенно при экстраполяции его на правовую сферу. В юриспруденции данная проблематика дискутируется в рамках понятия юридической конструкции. Г. Радбрух писал: «Цель юридической конструкции – не родовое понятие... конструкция ищет не “всеобщее”, а “существенное”... типовое понятие» (Radbruch 1960: 31). Иными словами, поскольку право опирается на действительность, но устремлено к справедливости, юридические конструкции должны вычленять отдельные явления с точки зрения их ценности для реализации правового идеала. С одной стороны, какую бы юридическую конструкцию (включающую своего рода «концентрический круг» заинтересованных лиц, например врачи и пациенты, работники и работодатели, преступник и общество в целом) мы ни изобрели, необходимо прибегнуть в ее рамках к критерию «обобщения» интересов сторон с учетом цели введенной правовой конструкции, и тогда мы получим правило, отвечающее главной идее справедливости – всеобщности. Но сама цель данной юридической конструкции (и используемых в ней понятий) обусловлена потребностями и интересами конкретных людей (или всего общества), например больных людей, жертв преступлений, наемных работников и пр. В результате юридическая конструкция предстает местом пересечения абстрактной идеи и реальных потребностей. И когда правовое регулирование сосредоточено на потребностях одних социальных групп, но пренебрегает потребностями других, мы можем говорить об опасности возникновения несправедливого дисбаланса. Но здесь возникает вопрос о целях тех или иных институтов, в которых задействованы данные группы, и к этому вопросу, в конечном счете, сводятся дискуссии между либералами и коммунитаристами, между сторонниками и противниками однополых браков и им подобные споры, связанные с защитой культурных ценностей.

Между тем еще Р. Штаммлер в своей концепции *прообраза* (*Vorbild*) правильного права отмечал, что «в обществе люди стоят друг к другу в различных отношениях: одни ближе, другие дальше; от одних я могу потребовать большего, от других меньшего, но зато и сам первым обязан (в смысле своего поведения) давать больше, другим меньше. Таким образом, вокруг каждого лица по степени социальной близости располагаются разнообразные *концентрические* круги... Если теперь между двумя лицами возникает спор, каким поведением и в какой мере один из них обязан другому, то для решения этого спора в духе справедливого права обоим спорящим надо мысленно поставить в надлежащий концентрический круг, в некоторую специальную общность (*Sondergemeinschaft*); тогда мера справедливого поведения и исполнения их друг другу определится яснее» (Покровский 1904: 158-159). По Штаммлеру, выработанные им принципы правильного права должны применяться именно к абстрактной *Sondergemeinschaft*, характеризующейся общими целями (Stammeler 1902: 281). Мысль о специальном сообществе представляет собой ответ на вопрос: «Кто есть мой ближний?», помогая верно применить принципы правильного права. Анализируя библейскую заповедь любви к ближнему,

Штаммлер отмечает, что каждый человек от природы привязан больше всего к самому себе и в социальном общении неизбежно вступает с другими людьми в более близкие отношения, чем с другими. В контексте правил внешнего поведения любовь к ближнему не должна пониматься так, что дальний человек имеет право требовать от нас столько же, сколько и ближний. В известной притче Христа о добром самаритянине, оказавшем на дороге помощь жертве разбойников, необходимость помощи обосновывается именно тем, что самаритянин в своем положении стал жертве ближним. Ни одна система права не свободна от подобного ранжирования, однако те критерии, которые уже имеются в исторически данном праве, не являются безусловно правильными (Stammler 1902: 285-291).

Выводы. Итак, проблема соотношения социального идеала и действительности, свойственная кантовской философской традиции, может быть эксплицирована в различных аспектах. Некоторые из них (естественное право с изменяющимся содержанием, практическая достижимость идеала и др.) дискутировались в основном неокантовскими авторами начала XX в., другие (в частности, контекстуализм) актуализировались лишь в современной философии, дискуссии о третьих (например, о равенстве возможностей, взаимовыгодном эгоизме) проходят красной нитью через весь XX в., модифицируясь в различных исторических условиях. Но все они, по нашему глубокому убеждению, в той или иной степени сохраняют свою теоретическую и практическую значимость. В связи с изложенным считаем необходимым подчеркнуть следующее.

Идея заменить «идеальные кодексы» одной абстрактной регулятивной формулой абсолютного идеала, возникшая на рубеже XIX–XX вв., в целом верна, однако научная мысль должна оставить любые попытки окончательного обоснования той или иной формулы справедливости, поскольку ее можно лишь постулировать. Вместе с тем дискуссии о практической достижимости социального идеала показали, что и постулирование не может быть произвольным, к нему предъявляются некоторые формальные требования. Более того, современные разработки, имеющие целью обоснование зависимости конкретных правовых положений, вытекающих из постулированного социального идеала, от результатов конкретных дискурсов или политических процессов, представляют собой излишнюю релятивизацию понятия справедливости. В частности, многие проблемы кантовского подхода могут быть преодолены, если понимать под справедливым решением то, которое учитывает интересы сторон в равной мере (своего рода эгоизм индивидуальностей при условии взаимности). Такое решение не обязательно определяется результатами дискурса. Однако именно принцип равной заботы и равного уважения лиц лежит в основе современных представлений о правах человека. Поскольку идеология прав человека получила широкое признание на международном уровне, современная теория справедливости может развиваться, в числе прочего, в виде частных исследований, апеллирующих к этой идеологии. В связи с этим представляется возможным сделать вывод о том, что кантовский этический априоризм не утратил своей актуальности и имеет перспективы для развития. Наиболее актуальными

сегодня видятся два последних из названных нами аспектов рассмотренной в настоящей статье проблемы. В рамках проблематики обеспечения равенства возможностей требуется найти оптимальный баланс между фиктивностью формально провозглашенных прав и тоталитарным контролем, а в рамках юридического конструирования, в конечном счете, необходимо определить оптимальный баланс между различными концепциями блага и незыблемостью универсальных прав человека.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алексеева Т.А. 2001. Справедливость как политическая концепция: очерк современных западных дискуссий. М. : Моск. обществ. науч. фонд. 241 с.
- Гегель Г.В.Ф. 1990. Философия права. М. : Мысль. 524 с.
- Кант И. 2007. Основы метафизики нравственности // И. Кант. Основы метафизики нравственности. Критика практического разума. Метафизика нравов. СПб. : Наука. С. 53-120.
- Кашников Б.Н. 2004. Либеральные теории справедливости и политическая практика России. Великий Новгород : Новгород. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. 258 с.
- Кельзен Г. 2015. Чистое учение о праве. СПб. : Алеф-Пресс. 542 с.
- Кимлика У. 1998. Либеральное равенство // Современный либерализм. М. : Прогресс-Традиция. С. 138-190.
- Кистяковский Б.А. 1998. «Русская социологическая школа» и категория возможности при решении социально-этических проблем // Б.А. Кистяковский. Философия и социология права / подгот. Ю.Н. Давыдов и В.В. Сапов. СПб. : Изд-во Рус. Христиан. гуманист. ин-та. С. 25-76.
- Новгородцев П.И. 1911. Право на достойное человеческое существование // О праве на существование. Социально-философские этюды П.И. Новгородцева, проф. Моск. ун-та, и И.А. Покровского, проф. СПб. ун-та. СПб. ; М. : Тип. Вольфа. С. 1-13.
- Новгородцев П.И. 2010а. Кризис современного правосознания // П.И. Новгородцев. Избранные труды. М. : РОССПЭН. С. 35-366.
- Новгородцев П.И. 2010б. Об общественном идеале // П.И. Новгородцев. Избранные труды. М. : РОССПЭН. С. 367-877.
- Покровский И.А. 1904. Рудольф Штаммлер. Учение о справедливом праве : (литературное обозрение кн.: Stammeler R. Die Lehre von dem richtigen Rechte. Berlin, 1902) // Вестник права. Кн. 2. С. 151-165.
- Покровский И.А. 1911. Право на существование // О праве на существование. Социально-философские этюды П.И. Новгородцева, проф. Моск. ун-та, и И.А. Покровского, проф. СПб. ун-та. СПб. ; М. : Тип. Вольфа. С. 15-48.
- Радбрух Г. 2004. Философия права. М. : Междунар. отношения. 240 с.
- Ролз Дж. 2010. Теория справедливости. М. : ЛКИ. 536 с.
- Скирбекк Г., Гилье Н. 2008. История философии. Введение в философские корни современности. М. : Владос. 799 с.
- Соловьев Э.Ю. 2005. Категорический императив нравственности и права. М. : Прогресс-Традиция. 416 с.
- Струве П.Б. 1997. Предисловие к книге Н.А. Бердяева «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н.К. Михайловском» // П.Б. Струве. Patriotica. Политика, культура, религия, социализм. М. : Республика. С. 340-390.
- Сэндел М. 2013. Справедливость. Как поступать правильно? М. : Манн, Иванов и Фарбер. 352 с.

- Фролова Е.А. 2013а. Неокантианская философия права в России в конце XIX – начале XX века. М. : ЮРКОМПАНИ. 600 с.
- Фролова Е.А. 2013б. Этико-правовые проблемы философии права неокантианства // Государство и право. № 7. С. 93-97.
- Фролова Е.А. 2015. Проблемы теории и философии права. М. : Юрлитинформ. 303 с.
- Хабермас Ю. 1995. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. М. : Academia. 252 с.
- Хабермас Ю. 2001а. Вовлечение Другого: очерки политической теории. СПб. : Наука. 417 с.
- Хабермас Ю. 2001б. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб. : Наука. 382 с.
- Хайек Ф. 2006. Право, законодательство и свобода. М. : ИРИСЭН. 644 с.
- Хёффе О. 1994. Политика. Право. Справедливость. Основоположения критической философии права и государства. М. : Гнозис. 328 с.
- Хёффе О. 2007. Справедливость. Философское введение. М. : Праксис. 192 с.
- Хёффе О. 2015. Есть ли будущее у демократии? О современной политике. М. : Издат. дом «Дело» РАНХиГС. 328 с.
- Шопенгауэр А. 1992. Две основные проблемы этики // А. Шопенгауэр. Свобода воли и нравственность. М. : Республика. С. 20-258.
- Штаммлер Р. 1907а. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Т. 1. СПб. : Начало. 412 с.
- Штаммлер Р. 1907б. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Т. 2. СПб. : Начало. 347 с.
- Klein M.D. 2007. Demokratisches Denken bei Gustav Radbruch. Berlin : BWV, Berliner Wiss.-Verl. 354 S.
- Radbruch G. 1960. Die Natur der Sache als juristische Denkform. Darmstadt : Wissenschaftl. Buchgesellschaft. 40 S.
- Stammler R. 1902. Die Lehre von dem richtigen Rechte. Berlin : J. Guttentag. 647 S.

Nikolai A. Shaveko, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk, Russia. E-mail: nickolai_91@inbox.ru
ORCID: 0000-0002-5481-7425
ResearcherID: K-4637-2018
SPIN-код: 3004-0891
AuthorID: 744517

Article received 02.04.2019, accepted 13.05.2019, available online 07.10.2019

THE PROBLEM OF CORRELATION BETWEEN IDEAL AND REALITY IN KANTIAN PHILOSOPHY OF LAW

Abstract. The Kantian tradition is one of the most influential in moral, legal and political philosophy, and in the theory of justice. This article aims to analyze the problem of the abstractness of the «categorical imperative», as well as those aspects, in which this problem was actualized in contemporary philosophy. To this purpose, the author analyzes the concept of justice of such scholars of XX century as R. Stammler, P. Novgorodtsev, G. Radbruch, J. Rawls, J. Habermas, and others. In the course of the study, historical-genetic, historical-comparative, formal-legal, systemic, and other methods are used. As a result, the author comes to the conclusion that the problem of the abstractness of the “categorical imperative” can be explicated in seven different aspects, forming various scientific discourses: 1) in the idea of natural

law with changing content; 2) in the nature of the social ideal, which can only be postulated, but not justified; 3) in the discursive, and therefore contextual nature of legal norms arising from the postulated social ideal; 4) in admitting, in exceptional cases, intentionally unfair norms, taking into account the real possibility of putting the ideal into practice; 5) the possibility of understanding the legal ideal as the egoism of individuals under the condition of reciprocity; 6) the need to take into account the equality of opportunities; 7) in the matter of the fairness of the election and domination of those or other legal constructions, determined by the goals of social institutions. In the end, the author draws conclusions regarding the relevance and the results of the scientific discourses named by him.

Keywords: social ideal; legal ideal; justice; natural law with changing content; neo-kantianism; Kant; equality of opportunities.

For citation: Shaveko N.A. *Problema sootnoshenija ideala i dejstvitel'nosti v kantianskoj filosofii prava* [The problem of correlation between ideal and reality in Kantian philosophy of law], *Antinomii = Antinomies*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 42-58. DOI 10.24411/2686-7206-2019-00002.

References

Alekseeva T.A. *Spravedlivost' kak politicheskaja koncepcija: ocherk sovremennyh zapadnyh diskussij* [Justice as a political concept: an essay on contemporary Western discussions], Moscow, Moskovskij obshhestvennyj nauchnyj fond, 2001, 241 p. (in Russ.).

Frolova E.A. *Jetiko-pravovye problemy filosofii prava neokantianstva* [Ethical and legal problems of the philosophy of law of neo-Kantianism], *Gosudarstvo i pravo*, 2013, no. 7, pp. 93-97. (in Russ.).

Frolova E.A. *Neokantianskaja filosofija prava v Rossii v konce XIX – nachale XX veka* [Neokantian philosophy of law in Russia in the late 19th – early 20th century], Moscow, JuRKOMPANI, 2013, 600 p. (in Russ.).

Frolova E.A. *Problemy teorii i filosofii prava* [Problems of the theory and philosophy of law], Moscow, Jurlitinform, 2015, 303 p. (in Russ.).

Habermas J. *Demokratija. Razum. Nравstvennost'. Moskovskie lekcii i interv'ju* [Democracy. Mind. Moral. Moscow lectures and interviews], Moscow, Academia, 1995, 252 p. (in Russ.).

Habermas J. *Moral'noe soznanie i kommunikativnoe dejstvie* [Moral consciousness and communicative action], St. Petersburg, Nauka, 2001, 382 p. (in Russ.).

Habermas J. *Vovlechenie Drugogo: ocherki politicheskoy teorii* [The Inclusion of the Other], St. Petersburg, Nauka, 2001, 417 p. (in Russ.).

Hayek F. *Pravo, zakonodatel'stvo i svoboda* [Law, Legislation and Liberty], Moscow, IRISJeN, 2006, 644 p. (in Russ.).

Hegel G. *Filosofija prava* [Elements of the Philosophy of Right], Moscow, Mysl', 1990, 524 p. (in Russ.).

Höffe O. *Est' li budushhee u demokratii? O sovremennoj politike* [Is there a future for democracy? About modern politics], Moscow, Izdatel'skij dom «Delo» RANHiGS, 2015, 328 p. (in Russ.).

Höffe O. *Politika. Pravo. Spravedlivost'. Osnovopolozhenija kriticheskoy filosofii prava i gosudarstva* [Political Justice], Moscow, Gnozis, 1994, 328 p. (in Russ.).

Höffe O. *Spravedlivost'. Filosofskoe vvedenie* [Justice. A philosophical introduction], Moscow, Praxis, 2007, 192 p. (in Russ.).

Kant I. *Osnovy metafiziki npravstvennosti* [Groundwork of the Metaphysics of Morals], I. Kant. *Osnovy metafiziki npravstvennosti. Kritika prakticheskogo razuma. Metafizika npravov*, St. Petersburg, Nauka, 2007, pp. 53-120. (in Russ.).

Kashnikov B.N. *Liberal'nye teorii spravedlivosti i politicheskaja praktika Rossii* [Liberal theories of justice and political practice in Russia], Nizhny Novgorod, Novgorodskij gosudarstvennyj universitet im. Jaroslava Mudrogo, 2004, 258 p. (in Russ.).

Kelsen H. *Chistoe uchenie o prave* [Pure theory of law], St. Petersburg, Alef-Press, 2015, 542 p. (in Russ.).

Kistjakovsky B.A. «*Russkaja sociologicheskaja shkola*» i kategorija vozmozhnosti pri reshenii social'no-jeticheskikh problem [«Russian sociological school» and the category of opportunity in solving social and ethical problems], B.A. Kistjakovskij. *Filosofija i sociologija prava*, St. Petersburg, Izdatel'stvo Russkogo Hristianskogo gumanitarnogo institute, 1998, pp. 25-76. (in Russ.).

Klein M.D. *Demokratisches Denken bei Gustav Radbruch* [Democratic thinking at Gustav Radbruch], Berlin, BWV, Berliner Wiss.-Verl, 2007, 354 p. (in German).

Kymlika W. *Liberal'noe ravenstvo* [Liberal equality], *Sovremennyy liberalism*, Moscow, Progress-Tradicija, 1998, pp. 138-190. (in Russ.).

Novgorodtsev P.I. *Krizis sovremennogo pravosoznanija* [The crisis of modern justice], P.I. Novgorodtsev. *Izbrannye trudy*, Moscow, ROSSPJeN, 2010, pp. 35-366. (in Russ.).

Novgorodtsev P.I. *Ob obshhestvennom ideale* [On the social ideal], P.I. Novgorodtsev. *Izbrannye trudy*, Moscow, ROSSPJeN, 2010, pp. 367-877. (in Russ.).

Novgorodtsev P.I. *Pravo na dostojnoe chelovecheskoe sushhestvovanie* [The right to a dignified human existence], *O prave na sushhestvovanie. Social'no-filosofskie jetjudy P.I. Novgorodtseva, prof. Mosk. un-ta, i I.A. Pokrovskogo, prof. SPb. un-ta*, St. Petersburg, Moscow, Tip. Vol'fa, 1911, pp. 1-13. (in Russ.).

Pokrovsky I.A. *Pravo na sushhestvovanie* [The right to exist], *O prave na sushhestvovanie. Social'no-filosofskie jetjudy P.I. Novgorodtseva, prof. Mosk. un-ta, i I.A. Pokrovskogo, prof. SPb. un-ta*, St. Petersburg, Moscow, Tip. Vol'fa, 1911, pp. 15-48. (in Russ.).

Pokrovsky I.A. *Rudolf Shtammler. Uchenie o spravedlivom prave : (literaturnoe obozrenie kn.: Stammler R. Die Lehre von dem richtigen Rechte. Berlin, 1902)* [Rudolf Stammler's "Theory of Justice" (literary review of the book: Stammler R. Die Lehre von dem richtigen Rechte. Berlin, 1902)], *Vestnik prava*, 1904, b. 2, pp. 151-165. (in Russ.).

Radbruch G. *Die Natur der Sache als juristische Denkform* [The nature of the matter as a form of legal thought], Darmstadt, Wissenschaftl. Buchgesellschaft, 1960, 40 p. (in German).

Radbruch G. *Filosofija prava* [Philosophy of Law], Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 2004, 240 p. (in Russ.).

Rawls J. *Teorija spravedlivosti* [A Theory of Justice], Moscow, LKI, 2010, 536 p. (in Russ.).

Sandel M. *Spravedlivost'. Kak postupat' pravil'no?* [Justice. What's the right thing to do?], Moscow, Mann, Ivanov i Farber, 2013, 352 p. (in Russ.).

Shopengauer A. *Dve osnovnye problemy jetiki* [Two main problems of ethics], A. Shopengauer. *Svoboda voli i npravstvennost'*, Moscow, Respublika, 1992, pp. 20-258. (in Russ.).

Skirbekk G., Gilje N. *Istorija filosofii. Vvedenie v filosofskie korni sovremennosti* [History of Philosophy. An Introduction to the philosophical roots of modernity], Moscow, Vlastos, 2008, 799 p. (in Russ.).

Soloviev E.Yu. *Kategoricheskij imperativ npravstvennosti i prava* [The categorical imperative of morality and law], Moscow, Progress-Tradicija, 2005, 416 p. (in Russ.).

Stammler R. *Die Lehre von dem richtigen Rechte* [The Doctrine of Proper Rights], Berlin, J. Guttentag, 1902, 647 p. (in German).

Stammler R. *Hozjajstvo i pravo s točki zrenija materialističkoga ponimanija istorii. T. 1* [Economy and Law According to the Materialist Conception of History, vol. 1], St. Petersburg, Nachalo, 1907, 412 p. (in Russ.).

Stammler R. *Hozjajstvo i pravo s točki zrenija materialističkoga ponimanija istorii. T. 2* [Economy and Law According to the Materialist Conception of History, vol. 2], St. Petersburg, Nachalo, 1907, 347 p. (in Russ.).

Struve P.B. *Predislovie k knige N.A. Berdjaeva «Sub#ektivizm i individualizm v obshhestvennoj filosofii. Kritičeskij jetjud o N.K. Mihajlovskom»* [Preface to the book by N.A. Berdyaev «Subjectivism and Individualism in Social Philosophy. A Critical Study of NK Mikhailovsky»], P.B. Struve. *Patriotica. Politika, kul'tura, religija, socialism*, Moscow, Respublika, 1997, pp. 340-390. (in Russ.).

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА POLITICAL SCIENCE

Айусо Торрес М. Карлизм и испанская политическая традиция: вчера и сегодня. DOI: 10.24411/2686-7206-2019-00003 // Антиномии. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 59–83.

УДК 329.11`21:329.12
DOI 10.24411/2686-7206-2019-10003

КАРЛИЗМ И ИСПАНСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ: ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Мигель Айусо Торрес¹

PhD, доктор права
Папский университет Комильяс,
г. Мадрид, Испания
E-mail: mayuso@icade.comillas.edu

*Статья поступила 02.06.2019, принята к печати 02.07.2019,
доступна online 07.10.2019*

В статье анализируется эволюция ключевых идеологических концептов карлизма – массового общественно-политического движения, возникшего в Испании в 1833 г. в результате династического кризиса после смерти короля Фернандо VII и

¹ Мигель Айусо Торрес (Miguel Ayuso Torres) является доктором права в Папском университете Комильяс (Мадрид) и почетным доктором университетов Удине (Италия) и Инка Гарсиласо де ла Вега (Лима, Перу), а также президентом Международного союза католических юристов (Рим), Секторальной группы по политическим наукам Международной организации католических университетов (Париж) и Совета по испанским исследованиям «Фелипе II» (Мадрид). В 2004–2009 гг. Торрес был главой Политического секретариата донна Сикста Энрике де Борбона (дяди Карлоса VIII, нынешнего карлистского претендента на испанский престол) и главой-делегатом карлистской политической организации «Традиционалистское сообщество». В настоящее время он руководит журналом «Verbo», является автором сорока книг и около 400 статей, переведенных на семь европейских языков. Некоторые тексты имеют не только сугубо научный, но и частично доктринальный характер.

Редакция журнала «Антиномии» благодарит М. Айусо Торреса за любезно предоставленный текст.

приведшего в XIX в. к трем внутринациональным конфликтам (карлистским войнам) между сторонниками либерально-буржуазной модернизации и приверженцами католической традиции. Автор показывает, что современный карлизм не сводится к легитимизму как борьбе за право так называемой легитимистской династии (потомков Карлоса V – младшей ветви испанских Бурбонов) на испанский престол, он также предполагает институциональный континуитет старой Испании и является воплощением традиционалистского мышления. Ученый приходит к выводу, что карлизм XX в. – это движение за континуитет католической монархии и доктринальная разработка католического традиционализма. И, одновременно, являясь последовательным доктринером, он утверждает, что в условиях кризиса современного государства лозунг карлизма «*Бог! Родина! Фуэро! Король!*» сохраняет свою актуальность не только для современной Испании.

Ключевые слова: карлизм, традиционализм, государство, «католическая монархия», современная Испания.

Введение. Прошло уже более 180 лет с тех пор, как прозвучал лозунг «*Да здравствует дон Карлос V!*». Его провозгласил почтовый служащий Мануэль Гонсалес из города Талавера-де-ла-Рейна 2 октября 1833 г., через несколько дней после смерти короля Фернандо VII. При этом Гонсалес выразил настроения большей половины Испании, а может быть и почти всей Испании. Так началась долгая история, которая не завершилась до сих пор (Ayuso Torres 2005; Elías de Tejada, Gamba, Puy 1971; Ferrer, Tejera, Acedo 1941–1979).

Что такое карлизм? Что позволило столь странному историческому феномену просуществовать до сегодняшнего дня и не исчезнуть в течение двух столетий испанской истории?

Сделать содержательный многоаспектный анализ этого сложного и длительно существующего явления нелегко. Впрочем, можно утверждать, что его объяснение следует искать по трем фундаментальным направлениям: это принципы династической легитимности; континуитет в развитии испанского мира, сложившийся в период, предшествующий революциям XVIII–XIX вв.; доктринальный корпус традиционализма.

По существу, карлизм – это законное требование, выдвинутое в условиях узурпации власти, произошедшей в 1833 г. после смерти короля Фернандо VII. Испанское законодательство – на тот момент полусалическое – определяло, что наследовать корону должен был брат короля – инфант дон Карлос, провозглашенный своими сторонниками как Карлос V. Однако в результате настоящего государственного переворота на трон взошла малолетняя дочь умершего Фернандо VII¹ и правила, по сути, его жена, Мария Кристина Неаполитанская (Ferrer 1869). Война охватила практически всю Испанию, и особенно – баскские провинции, Наварру, Кастилию и Каталонию; она длилась семь лет. Затем, в 1840-е гг., разразилась война, во-

¹ Дочь Фернандо VII, Изабель II, правила Испанией в период с 1833 по 1868 г. Против ее восшествия на престол и выступил младший брат умершего короля дон Карлос; в годы правления Изабель II случились две карлистские войны. (*Здесь и далее примеч. переводчика.*)

шедшая в историю как вторая карлистская; тогда во главе карлистов стоял уже сын Карлоса V – Карлос VI. Внук Карлоса V, Карлос VII, командовал карлистами в различных регионах Испании в 1872–1876 гг. Даже в «Испанской войне» 1936–1939 гг. в некоторых регионах (например, в легендарной Наварре) участие карлистов было довольно заметно; то же «Традиционалистское сообщество» было одной из решающих сил и во время Восстания, и после победы, притом что постепенно оно отдалялось от режима Франко. Это расхождение, естественно, не предается забвению, поскольку, будучи производным от приверженности принципам испанской Традиции и не связанным с идеологией модерна, оно имело совсем иную природу, нежели это было в случае с республиканцами, социалистами и коммунистами.

Отсюда можно понять, что если бы карлизм был простым династическим спором, он едва ли смог бы просуществовать более нескольких десятилетий. Его устойчивость во времени свидетельствует о том, что легитимистский вопрос стал своеобразным знаменем, собиравшим вокруг себя другие движения, с которыми у карлистов складывалось нерасторжимое единство. Прежде всего, речь идет об освященном веками континуитете общей Традиции испаноязычных народов, разбросанных по пяти континентам. Возможно, что первоначально это осознавалось далеко не в полной мере, но постепенно карлизм все более определенно становился продолжением того модуса бытия, который последовательно (а иногда и непоследовательно) отрицал и абсолютизм, и либерализм, и социализм. На этом фундаментальном уровне, подобно старому средневековому христианству, карлизм существовал в испанском мире и во времена правления дома Габсбургов (Elías de Tejada 1954). Глубоко народный характер карлизма, зачастую столь непонимаемый, а порой и замалчиваемый, получает отсюда одно из своих объяснений.

Более того, династический спор был еще и причиной, положившей начало противостоянию защитников естественного и христианского порядка – со всеми его деформациями, начавшимися во второй половине XVIII в., со сторонниками революции – во всех ее многочисленных метаморфозах. Благодаря этому карлизм начинает артикулироваться уже не в качестве идеологии, которая является парциальным и ошибочным видением мира, а в виде целой доктрины, основанной на принципах истинной философии и правильном использовании разума, то есть на христианской мудрости. Традиционализм, который в испанском случае всегда был чистейшим и не содержал мистификаций и ошибок, как это имело место в иных случаях, сделал из испанского карлизма самое контрреволюционное движение в мире, превратив его на практике не в революцию наоборот, а в противоположность революции, то есть закладывал в основу общества Божественный и естественный порядок и поэтому постоянно реконструировал социальную ткань (Ayuso Torres 2001).

1. Карлизм – между жизненной практикой и теоретизированием. Мы уже сказали, что карлизм был не только династическим феноменом. В зачаточном состоянии он содержался в «Манифесте персов», хотя тогда

говорили еще не о карлизме, а только о «роялизме» (Ayuso Torres 2015; Diz-Lois 1967; Fernández de la Cigoña 1976; Suárez Verdeguer 1959). Возможно, в первые годы было сложно развести законный протест против того, что называлось узурпацией, и набор тех идей, которые лежали в его основе и с которыми он был неразрывно связан. Однако довольно быстро, буквально в течение нескольких месяцев, убийство монахов сделало цели революции очевидными, а по контрасту – и цели Традиции, определенно разделив нацию на два лагеря¹. Сам М. Менендес-и-Пелайо² – антикарлист настолько, насколько таковым может быть консерватор, – написал в своей «Истории инакомыслящих» памятные строки: «Уже с тех пор гражданская война набирала интенсивность, и это была война диких племен, вырвавшихся на волю на ранних этапах истории, война на уничтожение и опустошение, когда отрезали головы и убивали самым жестоким образом, она длилась семь лет, а после повторилась еще дважды и, вероятно, не в последний раз, и велась она определенно не за династические интересы, не за фуэро, ни даже за громко заявленную и пылкую любовь к той или иной политической системе, а за то, что лежало в основе всего этого; это была инстинктивная реакция католического мировосприятия, жестоко поднятого на смех, благородное отвращение и нежелание смешаться с толпой, которая прославляла убийц священников и судей, убийц, грабителей и поджигателей церквей, продавцов и покупателей их имущества» (Menéndez y Pelayo 1880–1882).

В дальнейшем это противостояние только лишь нарастало, несмотря на все заигрывания в рамках либерального режима партии прогрессистов с либеральными консерваторами из партии «модерадос». Это отмечали и Хайме Лусиано Бальмес³ (хотя и не без нюансов), и Висенте Поу⁴ (в более чистом варианте, описывая происходящие события), и Хуан Доносо Кортес⁵ (еще за несколько лет до того, как сам завершил свой путь в лагере правых) (Canals Vidal 1977; Mundet 2002; Elías de Tejada 1953: 9–10; Galindo Herrero 1953: 30; Suárez Verdeguer 1949; Suárez Verdeguer 1997). Именно поэтому, когда понимание предшествующих событий обрело свою ясность и началась

¹ Периодические приходы к власти радикальной либеральной Прогрессистской партии традиционно сопровождались гонениями на Католическую церковь и массовыми убийствами ее служителей. Автор упоминает один из таких эпизодов, не уточняя деталей, как общее место.

² Марселино Менендес-и-Пелайо (1856–1912) – выдающийся испанский традиционалист-неокатолик, автор многочисленных книг по истории культуры и политической философии Испании.

³ Хайме Лусиано Бальмес-и-Урпия (1810–1848) – выдающийся испанский традиционалист, католический теолог и политический журналист, одна из «икон» испанского традиционализма.

⁴ Висенте Поу Марка (1792–1848) – юрист, ректор Королевского колледжа Сан Карлос в университете Серверы, один из первых «пропагандистов» карлизма.

⁵ Хуан Доносо Кортес (1809–1853) – выдающийся испанский традиционалист, политический журналист, теоретик диктатуры и один из видных приверженцев испанского традиционализма.

«Славная революция» 1868 г., в лагерь Традиции перешли все, кто действительно был привержен католическому принципу. Это были так называемые неокатолики, о которых Мельчор Феррер¹ высказал мнение безжалостное, но, вероятно, сущностно справедливое: «Так, с карлистами должны были бежать и старые неокатолики, которые после попыток разрушить карлизм были очень рады обнаружить его, чтобы смочь поприветствовать» (Ferrer 1958: 55). Но что же было дальше? А дальше некоторые, например Антонио Апариси-и-Гихарро², удивительным образом продолжали упорствовать уже вместе с карлизмом, в то время как другие, такие как сын Носедаля, в итоге вышли из Сообщества, хотя их непосредственные наследники смогли реинтегрироваться в него в 30-е гг. XX в. В итоге в лоне карлизма всегда существовали различные точки зрения, что очень точно описывает Рафаэль Гамбра³ (Gambra 1979).

Легендарная фигура Карлоса VII, внука Карлоса V, привлекла к себе лучших представителей нации (Апариси в одной из своих книг даже провозгласил его королем (Aparisi y Guijarro 1869)). Притом что в среде «интегрлистов» было немало дискуссий о его «интегрлистскости» – здесь достаточно вспомнить беспокойство Рамона Носедаля⁴ (Fernández de la Cigoña 1981; Fernández de la Cigoña 1987), нельзя не признать почтенный континуитет этой Традиции в рамках, как говорилось тогда и говорится сейчас, Дела. Понятно, что политическое влияние Карлоса VII постепенно ослабевала, особенно по мере установления (если не консолидации) либерального режима, поскольку карлизм был, по словам обращенного Мануэля Гарсии Моренте⁵ (García Morente 1947: 238; Gambra 1957), исторически невозможен, а также вследствие того отчаяния, которое царило в среде политиков после третьего военного поражения. Однако это не препятствовало тому, что со временем его доктрина становилась все глубже и каждый раз чище.

Как писал Гамбра, если традиционализм первой половины XIX в. был слишком погружен в конкретную историю и всегда являлся незавершенной реализацией, то традиционализм нашего века уже оторван от фактов, от жизненных и реальных связей, он существует в тумане

¹ Мельчор Феррер Далмау (1888–1965) – выдающийся испанский историк-карлист, известный своей 30-томной «Историей испанского традиционализма».

² Антонио Апариси-и-Гихарро (1815–1872) – один из выдающихся испанских политических журналистов-неокатоликов, перешедший во времена I Республики в лагерь карлистов.

³ Рафаэль Гамбра Сьюдад (1920–2004) – выдающийся испанский политический философ-традиционалист, занимавшийся теорией государства, критик секуляризации и общества потребления, в 2002–2004 гг. – глава-делегат «Традиционалистского сообщества».

⁴ Рамон Носедаля-и-Ромеа (1842–1907) – испанский политический журналист-традиционалист, основатель фундаменталистской католической «Интегрлистской партии», создание которой привело к расколу карлизма на сторонников вооруженной борьбы (радикалы) и парламентской деятельности (умеренные).

⁵ Мануэль Гарсия Моренте (1886–1942) – испанский философ-идеалист, историк испанской философии и переводчик.

идеализированных и далеких воспоминаний. Между двумя традиционалистами находится Хуан Васкес де Мелья¹ как «луч света, традиционалист и карлист, то есть политик-теоретик и политик-историк» (Gambra 1954). Печальные разногласия с доном Хайме² и апокалиптическая эволюция, которую осудил, во многом зря, Луис Эрнандо де Ларраменди³, не лишили, конечно же, блеска полный интриг жизненный путь Васкеса де Мельи (Andrés 2000; Hernando de Larramendi 1919).

Эта «теоретизация», всегда далекая от жизни, наиболее четко обозначилась с начала XX в.; в некоторых случаях она была даже эклектической, внединастической и политической. Случай Виктора Прадеры⁴ является в этом отношении показательным. Прадера всегда был карлистом искренним, хотя со временем он и стал более эклектичным. Идеи Васкеса де Мельи привели его прямо к пошибилистской (ограниченной внешними неблагоприятными условиями) политике «Патриотического союза» и – хотя, без сомнения, и иного порядка – «Аксьон Эспаньолы». После его убийства баскскими националистами в 1936 г. Франко, как обычно, начал манипулировать его именем: это можно увидеть в «Предисловии» к «Полному собранию сочинений» (Pradera 1945: V-XIII; Orella Martínez 2000). Недавно Хосе Луис Орелья в своей книге (Orella Martínez 2000) попытался, конечно же, наложить грим, если не замолчать, на решительно антидемократические установки Прадеры последних лет, приведшие к нападкам на Анхеля Эрреру⁵ и «El Debate». Для того чтобы развеять все сомнения, достаточно прочитать первый том «Политических мемуаров» Еухенио Вегаса⁶ с многочисленными свидетельствами и ссылками, в частности, на тот параграф из предисловия, которое Прадера написал к книге падре Педро М. Велеса, – «книге-мученице», так как убиты были и сам автор, и автор предисловия, а издание уничтожено; осталась лишь пара экземпляров. В этой книге падре Велес писал: «Зло сегодняшнего дня зародилось в иные времена, и оно породило эту доктрину, это действие и этого человека. Слушая ее, ощущаешь глубокое удовлетворение, потому что нас душили эвфемизмы и отвращение... Доктрина, причина наших зол, – это доктрина возможного добра; действие – отделение от правых сил, спровоцированное

¹ Хуан Васкес де Мелья-и-Фанхул (1861–1928) – испанский философ-традиционалист, идеолог умеренного карлизма, считается одним из великих ораторов в истории Испании.

² Хайме де Борбон-и-Борбон-Парма (1870–1931) – карлистский претендент на испанский престол в 1909–1931 гг.

³ Луис Эрнандо де Ларраменди (1882–1957) – испанский писатель-традиционалист, карлистский активист.

⁴ Хуан Виктор Прадера-и-Ларумбе (1872–1936) – выдающийся испанский политик – идеолог традиционализма первой трети XX в.

⁵ Анхель Эррера Ориа (1886–1968) – испанский политический журналист, юрист и кардинал, один из основателей «Национальной католической ассоциации пропагандистов».

⁶ Еухенио Вегас Латапье (1907–1985) – испанский политический журналист-монархист.

в СЕДА для участия в правительстве в качестве подлинно республиканской партии, и человек – Анхель Эррера» (цит. по: Vegas Latapie 1983: 305). Впрочем, возвращение сторонников Носедаля и Васкеса де Мельи в отчий дом накануне заговора против безбожной II Республики, посодействовавшее вступлению объединившегося «Традиционалистского сообщества» в начинающуюся гражданскую войну как в «Войну за освобождение», компенсирует на какое-то время пассивность в конформистской среде благородством тех, кто пожертвовал своей жизнью. Мануэль Фаль Конде¹ вместе с претендентом доном Альфонсо Карлосом², умершим в самом начале войны, очерчивают этот период.

Успех в войне был единственным. Поскольку «Традиционалистское сообщество» одновременно познало и неопределенности династического характера, и политические разногласия.

Первые были неизбежны в силу вымирания старшей ветви, этим и объясняется появление фигуры дона Хавьера де Борбона Пармы³, который принадлежал к боковой ветви карлистских претендентов на испанский престол (в дальнейшем он не смог убедить генерала Франко передать ему трон) (Rabón 1965; Polo 1949). Дон Хавьер был государем умным, образованным, добрым, благочестивым – и «железным» традиционалистом. Возможно, последним великим государем христианского мира; последним в том смысле, что он играл социальную роль короля в мире, который о ней уже ничего не знал, но еще уважал. Он был воспитан в очень строгом легитимистском духе своим отцом, герцогом Роберто, последним правителем Пармы (после того, как «Итальянский союз борьбы» Б. Муссолини отправил герцога, тогда еще ребенка, в изгнание, семья поселилась в замке Фросдорф в Нижней Австрии), постоянно вспоминая о третьей карлистской войне, в которой он участвовал на стороне короля Карлоса VII, своего шурина (Amiguet 1936; Bettencourt e Galvão 1943). И сын оказался верен этому наследию; он побывал на многих военно-политических театрах своего времени: боролся против революции в восстаниях мигелистов в начале XX в. в Португалии; искал сепаратного мира с Австрией под конец Первой мировой; возглавлял заговор против Испанской республики, а затем – до своего изгнания Франко – и силы традиционалистов во время гражданской войны; помогал своему другу Пию XII в деликатных миссиях светского характера... (Borbón Parma de, Clemente, Cubero 1997).

Возможно, дон Хавьер имел слишком нежную душу и нерешительный характер. Он также осознавал и проблемы с престолонаследием в Испании, которые, поскольку корона в традиционалистской ортодоксии была нелегитимной, было сложно объяснить и в этой стране, и за

¹ Мануэль Фаль Конде (1894–1975) – один из выдающихся карлистских лидеров во времена гражданской войны 1936–1939 гг., глава-делегат «Традиционалистского сообщества» в 1935–1955 гг.

² Альфонсо Карлос де Борбон-и-Аустрия-Эсте (1849–1936) – карлистский претендент на испанский престол в 1931–1936 гг.

³ Франсиско Хавьер де Борбон-Парма-и-Браганса (1889–1977) – карлистский претендент на испанский престол в 1952–1975 гг.

ее пределами. Слабость характера дона Хавьера имела трагичные последствия и в старости: его наследник – старший сын Хуан Уго – был настоящим авантюристом, сыгравшим решающую роль в последующем провале карлизма (Lavardin 1976). Дон Хавьер в одном случае ему противостоял, в других – наоборот, пока в конце концов его супруга, донья Магдалена де Борбон-Буссет, которая происходила из семьи *blancs d'Espagne* (Augé 1994), женщина сильная духом, не лишила своего первенца права наследования и не передала его младшему сыну, дону Сиксту Энрике, как более достойному унаследовать титул отца (Balansó 1994). Династические несчастья лишь увеличились, когда генерал Франко заявил о грядущей реставрации (*certus an incertus quando*) нынешней монархии, благодаря чему на испанском престоле оказался не представитель карлистской ветви, а прямой потомок Изабель II.

Но мы сказали также и о политических разногласиях. Диктатура генерала Франко, единственная и не классифицируемая, но не с позиций политического права или политической теории, а с точки зрения праксиса, вступила в противоречие с политической программой «Традиционалистского сообщества» непосредственно (Gambra 1976). Прежде всего – потому, что восстановление общества и христианских властей не совмещалось с тоталитарными ориентациями зарождающейся системы, все более явно меняющей фашистские одежды на фалангистские. Затем – потому, что логику личной власти, оказавшейся предметом вождения различных семейств, которые и сосуществовали, и боролись между собой, было трудно совместить с той, которую несла доктрина не только более чистая, но и предельно далекая от духа времени. А также и потому, что Франко, несмотря на то что имел свою личную концепцию монархии, никогда не объявлял войну другой династической ветви, которая не была свергнута Республикой, притом что вначале он с ней работал, а затем обошелся дурно¹.

В подобной конъюнктуре «Традиционалистское сообщество» едва ли могло не разойтись по швам. Человеческая природа (усталость, законные ожидания и т.д.) и действия Франко потихоньку разрывали эту ткань, и активный кадровый карлизм перестал расти. Вместе с тем положение карлизма в течение рассматриваемого периода определенным образом могло быть презируемо. Только соединением этих политических причин с вышеуказанной династической путаницей и, прежде всего, с принципиально вредным влиянием II Ватиканского Собора и его «духа» на испанский католицизм, наряду с плохо сдерживаемой негативной реакцией на карлизм со стороны определенных клерикальных групп, называемых консерваторами, но по сути своей либеральными, можно объяснить переход от ситуации сложной к уже безнадежной.

Гамбра рассматривает историю распада «Традиционалистского сообщества» с точки зрения личных отношений. И начинает с того, что «степень

¹ Карлисты активно участвовали в гражданской войне на стороне Франко, надеясь вернуться на испанский престол после победы; однако Франко первоначально отложил реставрацию монархии, а затем не позволил карлистам вернуться на испанский престол, изгнав многих их лидеров из страны.

разрозненности, до которой дошли отношения внутри карлизма, невероятна: не останавливаются перед клеветой, перед очернением, перед самым насилием» (Gambra 1970: 1). Конечно, уже в начале гражданской войны «карлизм, спаянный в сообщество веры, в борьбе и преследованиях начал превращаться в великую семью в рамках испанского общества с очевидной взаимной помощью и поддержкой» (Gambra 1970: 1). Так, слово «сообщество», сообщество в религиозно-политической вере, в отличие от слова «партия» «понималось также как сообщество взаимопомощи среди его членов, участников одной судьбы на протяжении поколений» (Gambra 1970: 1). Двадцать пять лет, которые прошли после конфликта, наоборот, «не были благоприятными для поддержания этого духа сообщества... Повлияла прежде всего нерешительность в течение многих лет в династическом вопросе с последующим отсутствием авторитета и образованием кругов с принципиально противоположными мнениями. Повлияла также жажда власти, власти относительно близкой, которая возрастала в большой степени благодаря усилиям карлистов и никогда не отказывалась от их сотрудничества при определенных условиях. Это искушение постоянно и закономерно порождало прения и внутренние раздоры. Конечно, нужно признать, что все эти разломы и соперничество сохранялись в рамках корректности и осторожности, что и следовало ожидать от группы людей, образованной кабальеро и католическими христианами» (Gambra 1970: 1). К чему, спрашивает Гамбра, эта нынешняя радикальная разрозненность? И дает следующий ответ: «...когда в морском бою тонет корабль, который направляет и защищает, остальные корабли попадают один за другим под огонь противника; этим главным кораблем была для нашей общей цивилизации Католическая церковь; остальные – Испания, Наварра, карлизм... – были меньшими кораблями в том же флоте, великом флоте Христианства; победа была общей, как и катастрофа» (Gambra 1970: 1).

Между тем политические и династические беды обострили критический дух, и карлизм второй половины XX в. характеризуется высочайшим уровнем доктринальных разработок таких мыслителей, как Рафаэль Гамбра, Франсиско Элиас де Техада¹, Франсиско Канальс² и Альваро Д`Орс³. Благодаря им, как мы увидим далее, становится понятно, что символы карлизма заключаются не только в знамени династического легитимизма, которое одно время ассоциировалось с провалами, а потом стало воплощением доктринальной чистоты и путеводной звездой политического сообщества, которое ему служит. Нет, карлизм – это континуитет испанской Традиции, которую сегодня представляет «Традиционалистское сообщество».

Рассмотрим эту сложную ситуацию более пристально.

¹ Франсиско Элиас де Техада-и-Спинола Гомес (1917–1978) – выдающийся испанский философ-традиционалист, специалист по философии и истории права.

² Франсиско Канальс Видал (1922–2009) – испанский теолог-томист.

³ Альваро Д`Орс-и-Перес-Пейкс (1915–2004) – испанский писатель и юрист, специалист по римскому праву, карлистский активист.

Первое, что предстает перед нашим взором, – это, определенно, династическая тяжба. В этом смысле можно сказать, что испанская Традиция, спящая на протяжении всего XVIII в., нашла в карлизме благоприятный повод для того, чтобы перед лицом агрессии либеральной революции реанимироваться и мобилизовать весь народ с его монархами, пасторами и мудрецами. Именно поэтому легитимизм не превратился в инструмент и не лишился веры в самого себя. Наоборот, именно с этим и было связано не только его происхождение, но и его пролонгация и даже выживаемость. Идеи не летают в высоких эмпиреях, они воплощаются в личностях и институтах. Кроме того, перед нами не какая-то там «просто идея», а идея легитимной монархии – существенный элемент нашей исторической конституции. Д'Орс в довольно полемичной статье написал об этом следующее: «Под именем традиционализма проходит много мутного и ошибочного, в том числе даже те, кто в свое время были приспешниками доброго Дела, а сегодня потерялись в лабиринтах либерализма. Прежде всего потому, что было забыто, что легитимность есть гарантия идеального содержания, что-то наподобие герметичной пробки в бутылке марочного вина. Известно ведь: пробка вылетела – и за вино уже никто не отвечает. Естественно, что оно портится. Карлизм, отсюда, происходит от чистой легитимности, поскольку без нее идеи портятся. Нечто похожее на поппулизм, который, закрывая глаза на требования легитимности, является, как правило, худшим другом Дела» (D'Ors 1962; см. также: Ayuso Torres 2004; D'Ors 2002; Gamba, Santa Cruz 2003; Santa Cruz 2003).

Поэтому карлизм и предполагает длительный континуитет испанской Традиции. Это *christianitas minima*, когда *christianitas minor* испанской монархии в борьбе за защиту *christianitas maior* Средних веков был разбит «европейским» или, лучше сказать, «модернистским» врагом (Elías de Tejada, Gamba, Puy 1971). В этом смысле он никогда (и менее всего – в своих истоках) не был идеологией. Изначально это был народ, который жил в Традиции, то есть в унаследованном порядке. Это были люди, которые, будучи отвергнутыми, приобрели прогрессивное сознание. Вначале клич «Бог! Родина! Фуэро! Король!» был слышен едва-едва. Затем добавили, что обращение к Божественному является не личностным, а коммунитарным, политическим: надеждой на то, что политическое сообщество в качестве единого целого исповедует роялизм Иисуса Христа как своего единственного Господа. И что большая Родина выстраивается на уважении к автономии юридических порядков, существующих в каждом социальном теле, то есть к принципу *фуэро*, проявлению гражданской свободы, а до создания современного государства – и к тому, что социальная доктрина Церкви называла субсидиарностью, сегодня определенно лишенной всякой естественности в стольких дискурсах.

Возможно, современный карлизм так и не начал понимать значение современного государства во всей его полноте. Безусловно, выдвигая подобный тезис, чтобы быть справедливым, целесообразно попристальнее рассмотреть остальные школы в рамках этого направления, а также обратиться к книге Д'Орса, особенно акцентирующей данный вопрос (D'Ors 1987). Так-

же более в плане общего, нежели институционального, понимания схватил нечто и Гамбра (Gambra 1958). Со своей стороны, мы стремились интегрировать эту перспективу в ту, что присуща нынешнему традиционализму в целом (Ayuso Torres 1996). Отсюда выводится очень многое для политической теории традиционализма – особенно в контексте католического единства – об отношениях «общество – государство» (помимо банального повторения фразы «больше общества, меньше государства», сегодня не совсем точной), о фуэро (Ayuso Torres 2003). За пределами традиционализма, хотя и с существенными совпадениями, имеются работы политического теоретика и философа Д. Негро Павона (Negro 2002; Negro 2007).

2. Карлизм в перспективе. Нет никакого сомнения в том, что религиозные, культурные и социальные трансформации последних десятилетий подорвали социальную базу карлизма. А также в том, что нынешняя *Scheinmonarchie* лишила такой режим престижа. Однако вызовы настоящего открывают всегда новые возможности для своего прочтения в свете Традиции. И естественность монархии как формы правления воспроизводится и актуализируется без остановки. В действительности карлизма и Традиции, которую он включает в себя, есть нечто постоянное, благодаря чему настоящая ситуация объясняется с позиций разрушения Традиции, а выход на гибель цивилизации, в которой мы находимся, должен вести к ее, Традиции, восстановлению.

Таким образом, девиз карлизма «Бог! Родина! Фуэро! Король!», который может показаться древним или изжитым, продолжает быть единственным знаменем надежды для разваливающегося мира. Вопреки глобализированному соблазнительному «новому мировому порядку» дать миру мир может лишь перевод всех вещей на Иисуса Христа посредством сил, подчиняющихся этическому порядку, который охраняется Церковью, и совмещающих свободу народов с общей Традицией различных стран. В этом смысле, в широком смысле, под идеей Испанидад и под карлизмом скрываются в числе прочего и чистые течения (Ayuso Torres 2007).

А) Подумаем прежде всего о католическом единстве. Там, где сохранялось единство веры, был и священный долг сохранять его; разрушать его – безбожие. Открыть религиозный плюрализм там, где было католическое единство, – это просто суицид. Сама Католическая церковь, мягко говоря, способствовала этому суициду своими практиками и, возможно, также и своим доктринальным поворотом. Я имею в виду, понятно, религиозную свободу (Ayuso Torres 2008a). Ведь сообщество людей – это не просто сосуществование (Gambra 1965). Сегодня так называемый мультикультурализм в своих разнообразных формах утверждает, что так или иначе все культуры и религии являются равноценными, поэтому и нужно создавать просто нейтральные рамки для их сосуществования (Castellano 2003). Это всего лишь игры, проводимые по формальным правилам; или законы меркантильных обществ, устанавливаемые волей своих членов.

Жизнь людей в обществе, наоборот, имеет нечто от сообщества. Возможно, что совершенного сообщества, как его полагали греки, быть не может, потому что это приближает его к Церкви. Люди живут в окружении

вещей, которые отличают их друг от друга, и вещей, которые их объединяют. Но что невозможно, так это подлинное сожительство без какого-либо сообщества, без коммунитарного принципа, без того, что выходит за пределы полезного или формальных уз, чтобы воплотиться в плоти и крови. Католическое единство, социальное величие Господа Нашего Иисуса Христа, низведенное к чему-то познаваемому, может быть передано так: помимо требований (сверхъестественного порядка) публично отправлять обязательный культ подлинного Бога с человеческой точки зрения не предполагается ничего, кроме потребностей сообщества людей.

Нынешняя ситуация, определенно очевидная, полностью противоположна: это распад того, что осталось от сообщества. И отсюда прогрессивное «одичание» наших обществ. На какой-то момент сохраняются образовательные, экономические и культурные медиации, которые препятствуют производству всех эффектов, действительно вовлечены в процесс и замедляют его. И если бы актуализировались последствия реализации (псевдо) принципов либерализма, мы давно бы находились в состоянии гражданской войны. Парадокс либерального общественного договора заключается в том, что он искал в государственном артефакте спасения от воображаемого «естественного состояния», но кончил тем, что реализовал его взаправду (Ayuso Torres 2011b).

Наложение Испанидад на христианство означает, соответственно, уступку данному непреложному требованию. Истинный карлизм может лишь оставаться верным этому условию. К тому же подлинный карлизм грима не носит. Д`Орс выразил это довольно явно в отношении традиционализма: «Если [он] ([традиционализм]. – М.А.Т.) откажется от своих принципов и будет настаивать на этой абсолютистской интерпретации религиозной свободы, он впадет в самое тяжелое противоречие, поскольку первое требование его программы – Бог, Родина, Король – есть, определенно, требование католического единства Испании, от которого зависит все остальное» (цит. по: Ayuso Torres 2004).

Б) Остановимся далее на проблеме территориальной артикуляции. Людям необходимы агрегация и чувство принадлежности к группе. В то же время они нуждаются и в маркерах своей независимости. Аристотель учит: чтобы жить в подлинном полисе, необходимо существование каких-то уз дружбы между людьми, живущими в нем; без них полиса нет. Если они не будут друзьями полностью, то в этом случае исчезнет и полис. Жизнь в обществе производна, следовательно, от диалектики автономии и единства. Не хватает интеграционных связей и не хватает связей институциональных, которые усиливают разнообразие.

Сегодня определенно говорится о кризисе современного государства, что открывает огромные возможности для тех народов, у которых – как у испаноязычных, например, – государство не образует части их исторической конституции. Отсюда государством вытеснено правление, соответствующий режим. Сегодня, и это большая проблема, растрескивание государств ведет не к восстановлению правления, а лишь к так называемому «руководству», то есть к администрированию вещами, противоположному

правлению людьми (Ayuso Torres 2008b). Но это уже другой вопрос. Выше мы увидели, что, согласно знакам нашего времени, сосуществование становится недостаточным, чтобы установить порядок, и что необходимо соощество. И, конечно же, вещи идут не по этому пути, а, скорее, по пути ускорения разложения либерализма. Но в любом случае очевидно, что лозунги, написанные на знамени карлизма, тем больше актуальны, чем меньше и хуже разрешаются современные проблемы.

Смотрите. В эпоху государств негосударства, или усеченные государства, могли находиться лишь в положении неполноценных. При нынешней же конъюнктуре это положение определяется как кризис государства; но неужели мы не сможем оказаться в другом – привилегированном – положении?

Для начала нам стоит осознать благоприятные аспекты. Что касается кризиса государства как артефакта, новый *ordo orbis* мог бы открыться тому, что последний разработчик *ius publicum europeum* Карл Шмитт называл большими пространствами (*Grossraume*) и определял как «равновесие различных больших пространств, создающих между собой новое право людей на новом уровне и в новых масштабах, но одновременно дотированное и определенными аналогиями с европейским правом людей восемнадцатого и девятнадцатого веков, которое также базируется на равновесии держав, благодаря чему и сохраняется его структура» (Schmitt 1951: 24). Д'Орс вдохновлялся шмиттовским лейтмотивом (D'Ors 1998). Шмитт считал себя последним обожателем *ius publicum eurpaeum*, то есть последним государственнымником. Иначе говоря, он не являлся в каком бы то ни было смысле традиционалистом, однако его влияние на такого традиционалиста *sui iuris*, как Д'Орс, показывает неисчислимые возможности любой настоящей работы. Шмитт сказал Д'Орсу, что история карлизма была «меланхолической» (Schmitt, d'Ors 2004: 95). Вне всяких сомнений, испаноязычный мир образует «большое пространство» не только в географическом смысле, но и в смысле глубоко человеческого, духовно-культурном. И с историей за своими плечами.

Д'Орс, идя по пути Шмитта и глубоко осмыслив пути реалистической реконструкции политики, позволяющей обновить нить Традиции, говорил о «функциональном регионализме», преодолевающим процесс разрушения государств (D'Ors 1961). Определенно, что в уникальной системе Д'Орса подобное выражение содержит немало двусмысленностей. Их высветили двое уважаемых аргентинских коллег. Так, Феликс Ламас¹ увидел в нем технократическое и универсалистское *intention*, которые являются антиподами католической Традиции (Lamas 1989: 58). Бернардино Монтехано² отметил противоречие, которое позволяет предположить, с одной

¹ Феликс Адольфо Ламас (род. 1944) – современный аргентинский философ, зав. кафедрой философии права в Папском Католическом университете Буэнос-Айреса, директор Института философских исследований святого Фомы Аквинского.

² Бернардино Монтехано (род. 1939) – современный аргентинский философ, профессор философии права в Папском Католическом университете Буэнос-Айреса, специалист по истории естественного права.

стороны, замену государства территориальными регионами, чтобы в следующей строке утверждать, что центром системы является не территория, а функция, ответственность за которую несут технические организмы. В итоге с самим регионализмом, который обязательно должен опираться на географию, будет покончено (Montejano 2005).

Однако они оба неправы. По нашему мнению, утверждение Д'Орса, конечно же, должно быть воспринято как (наводящее на размышления) намерение преодолеть закрытость современных государств-наций, которое позволит восстановить естественное политическое сообщество и в качестве «хребта», основы, будет иметь принцип субсидиарности, что в испаноязычном мире – с давних времен – конкретизируется в фуэро. Мы понимаем: то, что мы говорим, также не лишено недостатков, поскольку принцип субсидиарности является не техническим правилом, а принципом, регулирующим отношения между социальными телами (Vallet de Goytisolo 1981). Да и фуэро связаны с историческим правом (Puy Muñoz 1974). В словах же Д'Орса можно увидеть многое, но предельно далекое от «функционального» редукционизма. Между тем, как нам кажется, эти позиции уравниваются, отрицая всемирный *one world* и постулируя великие этические пространства – подлинные сообщества, в которых религиозный фактор будет с необходимостью играть важную роль (D'Ors 1999: 188). Именно поэтому мы считаем, что Испанидад может стать моделью для преодоления, трансформации нынешних государств через артикуляцию «большого пространства» с исторической основой и моральным единством, имея принцип субсидиарности и партикуляризм фуэро в качестве своей оси.

Против этого играет разлагающий контекст нынешнего кризиса, который заставляет опасаться, что вместе с государством падет и нечто более перманентное и ценное: само политическое сообщество. В нынешних условиях безудержного нигилизма этого исключать нельзя. Сам Д'Орс написал по этому поводу следующее: «Кризис “национального государства” во всем мире позволяет предполагать преодоление нынешней государственной структуры: *ad extra*, наднациональными организациями, и, одновременно, *ad intra*, внутринациональными региональными автономиями. Однако, с одной стороны, “национальные государства” продемонстрировали абсолютную пустоту в плане любой моральной идеи, сколь бы широкой она ни была, и даже в плане радикального пацифизма, который содействует лишь поражению в плохо ведомой войне; с другой – автономизм развивается через революционные течения, иногда анархистские, но всегда дезинтеграционистские, которые служат не созиданию родины, а лишь ее разрушению. В итоге сегодня получается, что это “национальное государство”, призванное исчезнуть, действительно служит слабым резервом для моральной интеграции, но не имеет будущего» (D'Ors 1984: 213).

Хотя в нашем случае реальность Испанидад, развития которой мы желаем, также проблемна; это заставляет быть крайне осторожным в наши путаные времена.

В) Выясним, в конце концов, что такое монархия. Она безусловно предполагает факт личного правления. Личное правление требует определенных

характеристик, которые делают монархию неоспоримой, чтобы придать ей стабильность и континуитет. Более того, сущность монархии не может быть понята без определенного сакрального участия. Монархия, таким образом, происходит от концепций семьи и святости.

Прежде всего, монархия, основанная на том, что индивид – это естественный субъект действия, а также и субъект ответственности, предполагает правление одного. Демократический автоматизм, вероятно, вполне хорош для обществ, чья цель является административной или экономической, и конвенциональных объединений (муниципальных правительств и цеховых или региональных администраций). Однако трем фундаментальным и базовым структурам: семье, политическому сообществу и Церкви – Бог придал монархическое устройство (персональное – первой, наследственное – второму и избирательное – третьей). Что касается политической власти, то, «если она не осуществляется полностью лично, она не может быть ни энергичной, ни эффективной, ни приобретать связности и полной ответственности, чего требует власть, призванная понять нечто большее, чем жизнь и смерть людей». Демократия же «размывает ответственность по диффузной и аморфной власти, которая, если случайно и достигает успеха, не порождает ни приверженности, ни стабильной лояльности; а если впадает в коррупцию, то никто не может ожидать от нее решительного и энергичного действия по коррекции и реформированию» (Gambra 1954: 136-137).

Далее, монархия как политическая форма есть континуитет общества, образуемый семьями благодаря континуитету семьи, – королевской семьи, которая символизирует и актуализирует континуитет всех и каждой из семей и в которой некоторым образом участвует Провидение, направляемое Богом, через порядок, проистекающий из этого континуитета. Мы полагаем, кажется, именно Педро Сайнс Родригес¹, либеральный монархист с традиционным в определенный момент своей жизни мышлением, сказал, что монархии высаживают леса, а республики их вырубают. Идея, производная от политического опыта Испании (и даже испаноязычного мира) XIX–XX вв., которую мы особенно ясно осознаем сегодня, когда должны испытывать недостаток в долгосрочном видении и благородной решительности, замененных ближней перспективой и *spoils system*: все притворяются правящими, чтобы сохранить власть, и впадают в демагогию, если не в клептоманию. В итоге при подобном понимании вещей, – и речь идет не только о вырождающейся партократии, поскольку она созвучна элективному принципу как единственной переменной при определении режима, – политическая жизнь низводится до электоральных процессов, разрушая всегда даже наименьший континуитет.

В итоге виртуальность монархии, связанной с принципом легитимности, то есть с сохранением того у власти, кто имеет на это право и кто не только имеет это право по рождению, но и ведет себя всегда соответствующим образом, является источником священного континуитета, который

¹ Педро Сайнс Родригес (1897–1986) – испанский издатель и политик, министр национального образования в первом правительстве генерала Ф. Франко.

называется Традицией. При таком наличии легитимной монархии возможно сохранение и социального, интеллектуального и народного движения, называемого нами карлизмом, которое было бы очень сложно мыслить чисто интеллектуально, бестелесно (см.: Ayuso Torres 2011a).

В двух сферах наблюдается особая способность монархии утверждать континуитет и благо народов: с одной стороны, как подлинная защита от власти денег, с другой – как инструмент федеративного союза.

Относительно первой сферы: только сильное правительство как доброе правление способно сопротивляться плутократии и олигархии. Падре Леонардо Кастельяни¹ подчеркнул это очень адекватно: «Власть денег очень велика в сегодняшнем мире. Как-то знакомый священник сказал мне, что прочитал книгу одного шотландского автора “История денег”, в которой доказывается, что деньги, капитал, нагромождение денег всегда побеждали в мире. Однако исторически это ложь: просто данный священник находится на службе капитализма и утешается, говоря: “Всегда было так в этом мире”. Правда же в том, что власть денег всегда одолевала слабые правительства. Политическая власть сильного правительства превосмогает власть денег; при этом сильное правительство не означает, определенно, в хорошем смысле, ни тиранию, ни цезаризм, ни бонапартизм, ни даже абсолютную власть; оно означает просто хорошее правление. Сильные правительства – это доброе правление. Власть денег бессильна против хорошего правления; однако хорошее правление должно бороться как лев, если хочет одолеть деньги, то есть если хочет быть хорошим; иногда оно должно бороться до мученичества» (Castellani 2000: 203). Другой шотландский автор, Роберт МакНейр Уилсон, написал интересную книгу, в которой доказывает, что народ не может реализовывать власть самостоятельно и что нет народа без короля. Фактически народы без короля находятся во владении партий и фракций, из которых самая богатая неизбежно превращается в самую сильную (McNair Wilson 1937).

Однако совсем не обязательно, чтобы речь всегда шла о деньгах. Свой вклад вносят и политическая наука с историей, так как они также являются пружинами, с помощью которых находится способ аннулировать сопротивление, оказываемое деньгами. Во Франции во время правления Луи XIV, например, политика предельного обогащения, поддерживаемая Короной, служила инструментом для конкретного и полного подчинения знати королевской власти, потому что, в конечном итоге, знать была куплена силой денег, поставленных на службу Короне. И если во Франции монархия имела фиктивное аристократическое представительство, то и в странах, которые с ней воевали, происходило что-то похожее. Особенно в Англии, где начиная с революции 1688 г. и последующих за ней социальных трансформаций сложилась почти обратная ситуация, поскольку власть перешла к олигархам-коммерсантам – *вигам*, которые сместили землевладельцев – *тори* и облекли власть денег в монархическую форму. Отсюда можно утверждать,

¹ Леонардо Луис Кастельяни (1899–1981) – выдающийся аргентинский философ-иезуит.

что Англия была в целом не монархией, но олигархией, представленной монархически (Canals Vidal 2005). Доносо Кортес говорит более прямо, что Англия была не столько монархией, сколько аристократией (Donoso Cortés 1970: 771). Поэтому ей и нужно было превратиться в образец для всех конституционных монархий (и парламентских после). Однако монархия, когда она остается таковой, образцово демонстрирует трудовую победу над плутократией: «Власть Денег (а это уже ересь) очень сильно пугает Монархию, так как это единственная сила, способная ее низвергнуть; поэтому сегодня и пытаются изобразить ее кукушкой и окропить святой водой, заклинаниями и проклятиями. Однако Монархия в широком смысле – это вещь, которая заложена в природе, и поэтому, изгнанная в дверь, она возвращается через окно, переодетая, если необходимо: “сила, способная низвергнуть тайные силы...” Чтобы мочь защититься от давления со стороны мощного окружения (в котором нет ничего более опасного и универсального, чем Человек Денег), большинство монархий имеет тенденцию возносить человека столь высоко (и это является символом Трона), что по сравнению с ним исчезают все другие неравенства, и в определенном смысле “все являются равными” перед лицом Королевского Суда. “Пошли в Королевский Суд”, – говорили в Испании. Но богатые нуждаются в Короле, который не способен “превозмочь” их; примеры тому – Конституционный Король и Президент Коти¹. И это философский фундамент Монархии, неразрушимого феномена. Чтобы обрести Суд, который есть одно из имен Бога, нужно лишь создать человека почти-как-Бога и заставить его править от имени Бога. Если получается плохо – это плохо; но если получалось плохо, христиане в былые времена его свергали или убивали» (Castellani 2000: 52-53).

Кроме того, монархия предполагает огромную гибкость для воссоздания «больших пространств» в случае кризиса государственных структур. Это одна из важнейших причин, по которым монархия сделалась наследственной и институционализировалась как формула территориального структурирования и артикуляции. Испанский случай вызывает в этом плане особый интерес, так как федеративная (лучше, чем федеральная), или основанная на фуэро, монархия «золотого века» является одним из лучших воплощений в своем роде (D’Ors 1998; Elías de Tejada 1954; Truyol y Serra 1983).

В конце концов, монархия содержит в себе нечто большее, чем идею личного правления, поскольку речь идет о власти в определенном смысле священной, то есть поднятой выше чисто естественного уровня конвенций или человеческой техники: «В этом некая общая черта всех исторических монархий, которые как политико-институциональный феномен были даны различным народам, даже абсолютно не связанным между собой и религиозно разнообразным. Монархия была политическим режимом религиозных обществ и всех других при их зарождении. Только когда общество устоялось на секуляризированных основах или когда, как в классической Греции, оно

¹ Жюль Густав Рене Коти (1882–1962) – Президент Франции в 1954–1959 гг., известный своей непоследовательной политикой.

оказывается под влиянием эстетической и рациональной среды, правление лишается своего монархического характера» (Gambra 1954: 138).

Речь не идет о сложной проблеме конкретной передачи божественной власти королям. Цезаристские интерпретации английского Якова I, распространившиеся затем на континент и давшие начало так называемому «божественному праву королей», были причиной тому, что католические апологеты Контрреформации закономерно сформулировали теории о его опосредованном переходе, которые вначале усилили церковную власть, а со временем, наоборот, привели (невольнo) исторически и психологически к теориям общественного договора и революционной теории суверенитета нации. Так что последующие апологеты должны были корректировать это объяснение с целью усилить другое – о столпах временного христианского порядка, который в результате оказался ослаблен (Gambra 1954: 139; Vegas Latapie 1970).

*Перевод с испанского Ю.В. Василенко¹.
Translated from Spanish by Yu.V. Vasilenko².*

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Amiguet Ph. 1936. La vie du prince Sixte de Bourbon. Paris : Les Editions de France. 242 p.
- Andrés J.R. de. 2000. El cisma mellista: Historia de una ambición política. Madrid : Actas. 293 p.
- Aparisi y Guijarro A. 1869. El Rey de España. Madrid : Imprenta de Ramón Ramírez. 72 p.
- Augé G. 1994. Les Blancs d'Espagne. Paris : Amis de Guy Augé. 168 p.
- Ayuso Torres M. 1996. ¿Después del Leviathan? Sobre el estado y su signo. Madrid : Speiro. 191 p.
- Ayuso Torres M. 2001. La cabeza de la Gorgona. De la hybris del poder al totalitarismo moderno. Buenos Aires : Nueva Hispanidad. 138 p.
- Ayuso Torres M. 2003. Lógica de la subsidiariedad y quiebra de la soberanía // Razón española: Revista bimestral de pensamiento. № 118. P. 226-228.
- Ayuso Torres M. 2004. In memoriam. Álvaro D'Ors y el tradicionalismo (A propósito de una polémica final) // Anales de la Fundación Elías de Tejada. T. 10. P. 183-197.
- Ayuso Torres M. 2005. Qué es el carlismo. Una introducción al tradicionalismo hispánico. Buenos Aires : Ediciones de la Academia. 40 p.
- Ayuso Torres M. 2007. Carlismo para hispanoamericanos. Fundamentos de la unidad política de los pueblos hispánicos. Buenos Aires : Ediciones de la Academia. 56 p.
- Ayuso Torres M. 2008a. La constitución cristiana de los Estados. Barcelona : Scire. 130 p.
- Ayuso Torres M. 2008b. Las metamorfosis de la política contemporánea: ¿disolución o reconstitución? // Verbo. № 465-466. P. 513-526.
- Ayuso Torres M. (ed.) 2011a. A los 175 años del carlismo : una revisión de la tradición política hispánica : actas del congreso internacional celebrado en Madrid los días 27 y 28 de septiembre de 2008 / Miguel Ayuso Torres (ed.). Madrid : Fundación Elías de Tejada. 582 p.

¹ Василенко Юрий Владимирович, кандидат философских наук, доцент НИУ ВШЭ-Пермь. E-mail: yuvasil@yandex.ru

² Vasilenko Yuri, Candidate of Philosophy, assistant professor of HSE-Perm. E-mail: yuvasil@yandex.ru

Ayuso Torres M. 2011b. *El hombre social // Guerre civile et modernité; le prolongement de la crise de conscience européenne?* París : François-Xavier de Guibert. P. 239-256.

Ayuso Torres M. 2015. *El pensamiento político del Manifiesto de los Persas // Aportes: Revista de historia contemporánea.* Nº 87. P. 5-33.

Balansó J. 1994. *La familia rival.* Barcelona : Planeta. 266 p.

Bettencourt e Galvão M. de. 1943. *Dom Miguel II e o seu tempo: Notas biográficas sobre o senhor Dom Miguel de Bragança.* Oporto. 418 p.

Borbón Parma M.T. de, Clemente J.C., Cubero J. 1997. *Don Javier, una vida al servicio de la libertad.* Barcelona : Plaza & Janés. 424 p.

Canals Vidal F. 1977. *Política española: pasado y futuro.* Barcelona : Ediciones Acervo. 403 p.

Canals Vidal F. 2005. *Mundo histórico y Reino de Dios.* Barcelona : Scire. 252 p.

Castellani L. 2000. *San Agustín y Nosotros.* Mendoza : Jauja. 271 p.

Castellano D. 2003. *Multiculturalismo e identità religiosa: un problema politico // Ora et labora. Le comunità religiose nella società contemporanea.* Busto Arsizio : Nomos. P. 182-187.

D'Ors Á. 1961. *Papeles del oficio universitario.* Madrid : Rialp. 356 p.

D'Ors Á. 1962. *Lo que el Carlismo navarro puede dar al mundo // Montejurra.* Nº 22. P. 1.

D'Ors Á. 1984. *Tres aporías capitales // Razón española: Revista bimestral de pensamiento.* Nº 2. P. 213-214.

D'Ors Á. 1987. *La violencia y el orden.* Madrid : Dyrsa. 125 p.

D'Ors Á. 1998. *La posesión del espacio.* Madrid : Editorial Civitas. 77 p.

D'Ors Á. 1999. *Nueva introducción al estudio del derecho.* Madrid : Civitas. 216 p.

D'Ors Á. 2002. *La actualidad del Dios-Patria-Rey // El Boletín Carlista de Madrid.* Nº 69. P. 2.

Diz-Lois C. 1967. *El manifiesto de 1814.* Pamplona : Ediciones de la Universidad de Navarra. 285 p.

Donoso Cortés J. 1970. *Obras completas. Vol. 2.* Madrid : La Editorial Católica. 1018 p.

Elías de Tejada F. 1953. *Preliminar // Antología de Juan Donoso Cortés.* Madrid : Editorial Tradicionalista. P. 5-13.

Elías de Tejada F. 1954. *La monarquía tradicional.* Madrid : Rialp. 182 p.

Elías de Tejada F., Gamba R., Puy F. 1971. *¿Qué es el carlismo?* Madrid : Escelicer. 115 p.

Fernández de la Cigoña F.J. 1976. *El pensamiento contrarrevolucionario español: El Manifiesto de los «Persas» // Verbo.* Nº 141-142. P. 179-258.

Fernández de la Cigoña F.J. 1981. *El pensamiento contrarrevolucionario español: La Unión Católica // Verbo.* Nº 193-194. P. 395-442.

Fernández de la Cigoña F.J. 1987. *El pensamiento contrarrevolucionario español: Ramón Nocedal, el parlamentario integrista // Verbo.* Nº 255-256. P. 603-636.

Ferrer M. 1869. *La cuestión dinástica: exámen de las leyes, dictámenes, hechos históricos, razones y causas que el gobierno usurpador y las llamadas Cortes de 1834 alegaron en las sesiones de 3 de setiembre, 6, 7 y 8 de octubre del mismo año, para apoyar el pretendido derecho de la infanta doña Isabel a la sucesión en la Corona de España, y excluir de la misma al Sr. D. Carlos V, legítimo sucesor del Sr. D. Fernando VII.* Madrid : La Esperanza. 189 p.

Ferrer M. 1958. *Breve historia del legitimismo español.* Madrid : Montejurra. 139 p.

Ferrer M., Tejera D., Acedo J.F. 1941-1979. *Historia del tradicionalismo español.* 30 vols. Sevilla : Trajano.

Galindo Herrero S. 1953. *Donoso Cortés.* Madrid : Publicaciones Españolas. 30 p.

- Gambra R. 1954. La monarquía social y representativa en el pensamiento tradicional. Madrid : Rialp. 247 p.
- Gambra R. 1957. El García Morente que yo conocí (Aquella extraordinaria irrupción de la gracia) // Nuestro tiempo. Nº 32. P. 131-173.
- Gambra R. 1958. Eso que llaman estado. Madrid : Montejurra. 229 p.
- Gambra R. 1965. La unidad religiosa y el derrotismo católico. Sevilla : Católica Española. 149 p.
- Gambra R. 1970. El maleamiento interno del Carlismo // El Pensamiento Navarra. 27 de septiembre. P. 1.
- Gambra R. 1976. Tradición o mimetismo: la encrucijada política del presente. Madrid : Instituto de Estudios políticos. 322 p.
- Gambra R. 1979. Melchor Ferrer y la «Historia del tradicionalismo español». Sevilla : Católica Española. 10 p.
- Gambra R., Santa Cruz M. de. 2003. ¿Quién busca hoy la destrucción del Carlismo? // El Boletín Carlista de Madrid. Nº 70. P. 1-2.
- García Morente M. 1947. Idea de la Hispanidad. Madrid : Espasa Calpe. 266 p.
- Hernando de Larramendi L. 1919. Omisiones y desvaríos de Mella. La salud de la Causa. Madrid : El Correo Español. 36 p.
- Lamas F.A. 1989. Los principios internacionales – Desde la perspectiva de lo justo concreto. Buenos Aires : Instituto de Estudios Filosóficos Santo Tomás de Aquino. 142 p.
- Lavardin J. 1976. El último pretendiente. París : Ruedo Ibérico. 295 p.
- McNair Wilson R. 1937. La monarquía contra la fuerza del dinero. Burgos : Cultura española. 360 p.
- Menéndez y Pelayo M. 1880–1882. Historia de los heterodoxos españoles. Libro VIII, capítulo I, 1 // ФОМ : интернет-сайт. URL: http://www.iglesiareformada.com/Menendez_8_1_Historia_Heterodoxos_espanoles.html (дата обращения: 04.06.2019).
- Montejano B. 2005. Curso de derecho natural. Buenos Aires : LexisNexis. 360 p.
- Mundet J.M. 2002. Vicenç Pou, ¿un antecedent de Balmes? La política religiosa dels moderats vista per un carlí (1845) // Analecta Sacra Tarraconense: Anuari de la Biblioteca Balmes. Vol. 75. P. 341-380.
- Negro D. 2002. Gobierno y Estado. Madrid : Marcial Pons. 91 p.
- Negro D. 2007. Sobre el Estado en España. Madrid : Marcial Pons. 119 p.
- Orella Martínez J.L. 2000. Víctor Pradera. Un católico en la vida pública de principios de siglo. Madrid : Biblioteca de Autores Cristianos. 236 p.
- Pabón J. 1965. La otra legitimidad. Madrid : Prensa Española. 280 p.
- Polo F. 1949. ¿Quién es el Rey? La actual sucesión dinástica en la monarquía española. Madrid : Tradicionalista. 214 p.
- Pradera V. 1945. Obras completas. T. 1. Madrid : Instituto de Estudios Políticos. 740 p.
- Puy Muñoz F. 1974. Derecho y tradición en el modelo foral hispánico // Verbo. Nº 128-129. P. 1013-1030.
- Santa Cruz M. de. 2003. Menos disquisiciones sobre la confesionalidad católica // Siempre P'alante. Nº 468. P. 3.
- Schmitt C. 1951. La unidad del mundo. Madrid : Ateneo. 37 p.
- Schmitt C., d'Ors A. 2004. Briefwechsel / hrsg. von Montserrat Herrero. Berlin : Duncker und Humblot. 352 s.
- Suárez Verdguer F. 1949. Evolución política de Donoso Cortés: Discurso inaugural leído en la solemne apertura del curso académico de 1949 a 1950. Santiago de Compostela : Universidad de Santiago de Compostela. 106 p.

Suárez Verdeguer F. 1959. Las tendencias políticas durante la guerra de la Independencia. Zaragoza : Institución «Fernando el Católico». 14 p.

Suárez Verdeguer F. 1997. Vida y obra de Donoso Cortés. Pamplona : Eunate. 1088 p.

Truyol y Serra A. 1983. La monarquía hispánica de la Casa de Austria como forma de Estado // *Völkerrecht als Rechtsordnung, Internationale Gerichtsbarkeit, Menschenrechte. Festschrift für Hermann Mosler*. Berlin ; Heidelberg ; New York : Springer. P. 981-996.

Vallet de Goytisolo J. 1981. Tres ensayos: Cuerpos intermedios, Representación política, Principio de subsidiariedad. Madrid : Speiro. 154 p.

Vegas Latapie E. 1970. Origen y fundamento del poder // *Verbo*. Nº 85-86. P. 405-417.

Vegas Latapie E. 1983. El suicidio de la Monarquía y la Segunda República: Memorias políticas. Madrid : Planeta. 327 p.

Miguel Ayuso Torres, Comillas Pontifical University, Madrid, Spain.
E-mail: mayuso@icade.comillas.edu

Article received 02.06.2019, accepted 02.09.2019, available online 07.10.2019

CARLISM AND SPANISH POLITICAL TRADITION: YESTERDAY AND TODAY

Abstract. The article analyzes the evolution of the key ideological concepts of Carlism – a mass social and political movement that arose in Spain in 1833 as a result of the dynastic crisis after the death of King Fernando VII, and led in the 19th century to three intra-national conflicts (“Carlist wars”) between supporters of the liberal bourgeois modernization and the Catholic tradition. The author shows that modern Carlism does not boil down to legitimism as a struggle for the right of the so-called “legitimist dynast” (descendants of Carlos V as the youngest branch of the Spanish Bourbons) to the Spanish throne, but also involves the institutional continuity of old Spain and is the incarnation of traditionalist thought. As a scholar, the author argues that the twentieth century Carlism is a movement for the continuity of the “Catholic monarchy” and the doctrinal development of Catholic traditionalism. As a doctrinaire, the author tries to prove that in the conditions of the crisis of the modern State the slogan of Carlism “God! Motherland! Fueros! King!” retains its relevance not only for modern Spain.

Keywords: Carlism; traditionalism; State; «Catholic monarchy»; modern Spain.

For citation: Ayuso Torres M. *Karlizm i ispanskaja politicheskaja tradicija: vchera i segodnja* [Carlism and Spanish political tradition: yesterday and today], *Antinomii = Antinomies*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 59-83. DOI 10.24411/2686-7206-2019-10003.

References

Amiguet Ph. *La vie du prince Sixte de Bourbon* [The life of the Prince Sixte de Bourbon], Paris, Les Editions de France, 1936, 242 p. (in French).

Andrés J.R. de. *El cisma mellista: Historia de una ambición política* [The mellista schism: History of a political ambition], Madrid, Actas, 2000, 293 p. (in Spanish).

Aparisi y Guijarro A. *El Rey de España* [The king of Spain], Madrid, Imprenta de Ramón Ramírez, 1869, 72 p. (in Spanish).

Augé G. *Les Blancs d'Espagne* [The whites of Spain], Paris, Amis de Guy Augé, 1994, 168 p. (in French).

Ayuso Torres M. (ed.) *A los 175 años del carlismo. Una revisión de la tradición política hispánica: actas del congreso internacional celebrado en Madrid los días 27 y 28 de septiembre de 2008* [At 175 years of Carlism. A review of the Hispanic political tradition], Madrid, Fundación Elías de Tejada, 2011, 582 p. (in Spanish).

Ayuso Torres M. *¿Después del Leviathan? Sobre el estado y su signo* [After the Leviathan? About the state and its sign], Madrid, Speiro, 1996, 191 p. (in Spanish).

Ayuso Torres M. *Carlismo para hispanoamericanos. Fundamentos de la unidad política de los pueblos hispánicos* [Carlism for Hispanic Americans. Fundamentals of the political unity of the Hispanic peoples], Buenos Aires, Ediciones de la Academia, 2007, 56 p. (in Spanish).

Ayuso Torres M. *El hombre social* [The social man], *Guerre civile et modernité; le prolongement de la crise de conscience européenne?*, París, François-Xavier de Guibert, 2011, pp. 239-256. (in Spanish).

Ayuso Torres M. *El pensamiento político del Manifiesto de los Persas* [The political thought of the Manifesto of the Persians], *Aportes: Revista de historia contemporánea*, 2015, no. 87, pp. 5-33. (in Spanish).

Ayuso Torres M. *In memoriam. Álvaro D'Ors y el tradicionalismo (A propósito de una polémica final)* [In memoriam. Álvaro D'Ors and traditionalism (About a final polemic)], *Anales de la Fundación Elías de Tejada*, 2004, vol. 10, pp. 183-197. (in Spanish).

Ayuso Torres M. *La cabeza de la Gorgona. De la hybris del poder al totalitarismo moderno* [The head of the Gorgon. From the hybris of power to modern totalitarianism], Buenos Aires, Nueva Hispanidad, 2001, 138 p. (in Spanish).

Ayuso Torres M. *La constitución cristiana de los Estados* [The Christian constitution of the States], Barcelona, Scire, 2008, 130 p. (in Spanish).

Ayuso Torres M. *Las metamorfosis de la política contemporánea: ¿disolución o reconstitución?* [The metamorphoses of contemporary politics: dissolution or reconstitution?], *Verbo*, 2008, no. 465-466, pp. 513-526. (in Spanish).

Ayuso Torres M. *Lógica de la subsidiariedad y quiebra de la soberanía* [Logic of subsidiarity and bankruptcy of sovereignty], *Razón española: Revista bimestral de pensamiento*, 2003, no. 118, pp. 226-228. (in Spanish).

Ayuso Torres M. *Qué es el carlismo. Una introducción al tradicionalismo hispánico* [What is Carlism? An introduction to Hispanic traditionalism], Buenos Aires, Ediciones de la Academia, 2005, 40 p. (in Spanish).

Balansó J. 1994. *La familia rival* [The rival family], Barcelona, Planeta, 1994, 266 p. (in Spanish).

Bettencourt e Galvão M. de. *Dom Miguel II e o seu tempo: Notas biográficas sobre o senhor Dom Miguel de Bragança* [Dom Miguel II and his time: Biographical notes about Monsignor Miguel de Bragança], Oporto, S.n., 1943, 418 p. (in Portuguese).

Borbón Parma M.T. de, Clemente J.C., Cubero J. *Don Javier, una vida al servicio de la libertad* [Don Javier, a life at the service of freedom], Barcelona, Plaza & Janés, 1997, 424 p. (in Spanish).

Canals Vidal F. *Mundo histórico y Reino de Dios* [Historical world and Kingdom of God], Barcelona, Scire, 2005, 252 p. (in Spanish).

Canals Vidal F. *Política española: pasado y futuro* [Spanish politics: past and future], Barcelona, Ediciones Acervo, 1997, 403 p. (in Spanish).

Carl Schmitt und Álvaro d'Ors: *Briefwechsel* [Carl Schmitt and Álvaro d'Ors: correspondence], Berlin, Duncker und Humblot, 2004, 352 p. (in German).

Castellani L. *San Agustín y Nosotros* [Saint Augustine and Us], Mendoza, Jauja, 2000, 271 p. (in Spanish).

Castellano D. *Multiculturalismo e identità religiosa: un problema politico* [Multiculturalism and religious identity: a political problem], *Ora et labora. Le comunità religiose nella società contemporanea*, Busto Arsizio, Nomos, 2003, pp. 182-187. (in Italian).

D'Ors Á. *La actualidad del Dios-Patria-Rey* [The actuality of the God-Fatherland-King], *El Boletín Carlista de Madrid*, 2002, no. 69, p. 2. (in Spanish).

D'Ors Á. *La posesión del espacio* [The possession of space], Madrid, Editorial Civitas, 1998, 77 p. (in Spanish).

D'Ors Á. *La violencia y el orden* [Violence and order], Madrid, Dyrsa, 1987, 125 p. (in Spanish).

D'Ors Á. *Lo que el Carlismo navarro puede dar al mundo* [What the Navarrese Carlism can give to the world], *Montejurra*, 1962, no. 22, p. 1. (in Spanish).

D'Ors Á. *Nueva introducción al estudio del derecho* [New introduction to the study of law], Madrid, Civitas, 1999, 216 p. (in Spanish).

D'Ors Á. *Papeles del oficio universitario* [Roles of the university profession], Madrid, Rialp, 1961, 356 p. (in Spanish).

D'Ors Á. *Tres aporías capitales* [Three capital aporias], *Razón española: Revista bimestral de pensamiento*, 1984, no. 2, pp. 213-214. (in Spanish).

Diz-Lois C. *El manifiesto de 1814* [The manifesto of 1814], Pamplona, Ediciones de la Universidad de Navarra, 1967, 285 p. (in Spanish).

Donoso Cortés J. *Obras completas. Vol. 2* [Complete works. Vol. 2], Madrid, La Editorial Católica, 1970, 1018 p. (in Spanish).

Elías de Tejada F. *La monarquía tradicional* [The traditional monarchy], Madrid, Rialp, 1954, 182 p. (in Spanish).

Elías de Tejada F. *Preliminar* [Preliminary], *Antología de Juan Donoso Cortés*, Madrid, Editorial Tradicionalista, 1953, pp. 5-13. (in Spanish).

Elías de Tejada F., Gamba R., Puy F. *¿Qué es el carlismo?* [What is Carlism?], Madrid, Escelicer, 1971, 115 p. (in Spanish).

Fernández de la Cigoña F.J. *El pensamiento contrarrevolucionario español: El Manifiesto de los «Persas»* [The Spanish counterrevolutionary thought: The Manifesto of the «Persians»], *Verbo*, 1976, no. 141-142, pp. 179-258. (in Spanish).

Fernández de la Cigoña F.J. *El pensamiento contrarrevolucionario español: La Unión Católica* [The Spanish counterrevolutionary thought: The Catholic Union], *Verbo*, 1981, no. 193-194, pp. 395-442. (in Spanish).

Fernández de la Cigoña F.J. *El pensamiento contrarrevolucionario español: Ramón Nocedal, el parlamentario integrista* [The Spanish counterrevolutionary thought: Ramón Nocedal, the fundamentalist parliamentarian], *Verbo*, 1987, no. 255-256, pp. 603-636. (in Spanish).

Ferrer M. *Breve historia del legitimismo español* [Brief history of Spanish legitimism], Madrid, Montejurra, 1958, 139 p. (in Spanish).

Ferrer M. *La cuestión dinástica: exámen de las leyes, dictámenes, hechos históricos, razones y causas que el gobierno usurpador y las llamadas Cortes de 1834 alegaron en las sesiones de 3 de setiembre, 6, 7 y 8 de octubre del mismo año, para apoyar el pretendido derecho de la infanta doña Isabel a la sucesión en la Corona de España, y excluir de la misma al Sr. D. Carlos V, legítimo sucesor del Sr. D. Fernando VII* [The dynastic question: examination of the laws, opinions, historical facts, reasons and causes that the usurping government and the so-called Courts of 1834 alleged in the sessions of September 3, 6, 7 and 8 of October of the same year, to support the the right of the Infanta Dona Isabel to the succession in the Crown of Spain, and to exclude from it the Mr. D. Carlos V, legitimate successor of Mr. D. Fernando VII], Madrid, La Esperanza, 1869, 189 p. (in Spanish).

Ferrer M., Tejera D., Acedo J.F. *Historia del tradicionalismo español. 30 vols.* [History of Spanish traditionalism, in 30 vols.], Sevilla, Trajano, 1941–1979. (in Spanish).

Galindo Herrero S. *Donoso Cortés* [Donoso Cortes], Madrid, Publicaciones Españolas, 1953, 30 p. (in Spanish).

Gambra R. *El García Morente que yo conocí (Aquella extraordinaria irrupción de la gracia)* [García Morente that I knew (That extraordinary irruption of grace)], *Nuestro tiempo*, 1957, no. 32, pp. 131-173. (in Spanish).

Gambra R. *El maleamiento interno del Carlismo* [The internal malformation of Carlism], *El Pensamiento Navarra*, 1970, 27 de septiembre, p. 1. (in Spanish).

Gambra R. *Eso que llaman estado* [What they name state], Madrid, Montejurra, 1958, 229 p. (in Spanish).

Gambra R. *La monarquía social y representativa en el pensamiento tradicional* [The social and representative monarchy in traditional thought], Madrid, Rialp, 1954, 247 p. (in Spanish).

Gambra R. *La unidad religiosa y el derrotismo católico* [Religious unity and Catholic defeatism], Sevilla, Católica Española, 1965, 149 p. (in Spanish).

Gambra R. *Melchor Ferrer y la «Historia del tradicionalismo español»* [Melchor Ferrer and the «History of Spanish Traditionalism»], Sevilla, Católica Española, 1979, 10 p. (in Spanish).

Gambra R. *Tradición o mimetismo: la encrucijada política del presente* [Tradition or mimicry: the political crossroads of the present], Madrid, Instituto de Estudios políticos, 1976, 322 p. (in Spanish).

Gambra R., Santa Cruz M. de. *¿Quién busca hoy la destrucción del Carlismo?* [Who today seeks the destruction of Carlismo?], *El Boletín Carlista de Madrid*, 2003, no. 70, pp. 1-2. (in Spanish).

García Morente M. *Idea de la Hispanidad* [Idea of Hispanicness], Madrid, Espasa Calpe, 1947, 266 p. (in Spanish).

Hernando de Larramendi L. *Omisiones y desvaríos de Mella. La salud de la Causa* [Omissions and deliriums of Mella. The health of the Cause], Madrid, El Correo Español, 1919, 36 p. (in Spanish).

Lamas F.A. *Los principios internacionales – Desde la perspectiva de lo justo concreto* [International principles – From the perspective of the concrete justice], Buenos Aires, Instituto de Estudios Filosóficos Santo Tomás de Aquino, 1989, 142 p. (in Spanish).

Lavardin J. *El último pretendiente* [The last pretender], París, Ruedo Ibérico, 1976, 295 p. (in Spanish).

McNair Wilson R. *La monarquía contra la fuerza del dinero* [The monarchy against the force of money], Burgos, Cultura española, 1937, 360 p. (in Spanish).

Menéndez Pelayo M. *Historia de los heterodoxos españoles. Libro VIII, capítulo I, 1* [History of the heterodox Spaniards. Book VIII, chapter I, 1], 1880–1882, available at: http://www.iglesiareformada.com/Menendez_8_1_Historia_Heterodoxos_espanoles.html (accessed June 04, 2019). (in Spanish).

Montejano B. *Curso de derecho natural* [Natural law course], Buenos Aires, LexisNexis, 2005, 360 p. (in Spanish).

Mundet J.M. *Vicenç Pou, ¿un antecedent de Balmes? La política religiosa dels moderats vista per un carlí (1845)* [Vicencç Pou, an antecedent of Balmes? The religious policy of the moderates seen by a Carlist (1845)], *Analecta Sacra Tarraconense: Anuari de la Biblioteca Balmes*, 2002, vol. 75, pp. 341-380. (in Catalan).

Negro D. *Gobierno y Estado* [Government and State], Madrid, Marcial Pons, 2002, 91 p. (in Spanish).

Negro D. *Sobre el Estado en España* [About the State in Spain], Madrid, Marcial Pons, 2007, 119 p. (in Spanish).

Orella Martínez J.L. *Víctor Pradera. Un católico en la vida pública de principios de siglo* [Víctor Pradera. A Catholic in public life at the beginning of the century], Madrid, Biblioteca de Autores Cristianos, 2000, 236 p. (in Spanish).

Pabón J. *La otra legitimidad* [The other legitimacy], Madrid, Prensa Española, 1965, 280 p. (in Spanish).

Polo F. *¿Quién es el Rey? La actual sucesión dinástica en la monarquía española* [Who is the King? The current dynastic succession in the Spanish monarchy], Madrid, Tradicionalista, 1949, 214 p. (in Spanish).

Pradera V. *Obras completas. T. 1* [Complete works. Vol. 1], Madrid, Instituto de Estudios Políticos, 1945, 740 p. (in Spanish).

Puy Muñoz F. *Derecho y tradición en el modelo foral hispánico* [Law and tradition in the Hispanic model], *Verbo*, 1974, no. 128-129, pp. 1013-1030. (in Spanish).

Santa Cruz M. de. *Menos disquisiciones sobre la confesionalidad católica* [Less disquisitions on Catholic confessionals], *Siempre P' delante*, 2003, no. 468, p. 3. (in Spanish).

Schmitt C. *La unidad del mundo* [The unity of the world], Madrid, Ateneo, 1951, 37 p. (in Spanish).

Schmitt C., d'Ors A. *Briefwechsel / hrsg. von Montserrat Herrero* [Correspondence, Ed. by Montserrat Herrero], Berlin, Duncker und Humblot, 2004, 352 p. (in German).

Suárez Verdeguer F. *Evolución política de Donoso Cortés: Discurso inaugural leído en la solemne apertura del curso académico de 1949 a 1950* [Political evolution of Donoso Cortés: Inaugural speech read at the solemn opening of the academic year of 1949 to 1950], Santiago de Compostela, Universidad de Santiago de Compostela, 1949, 106 p. (in Spanish).

Suárez Verdeguer F. *Las tendencias políticas durante la guerra de la Independencia* [Political trends during the War of Independence], Zaragoza, Institución «Fernando el Católico», 1959, 14 p. (in Spanish).

Suárez Verdeguer F. *Vida y obra de Donoso Cortés* [Life and work of Donoso Cortés], Pamplona, Eunote, 1997, 1088 p. (in Spanish).

Truyol y Serra A. *La monarquía hispánica de la Casa de Austria como forma de Estado* [The Hispanic monarchy of the House of Austria as a form of State], *Völkerrecht als Rechtsordnung, Internationale Gerichtsbarkeit, Menschenrechte, Festschrift für Hermann Mosler*, Berlin, Heidelberg, New York, Springer, 1983, pp. 981-996. (in Spanish).

Vallet de Goytisolo J. *Tres ensayos: Cuerpos intermedios, Representación política, Principio de subsidiariedad* [Three essays: Intermediate bodies, Political representation, Subsidiarity principle], Madrid, Speiro, 1981, 154 p. (in Spanish).

Vegas Latapie E. *El suicidio de la Monarquía y la Segunda República: Memorias políticas* [The suicide of the Monarchy and the Second Republic: Political memories], Madrid, Planeta, 1983, 327 p. (in Spanish).

Vegas Latapie E. *Origen y fundamento del poder* [Origin and foundation of power], *Verbo*, 1970, no. 85-86, pp. 405-417. (in Spanish).

Василенко Ю.В. «Манифест персов», или Верноподданные между традиционализмом и реформизмом. DOI 10.24411/2686-7206-2019-10004 // Антиномии. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 84–98.

УДК 329.11:329.3

DOI 10.24411/2686-7206-2019-10004

«МАНИФЕСТ ПЕРСОВ», ИЛИ ВЕРНОПОДДАННЫЕ МЕЖДУ ТРАДИЦИОНАЛИЗМОМ И РЕФОРМИЗМОМ

Юрий Владимирович Василенко

кандидат философских наук,
доцент кафедры гуманитарных дисциплин
Национально-исследовательского университета
«Высшая школа экономики» – Пермь
г. Пермь, Россия
E-mail: yuvasil@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-7865-6497
ResearcherID: M-5692-2015
SPIN-код: 3073-3627
AuthorID: 223012

*Статья поступила 27.05.2019, принята к печати 14.07.2019,
доступна online 07.10.2019*

В начале XIX в. переход от Старого порядка к Новому как либерально-буржуазному в Испании впервые начал осуществляться на Кадисских кортесах двумя политическими силами: революционно настроенными либералами и умеренными либералами (будущими «модератос»). Завершение в 1814 г. Войны за независимость и возвращение короля-традиционалиста Фернандо¹ VII создают в стране «точку бифуркации» – ситуацию, от разрешения которой зависело дальнейшее развитие Испании на среднесрочную перспективу: либо продолжение реформ, либо реставрация Старого порядка. При этом реформистский импульс Кадисских кортесов оказался настолько силен, что даже представители изначально традиционалистской «сервильной партии» формулируют так называемый «Манифест персов», в котором наряду с выражением верноподданнических чувств к королю предусмотрен ряд умеренных политико-институциональных реформ. Несмотря на сокрушительный провал данного проекта и неоднозначность оценок (в то время как левые историки всегда видели в нем лишь проявление антиреволюционной реакции, историки-традиционалисты, начиная уже с середины XIX в. подчеркивают его прореформистские интенции), испанская историография по преимуществу оценивает «Манифест» как эпохальный и в целом конструктивный.

Ключевые слова: «Манифест персов», «сервильная партия», традиционализм, реформизм, Испания XIX в.

¹ В отечественной историографии также используется германизированная версия этого испанского имени – Фердинанд.

В странах Западной Европы процесс перехода от Старого порядка к Новому как либерально-буржуазному имел различную динамику. Не в последнюю очередь эта динамика определялась качеством наличной политической элиты, ее готовностью или неготовностью идти на радикальные либо умеренные социально-политические преобразования. Своеобразная историческая ирония заключается в том, что иногда перипетии политической борьбы приводили к тотальному поражению реформаторов, вследствие чего основное бремя реформаторской деятельности ложилось на плечи либо случайно выживших умеренных реформистов, либо принципиальных противников реформ (вплоть до радикальных традиционалистов, склонных к прямому политическому насилию). Как правило, подобные сюжеты считаются исключениями и анализируются в лучшем случае как второстепенные; между тем именно они способны обогатить понимание феномена консервативного антиреформизма как содержательно, так и методологически, осветив, возможно с неожиданного ракурса, в числе прочего и одну из главных загадок в истории консерватизма вообще: почему консерваторы на протяжении последних двухсот пятидесяти лет сдают одну позицию за другой и вынуждены включать в свой ценностный багаж то, что еще пару поколений назад считали для себя совершенно невыносимым.

Как представляется, изначально противоречивое сочетание антиреформистских убеждений с реформистской практикой в умах и делах конкретных политических субъектов может возникнуть лишь в критических обстоятельствах, когда общество находится в «точке бифуркации» и реально выбирает дальнейший вектор исторического развития. В идеале должен наблюдаться и критический разрыв между традицией и инновацией в ситуации, когда первая совершенно нерушима, а вторая – совершенно насущна. Понятно, что подобные кейсы необходимо искать где-то на периферии, во втором или третьем эшелонах развития, отличающихся от «передовиков» очевидной многоукладностью во всех сферах общественной жизни. Испания в 1814 г. – ярчайший тому пример, когда страна с равной степенью вероятности могла пойти в двух различных направлениях: либо по пути дальнейшего реформирования своей политической системы в сторону современной либеральной демократии, либо по пути полной реставрации Старого порядка. Рассмотрим данный кейс как безусловно типический для стран периферийной Европы, в которых идея либерально-буржуазного прогресса традиционно наталкивалась на серьезное сопротивление со стороны правящей элиты (для России, в частности). Тот факт, что в отечественной историографии он практически неизвестен, только добавляет ему актуальности, поскольку мы вводим в оборот новые источники, а также раскрываем содержание доселе незнакомой историографической традиции. Понятно, что в самой Испании историография традиционализма и в целом антиреформизма является широчайшей; мы возьмем лишь наиболее ярких ее представителей, определивших ключевые тенденции в интерпретации главного предмета нашего исследования – «Манифеста персов», в котором воплотились все противоречия традиционалистского мышления, обратившегося к реформаторской деятельности.

Так, весной 1814 г. в Испании завершился очередной политический цикл (из страны были изгнаны французские оккупанты, из плена вернулся Фернандо VII, политическая власть вновь оказалась в руках патриотически настроенных испанских католиков); соответственно, и проблема перспектив и направлений дальнейшего развития страны обострилась во всей полноте. Ответом на этот запрос времени озаботились сразу несколько политических групп и общественных деятелей, исповедовавших довольно различные по своему идеологическому содержанию идеи, в числе которых будущий лидер испанских либеральных консерваторов Ф. Мартинес де ла Роса (см. об этом: Pérez de la Blanca Sales 2005: 72-74) и такой провозвестник карлизма, как капуцин Р. де Велес (Vélez 1825). При этом Фернандо VII, наделенный юридически безграничными политическими полномочиями, являлся единственным политическим актором, который имел реальную возможность сделать исторический выбор и определить тем самым судьбу Испании как минимум на среднесрочную перспективу. Но мог ли этот король-традиционалист с весьма ограниченным на тот момент политическим мышлением выбрать логику развития, предложенную нетрадиционалистами, – вопрос риторический. В непосредственном плане выбор Фернандо VII в пользу традиционалистов обуславливался тем, что на всем протяжении Кадисских кортесов (1810–1813) они, объединившись в так называемую «сервильную партию», выступали в защиту *традиции* (католического *алтаря* и абсолютистского *трона*), в то время как «инновадорес» (революционно настроенные либерально-буржуазные реформисты) постоянно твердили о всевозможных *инновациях* (об отделении Церкви от государства, начав отбирать у нее землю и другую собственность и преобразуя абсолютную монархию в конституционную, в частности). Интрига и, соответственно, «точка бифуркации» возникают тогда, когда 12 апреля 1814 г. представители традиционалистской (изначально антиреформистской) «сервильной партии» предложили свой реформистский проект, зафиксированный в «Манифесте персов».

Исторически «Манифест персов» закрывает эпоху Войны за независимость и созданных вследствие ее Кадисских кортесов; его полное название – «Представление и Манифест, которые ряд депутатов очередных кортесов подписали в условиях жесточайшего преследования в Мадриде для того, чтобы Его Величество Фернандо VII при въезде в Испанию, возвращаясь из своего заточения, проникся положением нации, желанием ее провинций и мерами, которые они посчитали необходимыми» (Representación y Manifiesto... 1814)¹. «Манифестом персов» документ был назван благодаря исторической аллегории, которую использовали его авторы в начале текста, выражая верноподданнический характер своих интенций. Под «Манифестом» вслед за малоизвестным депутатом от Севильи адвокатом Б. Мосо де Росалесом, маркизом де Матафлорида, которого иногда считают главным и даже единственным его автором (см.: Fernández de la Cigoña 1976: 191-197;

¹ Здесь и далее перевод с испанского автора.

Ferrer, Tejera, Acedo 1941: 239; Suárez Verdeguer 1988: 93), поставили подписи еще 69 представителей «сервильной партии».

Концептуализируем содержание «Манифеста персов», выделив в нем две линии: антиреформистскую и прореформистскую.

Как традиционалисты-антиреформисты авторы «Манифеста», объясняя свое участие в либерально-буржуазных реформах тем, что на Кадисских кортесах «сервильная партия» находилась в явном меньшинстве и в силу этого никак не могла воспрепятствовать реформистам, легко отрекаются от всех парламентских декретов, принятых ими «за шесть лет революции» вопреки «чувствам и желаниям их провинций» (*Representación y Manifiesto... 1814: 5*). Они выражают глубокую скорбь по поводу пленения короля; это, по их мнению, стало главной причиной всех несчастий, воплощением которых явились новые политические институты, возникшие в Испании в отсутствие законного суверена. И пока патриоты «спасали свою религию, своего короля и свою Родину», местные хунты оказались возглавленными людьми, «которые ни в коем случае не пользовались поддержкой народа»; их правление было всем ненавистно (*Representación y Manifiesto... 1814: 6*). Наивысшим носителем зла была объявлена Верховная центральная хунта (сентябрь 1808 г. – январь 1810 г.), которая не только объединила в институциональном смысле все провинциальные хунты, незаконно присвоившие себе власть на местах, но и сотрудничала с французскими оккупантами (притом что многие члены ВЦХ, например, Г.М. де Ховельянос, стояли на патриотических позициях); но самое главное – она предложила создать будущие кортесы с тем, чтобы придать своим либеральным инновациям форму закона (*Representación y Manifiesto... 1814: 7-8*).

Подробно описав все дискуссии о принципах формирования кортесов, авторы «Манифеста» переходят к критике либеральной демократии. «Мы бы хотели, – пишут они, – заронить в сердца всех, как это чувствуем мы, убеждение в том, что демократия основывается на нестабильности и непостоянстве; и уже из самой ее структуры вытекают все последующие опасности» (*Representación y Manifiesto... 1814: 12*). Приверженность авторов к «стабильности» и «постоянству» выдает их ностальгию по временам Старого порядка. Главное противоречие либеральной демократии, считают они, заключается в том, что аристократия и народ, которые должны на равных входить в демократическое правительство, никогда не смогут найти общего языка, поскольку аристократия изначально всегда стремится к неравенству, а народ – к равенству. «...Они являются металлами со столь различной закалкой, что их претензии и интересы объединяются с трудом» (*Representación y Manifiesto... 1814: 12*). Выбирая между двумя «металлами», авторы встают на защиту интересов традиционалистски мыслящей аристократии, поскольку народ ассоциируется у них с либеральными революционерами. Исходя из того, что одной из целей правления вообще является социальный мир, авторы категорично утверждают: при демократии он почти недостижим, и пример Древнего Рима здесь весьма показателен. Основываясь на актуальном для них опыте парламентской деятельности, они говорят, что согласия

при столь огромном разнообразии мнений достигнуть невозможно, а «мудрые люди», которые могли бы направить национальное правительство и местные хунты в нужном направлении, в условиях «равенства власти» свое значение утрачивают (Representación y Manifiesto... 1814: 13). Так, в условиях войны многие вещи важно сохранять в секрете; те, кто о них знает, по определению нарушают принципы равенства. Кроме того, из общей массы перестают выделяться выдающиеся личности, украшающие собой общество; их равенство с остальными приводит к тому, что люди не стремятся совершать «великие подвиги». Следовательно, в условиях войны даже самое демократическое правительство должно напоминать монархию, поскольку вся армия подчиняется одному полководцу; любое нарушение этого принципа приводит «к потере целых провинций» (Representación y Manifiesto... 1814: 14). «Испания, убедившись во всех этих несообразностях, с самого начала презрела ту систему управления, в которую она вовлечена сегодня благодаря кадисским решениям» (Representación y Manifiesto... 1814: 14). Другое дело – испанские «древние» кортесы XIII–XIV вв., «прекрасные памятники верности и любви испанцев к своим монархам, памятники нашей подлинной и разумной независимости и свободы» (Representación y Manifiesto... 1814: 15). Отсюда и суждение выдающегося либерального историка второй половины XX в. М. Артолы Гальего: «Доктрина “Манифеста” соответствует классической формуле, которую выработал Фома Аквинский и обновили неосхоластики XVI в.» (Artola 1975: 206).

В целом же критика Кадисских кортесов развивалась по следующим четырем линиям:

1. Прежде всего, это проблема неадекватности политического представительства: поскольку осажденный Кадис был почти полностью (относительно стабильными оставались лишь морские коммуникации) оторван от оккупированных французами испанских провинций, то под сомнением оказались полномочия некоторых (их число не уточняется) депутатов. При этом ряд депутатов, представлявших испанские колонии в Америке, выбирались вообще без всяких правил и иногда лишь теми жителями колоний, которые по торговым делам находились на тот момент в Кадисе. В итоге «кортесы, созываемые королем, которые в древности включали ограниченное число поселений (чьи представители имели широкий круг полномочий), теперь состояли из почти двухсот человек, которые являли собой народный конфуз» (Representación y Manifiesto... 1814: 18-19).

2. Принципиальные разногласия между либералами и традиционалистами прослеживаются и по вопросу о власти, или о суверенитете нации и короля. Так, либералы, объявившие себя законными представителями всей испанской нации, присвоили себе все необходимые властные полномочия уже в первом декрете кортесов, объяснив это объективной неспособностью короля реализовать свое право на власть. Традиционалисты, неизменно защищавшие суверенитет Фернандо VII, восприняли действия либералов как дерзкую попытку лишить короля власти вообще (см.: Representación y Manifiesto... 1814: 19-20).

3. Авторы «Манифеста» ставят перед Фернандо VII проблему политических прав «заморских вассалов», которые на кортесах были уравнены с правами жителей метрополии. В этом традиционалисты увидели открытое подстрекательство жителей колоний к мятежу, прямо ведущему к обретению ими собственного суверенитета (*Representación y Manifiesto...* 1814: 18-19) и, соответственно, независимости. Впрочем, в «Манифесте» слово «независимость» не было использовано ни разу, поскольку на тот момент подобного исхода не допускал для себя никто; до завершения первого цикла национально-освободительного движения в Латинской Америке (1825) оставалось еще целых одиннадцать лет.

4. Авторы «Манифеста» предельно негативно оценили результаты введенной кортесами свободы печати, в чем проявилась их склонность к «про-тоавторитаризму». Либералы, полагавшие себя апологетами этой свободы, видели в ней «отмену субординации» и отказ от политического преследования «добрых вассалов» (см.: *Representación y Manifiesto...* 1814: 20-21); традиционалисты посчитали, что истинной целью свободы слова является «распространение на каждом шагу бунтарских и революционных бумаг, написание бесстыдных сочинений против самых почитаемых таинств нашего религиозного откровения, высмеивание его для утверждения максим, столь часто осуждавшихся Церковью, и разрыв между авторитетными суждениями наследника святого Павла и языком, чего никогда не могла потерпеть испанская нация, пока ее обычаи не были разрушены подобными инновациями» (*Representación y Manifiesto...* 1814: 21). При этом отдельно оговаривались угрозы, связанные с распространением свободы печати в Латинской Америке (*Representación y Manifiesto...* 1814: 21). Постатейного анализа удостоилась и Конституция 1812 г., создатели которой «слепо подражали (законодателям. – Ю.В.) французской революции» (*Representación y Manifiesto...* 1814: 43). «Гордыня этой ложной философии, – повторяют авторы «Манифеста» своих идеологических предшественников-традиционалистов конца XVIII–начала XIX вв., – получившей триумф за границей, распространялась и на то, чтобы похоронить нашу героическую нацию, погрузив в сумерки даже имя нашего обожаемого Фернандо» (*Representación y Manifiesto...* 1814: 48).

Осудив Кадисские кортесы, авторы «Манифеста» осмеливаются напомнить «обожаемому» Фернандо VII, что созыв кортесов – это еще и древняя испанская традиция, для чего совершают экскурс в историю вплоть до XIII в. При этом главный упор делается не на народном представительстве, что могло бы подчеркнуть примитивно-демократический характер средневековых сословно-представительных органов, а на инициативе короля при их созыве, из чего после 1522 г. выводилась уже и абсолютная власть испанских монархов XVI–XVIII вв., которые «пользовались всеми прерогативами суверенитета и объединяли в себе исполнительную власть и законодательный приоритет» (*Representación y Manifiesto...* 1814: 54). Кортесы же превращались в исключительно совещательный орган. Апологетика абсолютной монархии выражается прямо: «Абсолютная монархия... является результатом работы разума и интеллигентности; она

подчинена Божественному закону, справедливости и фундаментальным правилам государства: она была установлена по праву завоевания или через добровольное подчинение первых людей, которые избрали своего короля» (*Representación y Manifiesto...* 1814: 66). «Самые мудрые политики, – уверены авторы, – предпочитали абсолютную монархию любым другим формам правления» (*Representación y Manifiesto...* 1814: 67). Из той же философии права ведут свое происхождение и средневековые *фуэросы* различных провинций (*Representación y Manifiesto...* 1814: 72).

Вместе с тем, уже как реформисты, авторы «Манифеста персов», апеллируя к средневековым кортесам, берут на себя смелость предложить Фернандо VII ряд «реформ», направленных на постреволюционное упорядочивание политической системы и на усиление абсолютной власти короля. Так, первоначально Фернандо VII предложили самому возглавить правительство. Полагая, что эта мера «сделает правительство более солидной системой, которая спасет Испанию» (*Representación y Manifiesto...* 1814: 71), авторы не осознавали, что в перспективе эта система ведет к «протоавторитаризму». Далее, «во имя лучшего порядка в Испании» они просили созвать новые кортесы, благодаря чему либерально-буржуазная демократия получала, казалось бы, в Испании новый шанс; впрочем, ее тут же и ограничивали, поскольку избирательная система выстраивалась исключительно в соответствии с древними – средневековыми – традициями, а цель новых кортесов была и вовсе реакционная: отменить все решения Кадисских кортесов, и в первую очередь либерально-буржуазную Конституцию 1812 г., поскольку формально она действительно «не была апробирована ни Его Высочеством, ни провинциями» (*Representación y Manifiesto...* 1814: 74).

В конечном итоге Фернандо VII внял просьбам авторов «Манифеста» и декретом от 4 мая 1814 г. аннулировал все решения Кадисских кортесов, включая Конституцию 1812 г., не созывая больше никаких кортесов вообще. «Точка бифуркации» разрешилась в пользу абсолютистской реакции и реставрации Старого порядка.

Таким образом, «Манифест персов» содержит и прореформистские, и антиреформистские положения, откуда и возникает проблема (и теоретическая, и впоследствии историографическая), вокруг которой выстраиваются все значимые интерпретации «Манифеста»: сторонниками какой формы монархического правления в действительности являлись его авторы? Сословно-представительной, за которой скрывался слабый намек на конституционную (и тогда они пусть и умеренные, но реформисты), или абсолютной (тогда они однозначно антиреформисты)? Понятно, что более всего данный вопрос волновал традиционалистов, которых на протяжении XIX–XX вв. постоянно обвиняли в (той или иной степени) реакционности и склонности к установлению различных диктаторских режимов. В целом же данный вопрос оказался настолько сложен, что, по словам карлиста В. Марреро Суареса (вторая половина XX в.), «Манифест» «долго и почти всегда интерпретировался плохо» (Marrero 1955: XXXI). Что примечательно, чистых сторонников абсолютистской интер-

претации в испанской историографии практически не существует, кроме творцов сугубо идеологического и в этом смысле внеисторического «либерального мифа» (Fernández de la Cigoña 1976: 198), который сложился в рамках левой традиции XIX – начала XX в. К их числу относятся прежде всего М. Лафуенте-и-Самальоа и Э. Чао Фернандес (см.: Pasamar Alzuria, Peiró Martín 2002: 346-347, 186-187). Придерживаясь данной традиции, социал-демократ Х. Эрреро Саура предлагает уже более умеренный вариант, притом что для него авторы «Манифеста» в любом случае унаследовали «общий язык антипросветительского и антиреформистского мышления» (Herrero 1973: 339).

В целом прореформистская (ее также можно назвать и умеренно-реформистской или умеренно-традиционалистской) трактовка содержания «Манифеста» оказывается в историографии вопроса господствующей. Проанализируем более подробно аргументы и выводы наиболее выдающихся интерпретаторов, олицетворяющих собой определенную эпоху в развитии испанского традиционализма, относительно того, кем были авторы «Манифеста персов» в конечном счете – антиреформистами или реформистами?

Основоположником прореформистской интерпретации можно назвать традиционалиста середины XIX в. Х.Л. Бальмеса-и-Урпию, который в статье 1846 г. «Экспозиция “персов”», провел почти прямые параллели между авторами «Манифеста» и либерально-консервативным крылом партии «модерадос», возглавляемой генералом Р.М. Нарваэсом-и-Кампосом, указав на их единство в таких вопросах, как «значение древних Кортесов», «свободы печати», «пакт между нацией и королем», «независимость депутатов», «чистые конституционные» доктрины, права «судебной администрации» и отношение к абсолютизму (Balmes 1926: 61-79).

Для традиционалиста второй половины XIX – начала XX в. М. Менендеса-и-Пелайо «никогда не представлялось более благоприятного случая (чем в 1814 г. – Ю.В.) для консолидации в Испании отличной или, по крайней мере, сносной политической системы, в рамках которой дискретно бы восстанавливались отечественные древние законы, привилегии и свободы, исправлялось бы все, что необходимо реформировать, учитывая позитивный опыт других наций, и это не отрицали бы даже те, кто сомневается в том, что никогда больше Церковь, трон и народ не были так едины, как в 1814 году» (Menéndez y Pelayo). Однако прореформистские интенции авторов «Манифеста» натолкнулись на «извращенную натуру Фернандо VII, лживого, мстительного и плохо распоряжающегося своей властью, которую, используя самые низкие средства, он желал сохранить неприкосновенной, и с помощью тривиального макиавеллизма сознательно противопоставить одних своих подданных другим, заставляя их постоянно колебаться между надеждой и страхом» (Menéndez y Pelayo).

Историки-карлисты первой половины XX в. М. Феррер Дальмау, Д. Техера де Кесада и Х.Ф. Аседо Кастилья продолжают ту же линию: «Значимо, что документ содержал реформистские тенденции, пусть и очень умеренные» (Ferrer, Tejera, Acedo 1941: 239); по их мнению, политико-институциональный

идеал авторов «Манифеста» – «традиционная умеренная монархия» (Ferrer, Tejera, Acedo 1941: 268).

Современную прореформистскую интерпретацию «Манифеста» формулируют в середине XX в. наваррские традиционалисты из «Opus Dei» – выдающийся историк Ф. Суарес Вердегер и его ученица М.К. Дис-Лоис.

Суарес Вердегер резко выступает против того, чтобы называть авторов «Манифеста» абсолютистами, поскольку «они заявили себя сторонниками реформ, которые не принял бы ни один Бурбон XVIII в.» (Suárez Verdeguer 1988: 98). При этом их принципиальное идейно-ценностное отличие от кадисских либералов и их философско-мировоззренческого патрона Ж.-Ж. Руссо заключалось в том, что «они брали в расчет не человека, а испанца» (Suárez Verdeguer 1988: 99); «отсюда и реформы авторов манифеста обладали исключительно испанским характером» (Suárez Verdeguer 1988: 100). Не будучи либералами, изначально нацеленными на прямое заимствование прогрессивной иностранной политической системы, авторы не стали копировать конституцию, написанную французскими революционерами, а создали нечто равное по своим масштабам Кадисской конституции, сделав упор на «политическую конституцию, которую кастильские короли выработали вместе с древними кортесами» (Suárez Verdeguer 1988: 100). Политическая система, существовавшая во времена средневековой сословно-представительной монархии, была, по их мнению, способна избавить Испанию от «министерского деспотизма», исправить дефекты правовой системы, урегулировать налогообложение, создать новую армию, обеспечить национальную безопасность и территориальную целостность страны, урегулировать церковные вопросы (Suárez Verdeguer 1988: 101-102). Их единственная ошибка заключалась в том, что они, не проявив никакой настойчивости в своих законных требованиях, просто доверились слову короля, который их обманул (Suárez Verdeguer 1988: 103).

В 1967 г. Дис-Лоис впервые в испанской историографии посвящает «Манифесту» полноценное исследование (см. об этом: Fernández de la Cigoña 1976: 180-187), не только расширяя тематику и конкретизируя интерпретацию Суареса Вердегера, но и превращая ее из прореформистской в сугубо реформистскую. «По существу позиция Суареса может свестись к следующим пунктам, – пишет она. – Манифест был далек от того, чтобы быть, как утверждалось до сих пор, реакционным и абсолютистским документом... он является документом реформистским» (Diz-Lois 1967: 11). Фундируя свою интерпретацию, Дис-Лоис приводит суждения ряда выдающихся историков, в частности немецкого испаниста Г. Юречке Мейера, который отмечает: «Суарес отражает реальную ситуацию, настаивая на реформистских элементах испанского традиционализма и его конструктивной программе. Они (авторы «Манифеста». – Ю.В.) не были просто реакционерами» (цит. по: Diz-Lois 1967: 12-13). В том же духе, подчеркивает Дис-Лоис, высказываются и такие испанские классики-нетрадиционалисты, как Л. Санчес Ахеста, М. Артола Гальего и Ф. Мурильо Ферроль (Diz-Lois 1967: 13-14). Вместе с тем, оговаривается Дис-Лоис, сетуя на «ошибочную и двусмысленную терминологию», «в отношении содержания («Манифеста». – Ю.В.) в равной степени

можно утверждать, что его роялистский характер¹ также не был подвергнут сомнению» (Diz-Lois 1967: 39). Говоря об источниках «Манифеста», Диз-Лоис указывает работы французского традиционалиста XVII в. Ж.-Б. Боссюэ и трех испанских консерваторов конца XVIII – начала XIX в.: традиционалиста А. Капмани Суриса-и-де Монта Палау и двух провозвестников либерального консерватизма – Ф.Х. Мартинеса Марину и Ховельяноса (Diz-Lois 1967: 137-163).

В том же духе выстраивает свои аргументы и испанский экономист, адвокат и известный католический колумнист-традиционалист Ф.Х. Фернандес де ла Сигонья, сводя политико-институциональную модель «Манифеста» к формуле «либеральной диктатуры» (Fernández de la Cigoña 1976: 214-221). Данную формулу применительно к генералу Нарваэсу еще в 1953 г. использовал испанский историк-франкист А. Ревеш (Révész 1953). Основная же идея авторов «Манифеста», с точки зрения Фернандеса де ла Сигоньи, заключалась в «отказе от гнетущей либеральной ситуации и программе умеренной монархии посредством социального представительства» (Fernández de la Cigoña 1976: 235).

Таким образом, прореформистский характер выраженной в «Манифесте персов» традиционалистской доктрины проявился не столько в идее созыва кортесов с целью осуществления последующих реформ, сколько в том, что на практике его авторы предпочли апеллировать к королю как традиционному носителю властного суверенитета, а не взялись за оружие для свержения либеральной партии и Нового порядка в целом, на что были готовы некоторые радикальные традиционалисты, уже на Кадисских кортесах предлагавшие реставрировать инквизицию, а после смерти Фернандо VII и карлисты. Имея весьма мягкую программу реформирования средневековой политической системы, поднятую уже современными традиционалистами, включенными в политические структуры Нового порядка, «на щит», авторы «Манифеста» закономерно были вынуждены признать и необходимость политических репрессий, проведенных Фернандо VII не только против их главных оппонентов на Кадисских кортесах (революционно настроенных либералов), но и в отношении тактических союзников из лагеря умеренных либералов (будущих либеральных консерваторов из партии «модератос»). Исторический парадокс заключался в том, что в 1816 г. королем была распущена за ненадобностью и сама «сервильная партия», вследствие чего главный автор «Манифеста» Мосо де Росалес, пережив ряд разочарований в Фернандо VII то ли как в потенциальном реформисте, то ли как в радикальном антиреформисте, закончил свои дни в 1832 г. во французской ссылке в рядах той политической группы, представители которой в дальнейшем присоединились к наиболее радикальной части карлистов, породив тем самым новый виток дискуссий – уже о прореформистском

¹ Современный американский филолог и историк А. Вильгельмсен из университета Далласа корректирует интерпретацию наваррских традиционалистов, утверждая синонимичность понятий «роялисты» и «реновадорес» (Wilhelmsen 1979: 142), то есть как умеренных реформистов, которых в идеологическом плане также можно назвать и потенциальными либеральными консерваторами.

характере идеологической доктрины карлизма. Так или иначе, «точка бифуркации» разрешилась для него в неблагоприятном направлении.

Дело в том, что в 1826 г. радикальные традиционалисты, готовящиеся передать власть младшему брату Фернандо VII (будущему дону Карлосу), написали еще один политический манифест («Манифест, который направляет испанскому народу Федерация чистых роялистов о положении нации и о необходимости возвести на трон безмятежнейшего сеньора инфанта дона Карлоса» (Manifiesto...)). В этом манифесте они напомнили Фернандо VII о «Манифесте персов» и о не выполненных им обещаниях реформ, верифицируя тем самым все представленные выше прореформистские интерпретации (от Бальмеса до Фернандеса де ла Сигоньи): главное, о чем просили тогда члены «сервильной партии», – созыв «древних кортесов» (Manifiesto...). Это позволило бы избежать многих ошибок, приведших к «либеральному трехлетию» 1820–1823 гг. и к тому, что Испания оказалась в «самой жалкой ситуации: при отсутствии ресурсов из-за всеобщего беспорядка в публичной администрации; без кредитов; без моральной силы и, в конце концов, в самом совершенном организационном хаосе и анархии» (Manifiesto...). Возмущению «Федерации чистых роялистов» не было предела: «Подобная аморальность и низость не может быть присуща ни одному человеку; однако необходимо заявить: Фернандо Седьмой – не человек, он жестокий монстр, он самый подлый из всех человеческих существ; он трус... он самое большое несчастье нашей несчастной родины!» (Manifiesto...). Спасение они видели лишь в одном – «объединиться вокруг Трона и Церкви». «Наш план, – пишут они, – есть не что иное, как спасение религии, Церкви, Трона и государства» (Manifiesto...). Для этого должен будет «отречься от трона тупой и преступный Фернандо Бурбон» (Manifiesto...). Пообещав «победить или умереть за Святое дело», они передают суверенитет в руки Его Высочества сеньора дона Карлоса V: «...потому что добродетели этого выдающегося принца, его известный всем характер и великодушие, его огромная приверженность к клиру и Церкви – это гарантии того, что Испания под его мягким владычеством и отцовским покровительством превратится в царство милосердия, процветания и успеха» (Manifiesto...). Излишне говорить, что ни дон Карлос, ни его потомки, унаследовавшие лидерство в карлистском движении, надежд, возлагаемых на них, скажем так, «сервильными реформистами», не оправдали.

Определенный историко-политический урок, преподанный авторами «Манифеста персов» и их прямыми последователями из «Федерации чистых роялистов» – и не только испанской политической элите, занятой построением в своей стране современной либеральной демократии, – заключался в том, что невозможно до бесконечности быть одновременно и носителем сервильной – совершенно верноподданнической – ментальности, заставляющей слепо следовать в фарватере наделенного безграничными полномочиями политического лидера, и реформистом, вольно или невольно стремящимся в исторической перспективе к ограничению этих полномочий. Рано или поздно история потребует сделать окончательный выбор; тем более что в 1820–1823 гг. Фернандо VII, сдавшись под напором

восставших с оружием в руках либералов, сам был вынужден совершить неожиданный для себя маневр и сделать вид, что сознательно и с огромным желанием идет по пути либерально-буржуазных реформ (что, впрочем, совсем не помешало ему спустя три года потопить революционное движение к крови руками французских интервентов). Это в итоге и становится одной из причин, почему, как мы увидели из дискуссий вокруг доктринального содержания «Манифеста», история по праву оценила именно прореформистскую интенцию его авторов, предав фактически забвению реакционную часть предложенной ими политической программы, тактично скрыв принципиальное для понимания данного феномена обстоятельство: ситуация была доведена до такой крайности, что даже верноподданные противники реформ выступили против короля-антиреформиста, внося тем самым существенный вклад в развитие изначально противоречивого понятия традиционалистского реформизма. И лишь по прошествии нескольких десятилетий немногие оставшиеся в живых авторы «Манифеста» поняли, что последовательный традиционалистский реформист перестает быть традиционалистом. Помимо всего прочего, данный – периферийный – кейс позволяет выявить еще один источник зарождающегося в европейских странах, в том числе и в России, консерватизма: получается, что консерваторы – это не только противники либерально-буржуазной модернизации, но и традиционалисты, становящиеся в определенных обстоятельствах ее сторонниками.

В перспективе прореформистская составляющая традиционалистской доктрины будет использована уже либеральными консерваторами (например, в конце XIX в. – А. Кановасом дель Кастильо и в начале XX в. – А. Маурой-и-Монтанером) для укрепления в Испании конституционной монархии, но не революционными средствами, как это делали на всем протяжении XIX в. либералы, а эволюционными, посредством того, что в дальнейшем будет обозначено такими же противоречивыми понятиями, как «революция сверху» и «консервативная революция».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Artola M. 1975. Partidos y programas políticos (1808–1936). T. 2 : Manifiestos y programas políticos. Madrid : Aguilar. 531 p.
- Balmes J. 1926. La exposición de los «Persas» // Balmes J. Escritos políticos. Barcelona : Biblioteca Balmes. T. 9: El matrimonio real desenlace (mayo-septiembre de 1846). P. 61-79.
- Diz-Lois M.C. 1967. El Manifiesto de 1814. Pamplona : Ediciones de la Universidad de Navarra. 285 p.
- Fernández de la Cigona F.J. 1976. El pensamiento contrarrevolucionario español: El Manifiesto de los «Persas» // Verbo. № 141-142. P. 179-258.
- Ferrer M., Tejera D., Acedo J.F. 1941. Historia del Tradicionalismo Español. T. 1. El pensamiento español desde los tiempos de San Isidoro hasta la sublevación masónica de 1820. Sevilla : Trajano. 324 p.
- Herrero J. 1973. Los orígenes del pensamiento reaccionario español. Madrid : Cuadernos para el Dialogo. 411 p.

Manifiesto que dirige al pueblo español una Federación de realistas puros, sobre el Estado de la nación y sobre la necesidad de elevar al trono al serenísimo Señor Infante Don Carlos. URL: <http://www.uv.es/ivorra/Historia/SXIX/Realistas.html> (дата обращения: 25.05.2019).

Marrero V. 1955. Prólogo // El tradicionalismo español del siglo XIX. Madrid : Espasa Calpe. P. I-XXXI.

Menéndez y Pelayo M. Historia de los heterodoxos españoles. Libro 7. Cap. 3: La heterodoxia durante el reinado de Fernando VII. I. Trabajos de las sociedades secretas desde 1814 a 1820. URL: http://www.cervantesvirtual.com/obra-visor/historia-de-los-heterodoxos-espanoles/html/fee78e52-82b1-11df-acc7-002185ce6064_88.html#I_302_ (дата обращения: 25.05.2019).

Pasamar Alzuria G., Peiró Martín I. 2002. Historiadores españoles contemporáneos (1840–1980). Madrid : Akal. 699 p.

Pérez de la Blanca Sales P. 2005. Martínez de la Rosa y sus tiempos. Barcelona : Ariel. 495 p.

Representación y Manifiesto que algunos diputados a las Cortes ordinarias firmaron en los mayores apuros de su opresión en Madrid para que la Majestad del Sr. D. Fernando el VII a la entrada en España de vuelta de su cautividad, se penetrase del estado de la Nación, del deseo de sus provincias, y del remedio que creían oportuno. 1814. Cadiz : En la oficina de don Nicolas. 84 p.

Révesz A. 1953. Un dictador liberal: Narváez. Biografía. Madrid : Aguilar. 261 p.

Suárez Verdeguer F. 1988. La crisis política del Antiguo régimen en España (1800–1840). Madrid : Rialp. 287 p.

Vélez R. de. 1825. Apología del Altar y del Trono ó Historia de las reformas hechas en España en tiempo de las llamadas Cortes, é impugnación de algunas doctrinas publicadas en la Constitución, diarios y otros escritos contra la religión y el Estado. En 2 vols. Madrid : Imprenta de Repullés.

Wilhelmsen A. 1979. El «Manifiesto de los persas»: una alternativa ante el liberalismo español // Revista de estudios políticos. Nº 12. P. 141-162.

Yuri V. Vasilenko, National Research University «Higher School of Economics»– Perm, Perm, Russia. E-mail: yuvasil@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-7865-6497
ResearcherID: M-5692-2015
SPIN-код: 3073-3627
AuthorID: 223012

Article received 27.05.2019, accepted 14.07.2019, available online 07.10.2019

“MANIFEST OF THE PERSIANS”, OR LOYALISTS BETWEEN TRADITIONALISM AND REFORMISM

Abstract. At the beginning of the 19th century, the transition from the Ancient Order to the New as liberal-bourgeois one in Spain first began to be carried out in the Cadiz Cortes by two political forces: revolutionary-minded liberals and moderate liberals (future “*moderados*”). The end of the War of Independence in 1814 and the return of the traditionalist-minded king Fernando VII created a “bifurcation point” from the resolution of which depended the further development of Spain for the medium term:

either continuation of reforms or restoration of the Ancient Order. At the same time, the reformist impulse of Cadiz Cortes was so strong that even representatives of the initially traditionalist “servile party” formulated the so-called “Manifesto of the Persians”, which along with loyal feelings for the king offer a number of moderate political and institutional reforms. Despite the crushing failure of this project, Spanish historiography assessed the Manifiesto as epochal and generally constructive: while left-wing historians always saw in it only a manifestation of an anti-revolutionary reaction, traditionalist historians, on the contrary, starting from the middle of the 19th century emphasized its pro-reformist intentions.

Keywords: “Manifiesto of the Persians”; “servile party”; traditionalism; reformism; XIXth century Spain.

For citation: Vasilenko Y. “Manifest persov”, ili Vernopoddannye mezhdru tradicionalizmom i reformizmom [“Manifest of the Persians”, o the loyalists between traditionalism and reformism], *Antinomii = Antinomies*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 84-98. DOI 10.24411/2686-7206-2019-10004.

References

Artola M. *Partidos y programas políticos (1808–1936). T. 2: Manifiestos y programas políticos* [Political parties and programs (1808–1936). Vol. 2: The Manifests and political programs], Madrid, Aguilar, 1975, 531 p. (in Spanish).

Balmes J. *La exposición de los «Persas»* [The exposition of the «Persians»], *Balmes J. Escritos políticos*, Barcelona, Biblioteca Balmes, 1926, vol. 9, pp. 61-79. (in Spanish).

Diz-Lois M.C. *El Manifiesto de 1814* [The Manifiesto of 1814], Pamplona, Ediciones de la Universidad de Navarra, 1967, 285 p. (in Spanish).

Fernández de la Cigoña F.J. *El pensamiento contrarrevolucionario español: El Manifiesto de los «Persas»* [Spanish counterrevolutionary thinking: The Manifiesto of the «Persians»], *Verbo*, 1976, no. 141-142, pp. 179-258. (in Spanish).

Ferrer M., Tejera D., Acedo J.F. *Historia del Tradicionalismo Español. T. 1* [History of Spanish Traditionalism, vol. 1], Sevilla, Trajano, 1941, 324 p. (in Spanish).

Herrero J. *Los orígenes del pensamiento reaccionario español* [The origins of Spanish reactionary mind], Madrid, Cuadernos para el Dialogo, 1973, 411 p. (in Spanish).

Manifiesto que dirige al pueblo español una Federación de realistas puros, sobre el Estado de la nación y sobre la necesidad de elevar al trono al serenísimo Señor Infante Don Carlos [Manifiesto that a Federation of pure realists directs to the Spanish people on the State of the nation and on the need to elevate the serenissimo Señor Infante Don Carlos to the throne], available at: <http://www.uv.es/ivorra/Historia/SXIX/Realistas.html> (accessed May 25, 2019). (in Spanish).

Marrero V. *Prólogo* [Foreword], *El tradicionalismo español del siglo XIX*, Madrid, Espasa Calpe, 1955, pp. I-XXXI (in Spanish).

Menéndez y Pelayo M. *Historia de los heterodoxos españoles. Libro Séptimo. Capítulo III: La heterodoxia durante el reinado de Fernando VII. I. Trabajos de las sociedades secretas desde 1814 a 1820* [History of the heterodox Spaniards. Book Seven. Chapter III: The heterodoxy during the reign of Ferdinand VII. I. Works of secret societies from 1814 to 1820], available at: http://www.cervantesvirtual.com/obra-visor/historia-de-los-heterodoxos-espanoles/html/fee78e52-82b1-11df-acc7-002185ce6064_88.html#I_302_ (accessed May 25, 2019). (in Spanish).

Pasamar Alzuria G., *Peiró Martín I. Historiadores españoles contemporáneos (1840–1980)* [Contemporary Spanish historians (1840–1980)]. Madrid, Akal, 2002, 699 p. (in Spanish).

Pérez de la Blanca Sales P. *Martínez de la Rosa y sus tiempos* [Martínez de la Rosa and his times], Barcelona, Ariel, 2005, 495 p. (in Spanish).

Representación y Manifiesto que algunos diputados a las Cortes ordinarias firmaron en los mayores apuros de su opresión en Madrid para que la Majestad del Sr. D. Fernando el VII a la entrada en España de vuelta de su cautividad, se penetrase del estado de la Nación, del deseo de sus provincias, y del remedio que creían oportuno [Representation and Manifesto that some deputies of the ordinary Cortes signed in the greatest straits of their oppression in Madrid in order to His Majesty D. Fernando the VII, entering into Spain back from his captivity, penetrated in the state of the Nation, in the desire of their provinces, and in the remedy they thought appropriate], Madrid, En la oficina de don Nicolas, 1814, 84 p. (in Spanish).

Révesz A. *Un dictador liberal: Narváez. Biografía* [A liberal dictator: Narvaez. Biography], Madrid, Aguilar, 1953, 261 p. (in Spanish).

Suárez Verdeguer F. *La crisis política del Antiguo régimen en España (1800–1840)* [The political crisis of the Ancient order in Spain (1800–1840)], Madrid, Rialp, 1988, 287 p. (in Spanish).

Vélez R. de. *Apología del Altar y del Trono ó Historia de las reformas hechas en España en tiempo de las llamadas Cortes, é impugnación de algunas doctrinas publicadas en la Constitución, diarios y otros escritos contra la religión y el Estado. En 2 vols.* [Apology of the Altar and the Throne or History of the reforms made in Spain at the time of the so-called Cortes, and the challenging of some doctrines published in the Constitution, newspapers and other writings against religion and the State, in 2 vols.], Madrid, Imprenta de Repullés, 1825. (in Spanish).

Wilhelmsen A. *El «Manifiesto de los persas»: una alternativa ante el liberalismo español* [«Manifesto of the Persians»: an alternative to Spanish liberalism], *Revista de estudios políticos*, 1979, no. 12, pp. 141–162. (in Spanish).

ПРАВО LAW

Карасев А.Т., Кожевников О.А., Мещерягина В.А. Цифровизация правоотношений и ее влияние на реализацию отдельных конституционных прав граждан в Российской Федерации. DOI 10.24411/2686-7206-2019-10005 // Антиномии. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 99–119.

УДК 342.72.73

DOI 10.24411/2686-7206-2019-10005

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПРАВООТНОШЕНИЙ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА РЕАЛИЗАЦИЮ ОТДЕЛЬНЫХ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Анатолий Тиханович Карасев

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры конституционного права
Уральского государственного юридического университета,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: a.t.karasev@mail.ru
AuthorID: 506939

Олег Александрович Кожевников

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры конституционного права
Уральского государственного юридического университета,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: Jktu1976@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-1371-7249
SPIN-код: 1494-4895
AuthorID: 346061

Вероника Александровна Мещерягина

кандидат юридических наук,
доцент кафедры публичного права

Уральского государственного экономического университета,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: metsheryagina@yandex.ru
SPIN-код: 5642-0620
AuthorID: 805391

*Статья поступила 16.07.2019, принята к печати 16.09.2019,
доступна online 07.10.2019*

Закономерное появление и широкое использование цифровых технологий неизбежно привели к процессам революционных преобразований в российском обществе, называемых в отдельных научных публикациях цифровой революцией. Цифровизация современных общественных отношений последовательно формирует новую социальную, экономическую, политическую и правовую реальность.

Система законодательства как неизменная внешняя форма (оболочка) права также претерпевает существенные трансформации и изменения, при этом очевидно, что в новых условиях цифровой реальности система права продолжает базироваться на гарантированных Конституцией и международно-правовыми актами универсальных правах человека, признание и защита которых является обязанностью государства и его уполномоченных органов.

Данная статья посвящена рассмотрению отдельных конституционных прав граждан Российской Федерации (право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (ч. 1 ст. 23 Конституции РФ), право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также участвовать в референдуме (ч. 2 ст. 32 Конституции РФ), право на обращение (ст. 33 Конституции РФ), право на образование (ст. 43 Конституции РФ)) как наиболее подверженных процессам цифровизации. В процессе исследования обращается особое внимание на существующие в системе действующего законодательства и правоприменительной практики проблемы ограничения конституционных прав граждан в телекоммуникационной сети Интернет¹. Авторами предлагаются отдельные перспективные направления совершенствования нормативно-правового регулирования цифровизации конституционных прав граждан Российской Федерации.

Ключевые слова: цифровизация, конституционные права, цифровизация правовых отношений, конституционное право, Интернет, защита конституционных прав.

Введение. Современной тенденцией демократического развития Российской Федерации является активное внедрение в правовую реальность модели *электронной демократии* как особой формы взаимодействия государственных органов с народом посредством вовлечения граждан в управление делами государства с использованием новейших информационно-коммуникационных технологий.

Это, с одной стороны, позитивным образом влияет на укрепление институтов гражданского общества, с другой – усложняет существующую конституционную модель участия граждан в управлении делами государства, так как имеющиеся конституционные формы гражданского взаимо-

¹ Лат. *inter* означает «между», *net* – «сеть», «сетка». «Сеть Интернет» можно понимать как «сеть между сетями». Далее термины «Интернет» и «Сеть» будут использоваться как равнозначные.

действия в целях формулирования и выражения своих интересов (митинги, шествия, пикеты, собрания, забастовки, коллективные и индивидуальные обращения в органы власти) призваны расширить область выявления и складывания политической воли народа (Кокотов 2008: 84), но юридически не адаптированы к реалиям современного информационного общества.

Об этом, в частности, говорит П.У. Кузнецов, отмечая, что многие классические юридические понятия и конструкции общего характера оказываются «ветхими» правовыми инструментами, поскольку они не всегда охватывают ситуации информационной действительности и поэтому не могут создать эффективный механизм правового обеспечения защиты интересов субъектов информационного общества (Кузнецов 2012: 39-40).

Поскольку информационное общество представляет собой форму организации публичной власти, направленную на реализацию и защиту прав граждан в рамках развитой информационной среды, то исследование процессов цифровизации в реализации базовых (конституционных) прав граждан приобретает особую актуальность.

И прежде чем определить уровень развития и влияния информационных процессов и технологий на реализацию провозглашенных и гарантированных Конституцией РФ прав и свобод человека, необходимо уточнить содержание ключевого понятия «цифровизация», выявить его отличия от схожих правовых и экономических категорий.

В действующем законодательстве отсутствует легальное, нормативно закрепленное понятие «цифровизация», при этом в правовой науке и средствах массовой информации наиболее широко используется термин «цифровые права», который включает право людей на создание и использование цифровых произведений и на доступ к компьютерам и коммуникационным сетям.

Другими словами, цифровые права рассматриваются, прежде всего, как объекты гражданских прав, на что есть прямое указание в Федеральном законе «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» (Федеральный закон № 34-ФЗ, 2019).

Думается, что закрепление цифровых прав в отрасли гражданского права вполне оправданно с практической точки зрения, ведь законопроект адаптирует к современным реалиям процесс заключения сделок. Так, на страничке в Интернете или в приложении на телефоне описаны условия для нажатия кнопки *Ok*, из которых следует, что такого нажатия достаточно, чтобы считать гражданско-правовой договор заключенным.

Однако сферой гражданского права внедрение категории «цифровые права» не ограничивается: предпринимаются попытки выделить категорию цифровых прав в иных отраслях российского права. Сделать это, безусловно, возможно, в отдельных случаях даже необходимо, но при этом следует всегда помнить правило «*Pluralitas non est ponenda sine neccesitate*» (не стоит множить сущности без надобности).

В настоящее время фактически как синонимы термина «цифровые права» используются категории «коммуникационные права» или

«информационные права», однако четкое различие между ними также не устанавливается.

К примеру, В.Д. Зорькин считает, что к цифровым правам следует отнести универсальные права человека, адаптированные к условиям информационного общества, в частности право на неприкосновенность частной жизни, право на обмен информацией, право на свободное выражение мнения в Сети, право доступа к электронной сети (Зорькин 2018).

Изложенная позиция видится небесспорной, но вполне закономерной в условиях отсутствия фундаментальных исследований цифровых конституционных прав граждан и процесса цифровизации конституционных прав граждан как самостоятельных категорий, поэтому на основе нижеизложенных методов предлагается определить понятие «цифровизация конституционных прав граждан» и провести их исследование.

2. Материалы и методы. Основываясь на общенаучных (анализ, синтез, дедукция и индукция, абстрагирование, структурно-функциональный метод) и специальных (формально-юридический метод, методы юридического конструирования и технико-юридического анализа, формально-логический, системный, статистический методы и др.) методах исследования и ориентируясь на главу 2 Конституции Российской Федерации (Конституция РФ, 1993), полагаем возможным выделить следующие правовые отношения, наиболее подверженные в настоящее время процессам цифровизации и урегулированные нормами конституционного права.

1. Неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайны, защита своей чести и доброго имени (ч. 1 ст. 23 Конституции РФ). С развитием Интернета вопросы реализации и защиты частной жизни граждан приобретают все новые, порой весьма проблемные аспекты.

Основным камнем преткновения вплоть до настоящего времени является отсутствие в законодательстве России легально-определенной дефиниции «частная жизнь»; соответственно и порядок квалификации сведений, составляющих тайну частной жизни, личную и семейную тайну, в настоящее время так и остается оценочной категорией.

Безусловно, Конституция РФ в ч. 1 ст. 23 провозглашает право лица на защиту чести и доброго имени, в ч. 1 ст. 24 Конституции РФ закрепляется недопустимость сбора, хранения, использования и распространения информации о частной жизни лица без его согласия. Однако в формулировках конституционных норм очевидно имеется противопоставление рассматриваемых прав установлению ориентиров для возможного вмешательства в них государства в лице его уполномоченных органов и должностных лиц.

Этот концепт был усилен в 1995 г., когда Комитет ООН по правам человека в своих рекомендациях указал Российской Федерации на необходимость принять специальное законодательство о защите частной жизни «с целью предотвращения нарушения права на защиту от незаконного или произвольного вмешательства в личную и семейную жизнь и посягательств на неприкосновенность жилища и тайну корреспонденции» (Бернхардт и др. 1994).

Частично законодатель воспринял указанные рекомендации путем корректировки положений ст. 150 ГК РФ (Гражданский кодекс РФ, 1994). Во-первых, в указанной статье достоинство личности, честь и доброе имя, деловая репутация и иные личные нематериальные права граждан, принадлежащие им от рождения или в силу закона, признаны законодателем неотчуждаемыми и не передаваемыми каким-либо иным способом. Во-вторых, перечисленные в статье нематериальные блага являются защищаемыми правами в соответствии с положениями гражданского законодательства, а также в тех случаях и пределах, в каких использование способов защиты гражданских прав вытекает из существа нарушенного нематериального блага или личного неимущественного права, характера последствий этого нарушения. В-третьих, особую роль в защите нарушенных нематериальных благ приобретает суд, который, осуществляя правосудие в установленных формах, может своим решением признать факт нарушения личного неимущественного права, опубликовать свои решения о допущенном нарушении, а также вынести решение о пресечении или запрете действий, нарушающих или создающих угрозу нарушения личного неимущественного права либо посягающих или создающих угрозу посягательства на нематериальное благо. В-четвертых, законодатель предусматривает защиту отдельных личных (нематериальных) прав личности и после смерти человека, предоставляя возможность их защиты другим уполномоченным лицам. Другими словами, гражданское законодательство расширяет защиту частной жизни, включая в ее орбиту не только государство, но и иных субъектов – граждан, которые также способны незаконно вторгаться в сферу частной жизни.

И это не случайно, ведь, выкладывая личные фотографии в социальные сети, указывая свои персональные данные, субъекты подвергаются риску использования данной информации в противоправных целях. Примером могут послужить случаи шантажа, когда взламываются сотовые телефоны и мошенники получают доступ к интимным фотографиям, распространение которых, как правило, влечет умаление чести, достоинства или деловой репутации.

При этом с позиций цивилистики сведения признаются порочащими честь, достоинство или деловую репутацию, только если они *не соответствуют действительности* (см. п. 1 ст. 152 ГК РФ). Если сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, оказались после их распространения доступными в Интернете, гражданин вправе требовать удаления соответствующей информации, а также опровержения указанных сведений способом, обеспечивающим доведение опровержения до пользователей через сети.

В п. 2 ст. 152 ГК РФ специально определен порядок опровержения порочащих сведений, которые распространены в СМИ. Более подробно он регламентирован в ст. 44 Закона РФ «О средствах массовой информации» (Закон РФ № 2124-1, 1991). Опровержение в периодическом печатном издании должно быть набрано тем же шрифтом и помещено под заголовком «Опровержение», как правило, на том же месте полосы, что и опровергаемое сообщение или материал.

Однако в данных примерах мы сталкиваемся с другой проблемой защиты частной жизни лица: если сведения, хотя и наносят ущерб чести, достоинству или деловой репутации, соответствуют действительности, гражданин фактически лишен возможности воспользоваться имеющимся правовым инструментарием восстановления прав.

Конечно, никто не лишает гражданина права обратиться в правоохранительные органы с заявлением о преступлении по ст. 159 УК РФ (Уголовный кодекс РФ, 1996). Однако, с учетом особенностей уголовного процесса и судопроизводства, нужно понимать: уголовно-процессуальное решение проблемы затягивается на месяцы, а порой и годы, а «пикантные» или иные фото (информацию), умаляющие право тайны частной жизни, необходимо устранить из всеобщего доступа незамедлительно.

Именно для таких случаев сегодня возникло так называемое *право на забвение* (*Right to be forgotten*) или принцип *Хабеас Дата*. Согласно этому принципу любой человек имеет право требовать в судебном порядке ознакомления с любыми касающимися его данными, хранящимися в любых архивах и учреждениях.

Истоком данного права является решение Суда Европейского союза о защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных (Директива № 95/46/ЕС), а также ст. 8 Хартии Европейского союза об основных правах (Хартия ЕС, 2000).

Таким образом, право на забвение – это право любого лица, в отношении которого осуществлялись сбор, хранение и обработка данных, требовать прекращения выдачи данных, которые умаляют тайну частной жизни лица (если предоставление и обнародование такой информации прямо не предусмотрено законом).

Схожую трактовку предлагает ст. 10 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (Федеральный закон № 149-ФЗ, 2006). Более того, в ст. 10.3 указанного закона содержатся элементы права на забвение: оператор поисковой системы, распространяющий в Сети рекламу, которая направлена на привлечение внимания потребителей, находящихся на территории России, по требованию гражданина обязан прекратить выдачу сведений, позволяющих получить доступ к информации о заявителе:

- распространяемой с нарушением законодательства Российской Федерации;

- являющейся недостоверной;

- являющейся неактуальной;

- утратившей значение для заявителя в силу последующих событий или действий заявителя, за исключением информации о событиях, содержащих признаки уголовно наказуемых деяний, сроки привлечения к уголовной ответственности по которым не истекли, и информации о совершении гражданином преступления, по которому не снята или не погашена судимость (как нетрудно заметить, перечень оснований гораздо шире, чем в рамках гражданско-правовых отношений).

Безусловно, нормативное закрепление права на забвение в федеральном законодательстве является значительным шагом вперед, вместе с тем

нельзя не отметить и существенное упущение законодателя в виде «привязки» права на забвение к распространению рекламы через Интернет. Однако на практике операторы поисковых систем Яндекс, Google и т.д. рассматривают требования граждан на удаление информации, используемой не только в рекламных целях.

Так, со времени вступления в силу поправок к Федеральному закону «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» по состоянию на 25 марта 2016 г. Яндекс получил более 3600 обращений от 1348 человек. 27% обращений были удовлетворены полностью, 9% – частично, на 73% обращений Яндекс ответил отказом¹. В 2019 г. Яндекс не предоставлял информацию по этому поводу.

Высокая доля отказов связана с тем, что Яндекс не может проверить, достоверна информация или нет, нарушало ли ее распространение чьи-то права или какие-либо законы. Представители Яндекса предупреждали об этом еще на стадии обсуждения законопроекта: закон закрепляет за поисковиками не свойственные им функции судов или правоприменительных органов. Эта проблема особенно заметна при работе с обращениями об удалении ссылок на незаконную и недостоверную информацию.

При анализе пояснений Google мы сталкиваемся с чисто техническими особенностями устройства Интернета – даже написав требование удалить информацию из результатов поиска, нужно попросить об этом владельца сайта (веб-мастера). Если удалению подвергнется сайт или изображение из результатов Google поиска, этот контент останется в Сети и ссылки на него могут быть размещены на других сайтах, в социальных сетях и поисковых системах.

Актуально и территориальное ограничение. Это означает, что если вы, например, решите удалить ссылку на информацию через поисковую систему google.ru, то это ссылка останется в Google.com (то есть информация остается в открытом доступе во всем мире).

Сотрудники поисковых систем и IT-специалисты с очевидностью отмечают, что право на забвение выглядит как «проект людей, не знающих, как работает Интернет», ведь «поисковые системы не умеют идентифицировать пользователя» и «индексируют только общедоступную информацию». Таким образом, применение «права на забвение» предполагает удаление не информации с сайтов, а лишь только ссылки из поисковой выдачи (Как работает... 2019).

2. Реализация активного и пассивного избирательного права в выборах в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также права на участие в референдуме (ч. 2 ст. 32 Конституции РФ). Цифровизация правовых отношений в избирательной системе является составной частью конституционно-правовой модели электронной демократии (ч. 1–3 ст. 3 Конституции РФ) и предполагает следующие основные формы:

¹ URL: <https://yandex.ru/blog/company/o-primenenii-zakona-o-prave-na-zabvenie> (дата обращения : 16.07.2019).

1) осуществление всей процедуры волеизъявления гражданином посредством телекоммуникационных сетей при проведении выборов или референдума (дистанционное голосование);

2) использование информационных технологий для обработки избирательных бюллетеней и подсчета результатов голосования.

В настоящее время активно применяется и подлежит достаточно подробной правовой регламентации вторая форма цифровизации избирательных прав, которая реализуется на базе электронной системы ГАС «Выборы».

Переводить всю процедуру волеизъявления в электронную форму законодатель обоснованно не спешит, поскольку очевидно, что в настоящий период в данной сфере общественных отношений есть множество нерешенных дискуссионных аспектов, которые могут не только исказить сущность избирательного права, но даже нанести значительный вред реализации принципов демократического формирования властных институтов.

Несомненным плюсом электронного голосования является удобство и экономия времени избирателя. Например, при голосовании с использованием мобильного телефона избиратель может в любой момент времени реализовать свое активное избирательное право без посещения избирательного участка.

Применение удаленного электронного голосования также способствует расширению доступа к избирательному процессу избирателей – инвалидов с нарушением опорно-двигательного аппарата, а также других граждан с ограниченными физическими возможностями.

Попытки внедрения электронного голосования были предприняты относительно недавно. Так, 9 мая 2019 г. Президентом РФ подписаны федеральные законы о проведении экспериментов по созданию цифровых избирательных участков и дистанционному электронному голосованию в г. Москве, что вполне допустимо согласно ч. 3 ст. 23 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (Федеральный закон № 131-ФЗ, 2003).

Стоит отметить, что исходя из буквального прочтения положений Федерального закона «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва» (Федеральный закон № 103-ФЗ, 2019) дистанционное электронное голосование понимается исключительно в узком смысле: как форма волеизъявления без использования бюллетеня, изготовленного на бумажном носителе, то есть посредством специального программного обеспечения регионального портала государственных и муниципальных услуг г. Москвы.

В соответствии с ч. 3 данного закона дистанционное электронное голосование проводится одновременно с голосованием, проводимым в порядке главы 9 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме» (Федеральный закон № 67-ФЗ, 2002). Другими словами, законодатель просто предлагает альтернативу традици-

онной форме голосования, что следует признать прогрессивным, однако не раскрывает технических нюансов процедуры голосования. Также в упомянутом нормативном акте законодатель не раскрывает порядок хранения избирательной документации участковой избирательной комиссии по дистанционному электронному голосованию.

От реализации избирательных прав в рамках ст. 3 Конституции РФ следует отличать дистанционное голосование по различным общественным инициативам, урегулированное Указом Президента РФ «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса “Российская общественная инициатива”» (Указ Президента РФ № 183, 2013). В данном случае приходится говорить о цифровизации правовых отношений в сфере обращений граждан, урегулированных нормами конституционного права.

3. Правовые отношения в сфере обращений граждан (ст. 33 Конституции РФ). В современном информационном демократическом обществе чрезвычайно актуальными являются вопросы взаимодействия власти и народа посредством использования Интернета. Сеть предоставляет широкие возможности для правовой сферы, становится прогрессивным инструментарием для реализации конституционных прав граждан.

Во-первых, стремительно увеличивается сфера правоотношений, для которых подача обращения есть обязательный юридический факт (при предоставлении государственных услуг, обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления). Кроме того, появляются новые виды обращений – электронные общественные инициативы, отзывы о качестве предоставления государственных и муниципальных услуг и другие, ставшие результатом расширения практики волеизъявлений граждан в Сети.

Во-вторых, с принятием Федерального закона «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (Федеральный закон № 210-ФЗ, 2010) конституционное право на обращение приобретает дополнительную форму – «государственная услуга». При этом часть новых видов электронных обращений, сложившихся и активно применяемых в деятельности органов власти и многофункциональных центров, оказывающих государственные и муниципальные услуги, все еще находятся вне правового регулирования (Савоськин 2014: 45).

В-третьих, социально полезной, но не персонифицированной целью отзыва является повышение качества работы органа в целом или его должностных лиц в отдельности (что характерно для такого типа обращений, как предложение).

В-четвертых, предусматривается обязательность получения и рассмотрения отзывов, что гарантируется установлением запрета на удаление отзывов, а также подкрепляется персональной юридической ответственностью должностных лиц, обрабатывающих отзывы.

Эти изменения привели к вариативности направления электронных обращений. Так, сегодня в Интернете направить электронное обращение возможно:

1) через официальный сайт органа власти, предоставляющего государственную услугу в Сети;

2) через официальный сайт органа власти, не связанный с предоставлением государственных услуг в Интернете;

3) через федеральную государственную информационную систему «Единый портал государственных и муниципальных услуг» (см.: Постановление Правительства РФ № 840, 2012];

4) через интернет-портал «Ваш контроль».

Перечисленные выше источники отправки электронных обращений на сегодняшний день пользуются весьма большим спросом.

Между тем при наличии нескольких возможностей направления электронных обращений отсутствует единый стандарт организации принятия и рассмотрения интернет-обращений (различные требования к реквизитам, оформлению и т.д.), затруднен внешний контроль за исполнением обращений, не сформировано эффективное межведомственное взаимодействие между адресатами обращений.

Как показывает анализ официальных сайтов органов власти, спектр сведений о деятельности того или иного органа сводится к контактной информации, краткому описанию направлений их компетенции, новостных информационных разделов из средств массовой информации и др. В целом основная проблема работы с электронными обращениями посредством официальных сайтов органов власти заключается в отсутствии единообразной процедуры их принятия и рассмотрения.

Требуется унифицировать структуру официальных сайтов, отобразить перечень обязательных разделов на уровне подзаконного регулирования. Необходимо сделать сайты более информативными, так как зачастую граждане не знают процессуальных аспектов составления и направления обращений.

Перевод в электронную форму большинства государственных услуг – существенный шаг вперед российской правовой системы. В соответствии с Указом Президента РФ «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» (Указ Президента РФ № 601, 2012) ключевым показателем развития государственного управления является рост количества граждан, использующих механизм получения государственных и муниципальных услуг в электронной форме.

В свете данных преобразований, когда государство стремится обеспечивать реализацию услуг населению, конституционное право на обращение стало использоваться для мониторинга качества предоставления государственных услуг, цель которого заключается в повышении качества государственных услуг, способности удовлетворять потребности заявителя, что, безусловно, дополняет существующие формы реализации права граждан на участие в управлении делами государства (ч. 1 ст. 32 Конституции РФ).

Именно Единый портал государственных и муниципальных услуг выступает той площадкой, где обеспечивается маршрутизация заявления гражданина в соответствующее ведомство, где можно отследить его статус и получить ответ, а также оценить качество предоставления государственных

ной услуги на любом из этапов. Более того, посредством рассматриваемого интернет-ресурса граждане могут высказывать свои рекомендации по улучшению качества предоставляемых государственных услуг, которые впоследствии дают импульс для реализации их на практике, в частности органами исполнительной власти.

Наглядным примером может служить оставленный пользователем отзыв о предоставлении услуги, имеющийся на Портале государственных услуг, который относится к закрытым и формируется путем проставления оценок (от 1 до 5) в соответствующих полях формы. Само содержание отзывов и обобщенные данные по ним не находятся в свободном доступе и предположительно используются для совершенствования работы как Портала государственных услуг, так и органов власти, оказывающих услуги. На наш взгляд, данный механизм оценки качества предоставляемых услуг весьма аргументирован, ввиду чего следует предусмотреть возможность анализа оставленных отзывов гражданами. Положительным моментом видится наличие выборки наиболее распространенных обращений и возможности их комментирования.

В настоящее время Министерство связи и массовых коммуникаций издало Приказ об утверждении Положения об автоматизированной информационной системе «Федеральный телефонный центр сбора мнений граждан о качестве государственных услуг» (Приказ № 38, 2013), в соответствии с п. 9 которого оценка гражданами эффективности деятельности руководителей территориальных органов федеральных органов исполнительной власти может являться основанием досрочного прекращения исполнения данными руководителями должностных обязанностей.

Портал «Ваш контроль» представляет собой специализированный государственный интернет-ресурс, цель которого максимально узкая – размещение и последующая обработка отзывов. Кроме того, на этом портале доступна обобщенная статистическая информация об оценке гражданами результатов деятельности органов власти.

Создание этого портала было предопределено соответствующими положениями подп. «б» п. 4 Постановления Правительства РФ от 12 декабря 2012 г. № 1284 и повлекло издание Методических рекомендаций от 20 апреля 2015 года № 245, утвержденных Минэкономразвития России. Согласно данным рекомендациям сайт «Ваш контроль» является подсистемой Информационно-аналитической системы мониторинга качества государственных услуг и обеспечивает возможность пользователям Интернета размещать текстовые комментарии о качестве государственных услуг, предоставляемых федеральными органами исполнительной власти и государственными внебюджетными фондами, в том числе их территориальными органами.

Для того чтобы оставлять и обновлять отзывы, гражданину необходимо пройти регистрацию на Портале государственных услуг или непосредственно на портале «Ваш контроль». После чего гражданин получает доступ к личному кабинету, посредством которого он может оставлять и обновлять отзывы, комментарии к чужим отзывам, просматривать комментарии к

своим отзывам, получать и оценивать ответ органа власти на отзыв (при его поступлении).

В качестве рекомендаций по нормативному усовершенствованию данного направления цифровизации необходимо отметить отсутствие развернутого нормативного понятия отзыва. Единственное нормативное определение термина «отзыв» закреплено во вводной части Методических рекомендаций Минэкономразвития РФ по организации работы сайта «Ваш контроль» – это текстовый комментарий о качестве государственных услуг, предоставляемых федеральными органами исполнительной власти и государственными внебюджетными фондами, в том числе их территориальными органами.

Как можно заметить, приведенная дефиниция не является полной, не содержит всех признаков такой разновидности обращения, как отзыв, а главное, не охватывает всех их разновидностей, предусмотренных даже на портале «Ваш контроль» (Савоськин 2016: 69).

4. Правовые отношения в сфере образования (ст. 43 Конституции РФ). Цифровизация правовых отношений в сфере образования происходит по следующим направлениям:

- внедрение дистанционного обучения;
- использование информационно-телекоммуникационных технологий при проведении занятий и подготовке к ним.

При этом следует учитывать, что дистанционное обучение не является самостоятельной формой обучения (Федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ), а представляет собой учебный процесс с использованием педагогических, а также информационных и телекоммуникационных технологий.

Дистанционное обучение предполагает опосредованное (на расстоянии) взаимодействие обучающихся и преподавателей и реализуется при всех формах получения образования в основном через Интернет. Впрочем, имеются и отдельные исключения. Так, в соответствии с ч. 3 ст. 16 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» (Федеральный закон № 273-ФЗ, 2012) и Приказом Минобрнауки России «Об утверждении перечней профессий и специальностей среднего профессионального образования, реализация образовательных программ по которым не допускается с применением исключительно электронного обучения, дистанционных образовательных технологий» (Приказ Минобрнауки № 22, 2014) по некоторым профессиям, специальностям и направлениям подготовки не допускается реализация образовательных программ с применением исключительно электронного обучения и дистанционных образовательных технологий.

Новый стандарт подготовки бакалавров юриспруденции в России содержит требования к электронной информационно-образовательной среде организации (ЭИОС). Такая среда должна обеспечивать:

- доступ к учебным планам, рабочим программам дисциплин (модулей), практик и к изданиям электронных библиотечных систем и электронным образовательным ресурсам, указанным в рабочих программах;

- фиксацию хода образовательного процесса, результатов промежуточной аттестации и результатов освоения программы бакалавриата;
- проведение всех видов занятий, процедур оценки результатов обучения, реализация которых предусмотрена с применением электронного обучения, дистанционных образовательных технологий;
- формирование электронного портфолио обучающегося, в том числе сохранение работ обучающегося, рецензий на эти работы и оценок со стороны любых участников образовательного процесса;
- взаимодействие, в том числе синхронное и (или) асинхронное, между участниками образовательного процесса (Дружинина 2015).

В российских вузах в настоящее время активно создается такая среда, обеспечивается ее информационное наполнение. ЭИОС интегрируется с модулем проверки студенческих работ на плагиат. Обучающимся должен быть открыт доступ к современным профессиональным базам данных, информационным справочным и поисковым системам.

С развитием дистанционного обучения связывается надежда на решение ряда социально-экономических проблем, таких как повышение общеобразовательного уровня населения, расширение доступа к высшим уровням образования, удовлетворение потребностей в высшем образовании, организация регулярного повышения квалификации специалистов различных направлений.

В то же время в реализации права на образование с применением достижений цифровизации существует огромное число проблем, требующих своего разрешения как на уровне законодательства, так и на уровне правоприменительной практики. Так, например, упомянутое дистанционное образование подразумевает применение методик, средств обучения, существенно отличающих его от других форм образования. Для указанной системы характерны особые способы общения студентов с педагогическим составом и друг с другом как элемента системы самообучения, что не всегда находит понимание у руководства образовательных учреждений. При этом дистанционная форма образования, не будучи самостоятельной, должна содержать те же компоненты, что и традиционные формы. В дистанционной форме обучения главенствующая роль отводится информационным компонентам: телекоммуникациям, компьютерной технике, кейс-технологиям и др. Между тем многие аспекты внедрения информационных технологий в образовательный процесс с точки зрения нормативного регулирования находятся в «зачаточной» стадии. В целом право не успевает за степенью развития технологического прогресса, а следовательно, снижается уровень защищенности всех участников образовательного процесса от возможных злоупотреблений и нарушений.

3. Результаты. На основании вышеизложенного необходимо отметить, что процессы цифровизации правовых отношений – это современный и неизбежный этап развития регулирования общественных отношений посредством норм права с применением цифровых технологий, генерации, обработки, передачи, хранения и визуализации информации посредством технических средств и программных продуктов.

Цифровизация общественных отношений в реализации конституционных прав – это процесс перевода информации с аналоговой формы в цифровую форму при реализации закрепленных в гл. 2 Конституции РФ фундаментальных прав человека.

В большинстве случаев цифровизация конституционных правоотношений носит субсидиарный, то есть дополняющий, характер относительно классического правового регулирования конституционных прав, однако с развитием информационных технологий и процессов появляются новые правовые институты и конструкции.

Нельзя не согласиться с мнением отдельных авторов о необходимости конкретизации понятийного аппарата, в частности таких категорий, как «цифровые права человека» или «цифровые конституционные права», при этом определить границу их отличий от смежных категорий (например, «информационные права»). Нормативные разработки понятийного аппарата и юридических конструкций позволят не только установить необходимое разграничение цифровизации и информатизации (и разграничения информационных и цифровых прав соответственно), но и существенным образом повысить гарантии реализации и защиты конституционных прав граждан в цифровом обществе.

4. Вывод. Современные процессы цифровизации общественных отношений неизбежно затрагивают, а в отдельных случаях и напрямую воздействуют на объем и содержание конституционного статуса личности.

Придерживаясь содержания гл. 2 Конституции РФ, можно выделить ряд конституционных прав граждан, наиболее подверженных процессам цифровизации:

1. Право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (ч. 1 ст. 23 Конституции РФ).

2. Право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ч. 2 ст. 23 Конституции РФ).

3. Право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также участвовать в референдуме (ч. 2 ст. 32 Конституции РФ).

4. Право на образование (ст. 43 Конституции РФ).

Некоторые из указанных конституционных прав стали предметом нашего исследования, другие еще ждут детального рассмотрения. Но несомненно, что цифровизация конституционных прав – процесс прогрессивный и неизбежный, поскольку конституционные права являются фундаментальными, распространяются на всех граждан РФ и иностранных граждан, апатридов и бипатридов в равной степени (принцип национального режима). Поэтому дальнейшее развитие нормативной основы и правоприменительной практики в заявленном направлении – это безусловно новый этап и стимул для исследований в области конституционного и иных отраслей права, что позволит расширить рамки воздействия и взаимодействия конституционного права с другими отраслевыми и межотраслевыми институтами в российской правовой системе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бернхардт Р., Трексель Ш., Вейтцель А., Эрмакора Ф. 1994. Доклад о соответствии правового порядка в Российской Федерации нормам Совета Европы. Страсбург, 7 окт. Совет Европы. Парламентская Ассамблея. URL: <http://old.memo.ru/prawo/euro/ger-eu94.htm> (дата обращения: 16.07.2019).

Дружинина А.В. 2015. Инновационные образовательные технологии, применяемые в процессе обучения бакалавров-юристов в НОУ ВПО «Международный инновационный университет» // Гуманизация образования. № 1. С. 39-43.

Зорькин В.Д. 2018. Право в цифровом мире: размышления на полях Петербургского международного юридического форума // Рос. газ. 29 мая. № 115. URL: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html> (дата обращения: 16.07.2019).

Как работает право на забвение, 14 июня 2019. URL: <https://trashbox.ru/topics/121036/kak-rabotaet-pravo-na-zabvenie-v-internete> (дата обращения: 16.07.2019).

Кокотов А.Н. (отв. ред.) 2008. Парламентское право России : учеб. пособие / Т.М. Баженова, С.В. Бендюрина, И.В. Захаров и др. ; отв. ред. А.Н. Кокотов ; Урал. гос. юрид. акад. Екатеринбург. 280 с.

Кузнецов П.У. 2012. Административная реформа в контексте формирования электронного правительства: терминологические проблемы // Рос. юрид. журн. № 3. С. 37-47.

Савоськин А.В. 2014. Новый подход к системе обращений граждан в Российской Федерации // Вестн. Урал. юрид. ин-та МВД России. № 2. С. 44-48.

Савоськин А.В. 2016. Отзыв о деятельности органов власти: от практики к теории // Lex Russica. № 12. С. 68-78.

Директива № 95/46/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных» (принята в г. Люксембурге 24.10.1995). URL: <https://www.tgl.net.ru/files/infosafety/%D0%B4%D0%B8%D1%80%D0%B5%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%B0%2095-46.pdf> (дата обращения: 16.07.2019).

Хартия Европейского Союза об основных правах (Ницца, 07 декабря 2000 г.). URL: <https://base.garant.ru/2564518/> (дата обращения: 16.07.2019).

Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с поправками от 30 декабря 2008 г., 5 февраля, 21 июля 2014 г.). URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/10103000/paragraph/14366:0> (дата обращения: 16.07.2019).

Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть первая) (с изм. и доп.). URL: <http://docs.cntd.ru/document/9027690> (дата обращения: 16.07.2019).

Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (УК РФ). URL: <https://base.garant.ru/3975352/> (дата обращения: 16.07.2019).

Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 года № 2124-1 «О средствах массовой информации». URL: <https://base.garant.ru/10164247/> (дата обращения: 16.07.2019).

Федеральный закон от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (с изм. и доп.). URL: <https://base.garant.ru/184566/> (дата обращения: 16.07.2019).

Федеральный закон от 06 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (ред. от

01.05.2019). URL: https://legalacts.ru/doc/131_FZ-ob-obwih-principah-organizacii-mestnogo-samoupravlenija/ (дата обращения: 16.07.2019).

Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». URL: <https://base.garant.ru/12148555/> (дата обращения: 16.07.2019).

Федеральный закон от 27 июля 2010 года № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг». URL: <https://base.garant.ru/12177515/> (дата обращения: 16.07.2019).

Федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». URL: <https://base.garant.ru/70291362/4c3e49295da6f4511a0f5d18289c6432/> (дата обращения: 16.07.2019).

Федеральный закон от 18 марта 2019 года № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации». URL: <https://base.garant.ru/72198096/> (дата обращения: 16.07.2019).

Федеральный закон от 29 мая 2019 года № 103-ФЗ «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72153876/> (дата обращения: 16.07.2019).

Указ Президента Российской Федерации от 07 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления». URL: <https://base.garant.ru/70170942/> (дата обращения: 16.07.2019).

Указ Президента Российской Федерации от 04 марта 2013 года № 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива» (с изм. и доп.). URL: <https://base.garant.ru/70326884/> (дата обращения: 16.07.2019).

Постановление Правительства Российской Федерации от 16 августа 2012 года № 840 «О порядке подачи и рассмотрения жалоб на решения и действия (бездействие) федеральных органов исполнительной власти и их должностных лиц, федеральных государственных служащих, должностных лиц государственных внебюджетных фондов Российской Федерации, а также государственных корпораций, которые в соответствии с федеральным законом наделены полномочиями по предоставлению государственных услуг в установленной сфере деятельности, и их должностных лиц». URL: <https://base.garant.ru/70216748/> (дата обращения: 16.07.2019).

Постановления Правительства РФ от 12 декабря 2012 г. № 1284 «Об оценке гражданами эффективности деятельности руководителей территориальных органов федеральных органов исполнительной власти (их структурных подразделений) и территориальных органов государственных внебюджетных фондов (их региональных отделений) с учетом качества предоставления государственных услуг, руководителей многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг с учетом качества организации предоставления государственных и муниципальных услуг, а также о применении результатов указанной оценки как основания для принятия решений о досрочном прекращении исполнения соответствующими руководителями своих должностных обязанностей». URL: <https://base.garant.ru/70216748/> (дата обращения: 16.07.2019).

Приказ Министерства связи и массовых коммуникаций Российской Федерации от 01 марта 2013 года № 38 «Об утверждении Положения об автоматизированной информационной системе “Федеральный телефонный центр сбора мнений граждан о качестве государственных услуг”». URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=212911> (дата обращения: 16.07.2019).

Приказ Министерства экономики и развития Российской Федерации от 20 апреля 2015 года № 245 «Об утверждении Методических рекомендаций по организации работы федеральных органов исполнительной власти и органов государственных внебюджетных фондов с отзывами граждан по оценке качества государственных услуг, размещенными в электронном виде на специализированном сайте (Ваш контроль) в информационно-телекоммуникационной сети Интернет». URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-minekonomrazvitija-rossii-ot-20042015-n-245/> (дата обращения: 16.07.2019). Документ официально опубликован не был.

Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 20 января 2014 года № 22 «Об утверждении перечней профессий и специальностей среднего профессионального образования, реализация образовательных программ по которым не допускается с применением исключительно электронного обучения, дистанционных образовательных технологий» (с изм. и доп.). URL: <https://base.garant.ru/70600458/> (дата обращения: 16.07.2019).

Anatoly T. Karasev, Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia. E-mail: a.t.karasev@mail.ru
AuthorID: 506939

Oleg A. Kozhevnikov, Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia.
E-mail: jktu1976@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-1371-7249
SPIN-код: 1494-4895
AuthorID: 346061

Veronica A. Misuragina, Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia. E-mail: metsheryagina@yandex.ru
SPIN-код: 5642-0620
AuthorID: 805391

Article received 16.07.2019, accepted 16.09.2019, available online 07.10.2019

DIGITALIZATION OF LEGAL RELATIONS AND ITS IMPACT ON IMPLEMENTATION OF PARTICULAR CONSTITUTIONAL RIGHTS OF CITIZENS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The natural emergence and widespread use of digital technologies inevitably leads to the processes of revolutionary changes in modern Russian society. In some research publications it is called the digital revolution. Digitalization of modern social relations consistently forms a new social, economic, political, and legal reality. The digital transformation of social relations is manifested, first of all, in the use of modern digital technologies in various spheres of human activity. In the context of digitalization, the content of the system of Russian law is transformed under the influence of the newly discovered and rapidly developing opportunities of modern digital technologies, which is reflected in the emergence of new legal structures, institutions, legal phenomena related to the subjects and objects of legal regulation, specifics of legal relations in digital reality, understanding of the concept, and content of individual rights, etc. The

system of legislation as a constant external form (shell) of law also undergoes significant transformations and changes, while it is obvious that in the new digital reality human rights system continues to be based on the universal human rights guaranteed by the Constitution and international legal acts; their recognition and protection is the responsibility of the state and its authorized bodies.

The article is devoted to study of certain constitutional rights of citizens of the Russian Federation (right to privacy, personal and family secrets, protection of their honor, and good name (part 1 of article 23 of the Constitution); right to elect and be elected to bodies of state power and bodies of local self-government, and to participate in the referendum (part 2 of article 32 of the Constitution); right to appeal (article 33 of the Constitution); right to education (article 43 of the Constitution of the Russian Federation) as the most vulnerable of digitization. In the course of study, special attention is paid to the existing problems of restriction of constitutional rights of citizens in the telecommunications network “Internet” in the system of current legislation and law enforcement practice. The authors propose some promising areas for improving the legal regulation of the digitalization of the constitutional rights of citizens of the Russian Federation.

Keywords: digitalization of constitutional rights; digital rights; constitutional law; Internet; protection of constitutional rights.

For citation: Karasev A.T., Kozhevnikov O.A., Misuragina V.A. *Problema sootnoshenija ideala i dejstvitel'nosti v kantianskoj filosofii prava* [Digitalization of legal relations and its impact on the implementation of certain constitutional rights of citizens in the Russian Federation], *Antinomii = Antinomies*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 99-119. DOI 10.24411/2686-7206-2019-10005.

References

Bernhardt R., Trechsel S., Weitzel Al., Ermacora F. *Doklad o sootvetstvii pravoporyadka v Rossiyskoy Federatsii normam Soveta Evropy. Strasburg, 07 okt. 1994. Sovet Evropy. Parlamentskaya Assambleya* [Report on the Conformity of the Legal Order of the Russian Federation with Council of Europe Standards. Strasbourg, October 07, 1994], available at: <http://old.memo.ru/prawo/euro/rep-eu94.htm> (accessed July 16, 2019). (in Russ.).

Direktiva № 95/46/ES Evropeyskogo parlamenta i Soveta Evropeyskogo Soyuzha «O zashchite fizicheskikh lits pri obrabotke personal'nykh dannykh i o svobodnom obrashchenii takikh dannykh» (prinyata v g. Lyuksemburge 24.10.1995) [Directive No. 95/46 / EC of the European Parliament and of the Council of October 24, 1995 on the protection of individuals with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data], available at: <https://www.tgl.net.ru/files/infosafety/%D0%B4%D0%B8%D1%80%D0%B5%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%B0%2095-46.pdf> (accessed July 16, 2019). (in Russ.).

Druzhinina A.V. *Innovatsionnye obrazovatel'nye tekhnologii, primenyaemye v protsesse obucheniya bakalavrov-yuristov v NOU VPO «Mezhdunarodnyy innovatsionnyy universitet»* [Innovative educational technologies used in the training of bachelors of law in the NOU VPO “International innovative University”], *Gumanizatsiya obrazovaniya*, 2015, no. 1, pp. 39-43. (in Russ.).

Federal'nyy zakon ot 06 oktyabrya 2003 goda № 131-FZ «Ob obshchikh printsipakh organizatsii mestnogo samoupravleniya v Rossiyskoy Federatsii» (red. ot 01.05.2019) [Federal law No. 131-FZ of October 06, 2003 “On General principles of organization of local self-government in the Russian Federation” (as amended on 01.05.2019)], available at: <https://>

legalacts.ru/doc/131_FZ-ob-obwih-principah-organizacii-mestnogo-samoupravlenija/ (accessed July 16, 2019). (in Russ.).

Federal'nyy zakon ot 12 iyunya 2002 goda № 67-FZ «Ob osnovnykh garantiyakh izbiratel'nykh prav i prava na uchastie v referendumе grazhdan Rossiyskoy Federatsii» (s izm. i dop.) [Federal law No. 67-FZ of June 12, 2002 “On basic guarantees of electoral rights and the right to participate in referendum of citizens of the Russian Federation” (as amend.)], available at: <https://base.garant.ru/184566/> (accessed July 16, 2019). (in Russ.).

Federal'nyy zakon ot 18 marta 2019 goda № 34-FZ «O vnesenii izmeneniy v chasti pervuyu, vtoruyu i stat'yu 1124 chasti tret'ey Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii» [Federal law No. 34-FZ of March 18, 2019 “On amendments to parts one, two and article 1124 of part three of the Civil code of the Russian Federation”], available at: <https://base.garant.ru/72198096/> (accessed July 16, 2019). (in Russ.).

Federal'nyy zakon ot 27 iyulya 2006 goda № 149-FZ «Ob informatsii, informatsionnykh tekhnologiyakh i o zashchite informatsii» [Federal law No. 149-FZ of July 27, 2006 “On information, information technologies and information protection”], available at: <https://base.garant.ru/12148555/> (accessed July 16, 2019). (in Russ.).

Federal'nyy zakon ot 27 iyulya 2010 goda № 210-FZ «Ob organizatsii predostavleniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh uslug» [Federal law No. 210-FZ of July 27, 2010 “On the organization of state and municipal services”], available at: <https://base.garant.ru/12177515/> (accessed July 16, 2019). (in Russ.).

Federal'nyy zakon ot 29 dekabrya 2012 goda № 273-FZ «Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii» [Federal law No. 273-FZ of December 29, 2012 “On education in the Russian Federation”], available at: <https://base.garant.ru/70291362/4c3e49295da6f4511a0f5d18289c6432/> (accessed July 16, 2019). (in Russ.).

Federal'nyy zakon ot 29 maya 2019 goda № 103-FZ «O provedenii eksperimenta po organizatsii i osushchestvleniyu distantsionnogo elektronnoho golosovaniya na vyborakh deputatov Moskovskoy gorodskoy Dumy sed'mogo sozyva» [Federal law No. 103-FZ of May 29, 2019 “On conducting an experiment on the organization and implementation of remote electronic voting in elections of deputies of the Moscow city Duma of the seventh convocation”], available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72153876/> (accessed July 16, 2019). (in Russ.).

Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (Chast' pervaya) (s izm. i dop.) [Civil code of the Russian Federation (Part one) (with ed. and additions)], available at: <http://docs.cntd.ru/document/9027690> (accessed July 16, 2019). (in Russ.).

Kak rabotaet pravo na zabvenie [How does the right to be forgotten], June 14, 2019, available at: <https://trashbox.ru/topics/121036/kak-rabotaet-pravo-na-zabvenie-v-internete> (accessed July 16, 2019). (in Russ.).

Khartiya Evropeyskogo Soyuza ob osnovnykh pravakh (Nitstsа, 07 dekabrya 2000 g.) [Charter of Fundamental Rights of the European Union (Nice, December 07, 2000)], available at: <https://base.garant.ru/2564518/> (accessed July 16, 2019). (in Russ.).

Kokotov A.N. (resp. ed.), Bazhenova T.M., Bendyurina S.V., Zakharov I.V. et al. *Parlamentskoe pravo Rossii : ucheb. posobie* [The parliamentary law of Russia: textbook], Ekaterinburg, 2008, 280 p. (in Russ.).

Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 g.) (s popravkami ot 30 dekabrya 2008 g., 5 fevralya, 21 iyulya 2014 g.) [Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) (as amended on December 30, 2008, February 5, July 21, 2014)], available at: <http://ivo.garant.ru/#/document/10103000/paragraph/14366:0> (accessed July 16, 2019). (in Russ.).

Kuznetsov P.U. *Administrativnaya reforma v kontekste formirovaniya elektronnoho pravitel'stva: terminologicheskie problemy* [Administrative reform in the context of

e-government formation: terminological problems], *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*, 2012, no. 3, pp. 37-47. (in Russ.).

Postanovlenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 16 avgusta 2012 goda № 840 «O poryadke podachi i rassmotreniya zhalob na resheniya i deystviya (bezdeystvie) federal'nykh organov ispolnitel'noy vlasti i ikh dolzhnostnykh lits, federal'nykh gosudarstvennykh sluzhashchikh, dolzhnostnykh lits gosudarstvennykh vnebyudzhethnykh fondov Rossiyskoy Federatsii, a takzhe gosudarstvennykh korporatsiy, kotorye v sootvetstvii s federal'nyim zakonom nadeleny polnomochiyami po predostavleniyu gosudarstvennykh uslug v ustanovlennoy sfere deyatel'nosti, i ikh dolzhnostnykh lits» [Resolution of the Government of the Russian Federation from August 16, 2012 No. 840 “On the procedure for filing and consideration of complaints against decisions and actions (inaction) of Federal Executive authorities and their officials, Federal public servants, officials of state extra-budgetary funds of the Russian Federation, as well as state corporations, which in accordance with the Federal law are empowered to provide public services in the established field of activity, and their officials”], available at: <https://base.garant.ru/70216748/> (accessed July 16, 2019). (in Russ.).

Postanovleniya Pravitel'stva RF ot 12 dekabrya 2012 g. № 1284 «Ob ocenke grazhdanami effektivnosti deyatel'nosti rukovoditelej territorial'nyh organov federal'nyh organov ispolnitel'noy vlasti (ih strukturnykh podrazdelenij) i territorial'nyh organov gosudarstvennykh vnebyudzhethnykh fondov (ih regional'nyh otdelenij) s uchetom kachestva predostavleniya gosudarstvennykh uslug, rukovoditelej mnogofunktional'nykh centrov predostavleniya gosudarstvennykh i municipal'nykh uslug s uchetom kachestva organizatsii predostavleniya gosudarstvennykh i municipal'nykh uslug, a takzhe o primenenii rezul'tatov ukazanoj ocenki kak osnovaniya dlya prinyatiya reshenij o dosrochnom prekrashchenii ispolneniya sootvetstvuyushchimi rukovoditelyami svoih dolzhnostnykh obyazannostej» [Resolutions Of the government of the Russian Federation of December 12, 2012 No. 1284 «About the public assessment of efficiency of activity of heads of territorial bodies of Federal Executive authorities (their departments) and territorial bodies of state extra-budgetary funds (their regional offices) given the quality of public services, leaders of the multipurpose centers of providing the state and municipal services, taking into account the quality of the organization of rendering state and municipal services, and also about application of results of the specified assessment as the basis for decision-making on the early termination of execution by the corresponding heads of the official duties»], available at: <https://base.garant.ru/70216748/> (accessed July 16, 2019). (in Russ.).

Prikaz Ministerstva ekonomiki i razvitiya Rossiyskoy Federatsii ot 20 aprelya 2015 goda № 245 «Ob utverzhdenii Metodicheskikh rekomendatsiy po organizatsii raboty federal'nykh organov ispolnitel'noy vlasti i organov gosudarstvennykh vnebyudzhethnykh fondov s otzyvami grazhdan po otsenke kachestva gosudarstvennykh uslug, razmeshchennymi v elektronnom vide na spetsializirovannom sayte (Vash kontrol') v informatsionno-telekommunikatsionnoy seti Internet» [Order of the Ministry of economy and development of the Russian Federation of April 20, 2015 No. 245 “On approval of Methodological recommendations on organization of work of Federal bodies of Executive power and bodies of state extra-budgetary funds with the responses of citizens to assess the quality of public services available in electronic form on a dedicated website (Your control) in the information-telecommunication network Internet”], available at: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-minekonomrazvitija-rossii-ot-20042015-n-245/> (accessed July 16, 2019), the Document was not published. (in Russ.).

Prikaz Ministerstva obrazovaniya i nauki Rossiyskoy Federatsii ot 20 yanvarya 2014 goda № 22 «Ob utverzhdenii perechney professiy i spetsial'nostey srednego professional'nogo obrazovaniya, realizatsiya obrazovatel'nykh programm po kotorym ne dopuskaetsya s primeneniem isklyuchitel'no elektronnogo obucheniya, distantsionnykh obrazovatel'nykh tekhnologiy» (s izm. i dop.) [Order of the Ministry of education and science of the Russian Federation dated of January 20, 2014 No. 22 “On approval of lists of professions and specialties

of secondary vocational education, the implementation of educational programs for which is not allowed with the use of exclusively e-learning, distance learning technologies” (as amend.), available at: <https://base.garant.ru/70600458/> (accessed July 16, 2019). (in Russ.).

Prikaz Ministerstva svyazi i massovykh kommunikatsiy Rossiyskoy Federatsii ot 01 marta 2013 goda № 38 «Ob utverzhenii Polozheniya ob avtomatizirovannoy informatsionnoy sisteme “Federal’nyy telefonnyy tsentr sbora mneniy grazhdan o kachestve gosudarstvennykh uslug”» [Order of the Ministry of communications of the Russian Federation dated March 01, 2013 No. 38 “On approval of the Regulations on the automated information system «Federal telephone center for collecting citizens’ opinions on the quality of public services»”], available at: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=212911> (accessed July 16, 2019). (in Russ.).

Savoskin A.V. *Novyy podkhod k sisteme obrashcheniy grazhdan v Rossiyskoy Federatsii* [New approach to the system of citizens’ appeals in the Russian Federation], *Vestnik Ural’skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2014, no. 2, pp. 44-48. (in Russ.).

Savoskin A.V. *Otzyv o deyatelnosti organov vlasti: ot praktiki k teorii* [Review of the activities of the authorities: from practice to theory], *Lex Russica*, 2016, no. 12, pp. 68-78. (in Russ.).

Ugolovnyy kodeks RF ot 13 iyunya 1996 goda № 63-FZ (UK RF) [Criminal code of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996], available at: <https://base.garant.ru/3975352/> (accessed July 16, 2019). (in Russ.).

Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 04 marta 2013 goda № 183 «O rassmotrenii obshchestvennykh initsiativ, napravlennykh grazhdanami Rossiyskoy Federatsii s ispol’zovaniem internet-resursa “Rossiyskaya obshchestvennaya initsiativa”» (s izm. i dop.) [Decree of the President of the Russian Federation of March 04, 2013 no. 183 “On consideration of public initiatives directed by citizens of the Russian Federation using the Internet resource «Russian public initiative»” (as amend.)], available at: <https://base.garant.ru/70326884/> (accessed July 16, 2019). (in Russ.).

Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 07 maya 2012 g. № 601 «Ob osnovnykh napravleniyakh sovershenstvovaniya sistemy gosudarstvennogo upravleniya» [Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2012 No. 601 “On the main directions of improving the system of public administration”], available at: <https://base.garant.ru/70170942/> (accessed July 16, 2019). (in Russ.).

Zakon Rossiyskoy Federatsii ot 27 dekabrya 1991 goda № 2124-1 «O sredstvakh massovoy informatsii» [Law of the Russian Federation of December 27, 1991 No. 2124-1 “On mass media”], available at: <https://base.garant.ru/10164247/> (accessed July 16, 2019). (in Russ.).

Zorkin V.D. *Pravo v tsifrovom mire: razmyshleniya na polyakh Peterburgskogo mezhdunarodnogo yuridicheskogo foruma* [Law in the digital world: reflections on the sidelines of the St. Petersburg international legal forum], *Rossiyskaya gazeta*, 2018, May 29, no. 115, available at: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html> (accessed July 16, 2019). (in Russ.).

Требования к авторам

1. Автор отправляет на редакционную почту admin@instlaw.uran.ru рукопись статьи в электронном варианте в формате .doc.

2. Статьи должны соответствовать тематике журнала: философия, политическая наука, право. Принимаются рукописи только ранее не опубликованных, оригинальных статей. Статьи представляются на русском языке.

3. В случае несоответствия тематике и требованиям к оформлению материалы не принимаются к рассмотрению, автору направляется соответствующее уведомление.

4. Принятые к рассмотрению материалы проходят двойное слепое рецензирование: имена автора и рецензентов не раскрываются друг другу. К рецензированию привлекаются как члены редакционной коллегии и международного редакционного совета, так и внешние эксперты – специалисты по проблематике представленной статьи. Если мнения двух рецензентов принципиально расходятся, редакция привлекает третьего рецензента или принимает решение самостоятельно. Срок рассмотрения статей – не более 2-х месяцев с момента поступления рукописи в редакцию.

5. По результатам рецензирования статья может быть принята к печати, направлена автору на доработку или отклонена. В случае принятия к печати статья пополняет редакционный портфель, из материалов которого редколлегия комплектует ближайшие номера журнала.

6. Рецензии хранятся в редакции в течение 5 лет. Редакция направляет авторам рукописей отзывы рецензентов или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство науки и образования Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.

7. Рекомендуемый объем статьи – 40–60 тысяч знаков (с пробелами). Шрифт (гарнитура) Times New Roman, 14 кегль, 1,5 интервала, текст должен быть отформатирован по ширине без переносов, абзацный отступ – 1 см, левое поле – 3 см, правое поле – 1,5 см, верхнее и нижнее поля – 2 см. При использовании в тексте кавычек применяют типографский вариант («»). Тире обозначается символом «–» (среднее тире); дефис «-».

8. Все иллюстрации, графики, таблицы и рисунки должны иметь последовательную нумерацию, название; быть включены как в основной файл статьи, так и представлены отдельными файлами.

9. Название статьи форматируется по центру, выделяется полужирным шрифтом, 14 кеглем, все буквы прописные. В правом верхнем углу над названием статьи указываются фамилия, имя, отчество, ученая степень и звание, занимаемая

должность, место работы, электронная почта. В левом верхнем углу указывается код УДК.

После названия приводится аннотация статьи, раскрывающая ее гипотезу, основные положения и выводы. Объем аннотации не менее 2000 знаков с пробелами. После аннотации статьи приводится список ключевых слов (5–10).

10. Внутритекстовые ссылки оформляются в круглых скобках, в которых указываются фамилия (фамилии) автора или составителя (главного или ответственного редактора), или основное заглавие (если авторство нельзя установить), далее через пробел указывается год издания, затем через двоеточие – страницы цитаты, либо статьи правового акта, на который ссылается автор. Например: (Булгаков 1994: 203-204).

11. Библиографический список представлен двумя блоками – Списком литературы и References.

В Списке литературы указываются научные источники, первоначально авторские работы на русском языке в алфавитном порядке, затем источники на иностранных языках. При наличии нескольких источников одного автора, вышедших в одном календарном году, данная группа записей располагается по алфавиту заглавий, а к цифровому обозначению года добавляются строчные буквы латинского алфавита – a, b, c, d, что отражается и во внутритекстовых ссылках.

References – список литературы, где источники на кириллице даны в транслитерации и в переводе на английский язык (фамилия автора, название журнала, сборника – в транслитерации; заглавие монографии или статьи, место издания – в переводе), английские источники приводятся без изменений. Источники на иных языках также даются в переводе на английский язык. Весь массив записей располагается в алфавитном порядке.

При ссылке на книги указывается количество страниц в книге. При ссылке на статью указывается диапазон страниц (например: С. 13-29).

12. К статье должны быть приложены переводы на английский язык: имени и фамилии автора; должности и места работы; контактной информации; названия статьи; аннотации и ключевых слов.

13. Одобренные редакционной коллегией материалы публикуются бесплатно, гонорары авторам не выплачиваются.

14. К представленной в редакцию рукописи автор прилагает письменное согласие на размещение опубликованной в журнале статьи в электронных базах данных; письменное согласие на опубликование персональных данных.

Более подробно с требованиями к авторам и примерами оформления рукописей можно ознакомиться на сайте журнала по адресу: <http://yearbook.uran.ru/avtoram/trebovaniya-k-statiam>

Manuscript conditions

1. Manuscript in doc. format should be sent to the editorial board's email admin@instlaw.uran.ru.

2. Manuscript submitted to the Journal should relate to Journal's subject areas, which include philosophy, political science and law.

3. Previously published papers are unacceptable.

Manuscripts should be submitted in Russian only.

4. If the paper doesn't comply with the subject-matter of the Journal or formal requirements it excludes from further consideration, the author is notified about it.

5. Every manuscript submitted to the Journal is a subject for double-blind review, which means that the identities of reviewers are concealed from the author, and vice versa. Reviewers are experts in the same subject area as the paper submitted. The paper is assigned for reviewing to experts, who are members of the editorial board or the international editorial council, as well as to independent experts. If the first reviewer accepts the paper, while the second reviewer rejects it, the paper will be passed for evaluation to the third reviewer or the decision on acceptance or rejection will be made by the editorial board itself. The procedure for review and approval of papers takes no more than two months.

After reviewing the article may be accepted for publication, sent to the author for revision or rejected. If accepted for publication the paper is placed in the portfolio of editorial board for further publication.

6. The editorial board retains reviews during 5 years. If needed, the editorial board sends reviews or notes of reasoned refusal to the authors. If requested, the editorial board sends copies of reviews to the Ministry of science and education of the Russian Federation.

7. The Journal normally publishes papers between 40000 and 60000 characters in length (with spaces). The texts should be typed using Times New Roman, font size 14, 1.5 spaced, justified alignment, 1 cm. paragraph indention, 3 cm. left margin, 1,5 cm. right margin, 2 cm. top and foot margins. French quotation marks «», dash «-», hyphen « - » should be used in the text.

8. Illustrations, diagrams and tables should be numbered and named. Illustrations, diagrams and tables should be both placed within the text of the manuscript and provided in a separate file.

9. Titles of papers should be centered, capitalized, semi-bold and typed using Times New Roman, font size 14. The author's personal data (full name, scientific degree, academic title, current institutional affiliation, position, e-mail) should be placed in the top-right corner above the title of the manuscript. UDC, if possible, should be placed in the top-left corner of the manuscript.

The abstract should be placed below the paper's title and be no less than 2 000 characters (with spaces). It should summarize the hypothesis and key results presented in the paper. From 5 to 10 keywords are also required.

10. References should be placed within the text in round brackets (). In-text references should include the author's last name or the editor's last name, or the title of the source (for sources with no author named), as well as the year of publication and page reference (or article of the normative legal act). Example: (Jameson 2009: 167).

11. After-text bibliography includes the List of sources and References.

The List of sources should be composed alphabetically. It should be organized in the following order: sources in Russian (books and articles); sources in foreign languages (books and articles). If there are two or more sources by the same author in the same year, lower-case letters (a, b, c, d) with the year should be used. The lower-case letters with the year should be added to the in-text references as well.

References is the List of sources which should be transliterated and translated into English (author's last name, title of the journal or collection should be transliterated; title of the monograph or article, and the place of publication should be translated into English). Titles in other languages should be translated into English as well. List of References should be alphabetized.

Description of books and articles listed in after-text bibliography should contain number of pages, while description of articles should contain page ranges. Example: P. 13-29.

12. The author should also submit a separate file containing the following information in English: full name, scientific degree, academic title, current institutional affiliation, position, e-mail, as well as title of the paper, abstract and keywords.

13. Publication of accepted papers is free of charge. Honorarium is not paid to the author.

14. In addition to the manuscript, the author provides written consent to display published paper in the electronic databases, as well as written consent to make public his/her personal data.

More detailed information for authors as well as samples of papers, abstracts et al. are provided at the Journal's website: <http://yearbook.uran.ru/en/for-authors/accepted-papers>

Научное издание

АНТИНОМИИ

Том 19

Выпуск 3

*Рекомендовано к изданию
Ученым советом Института философии и права
Уральского отделения РАН*

Ответственные за выпуск
В.С. Мартыянов, В.В. Руденко

Редактор *Н.М. Юркова*
Корректор *Е.М. Олову*
Компьютерная верстка *А.Э. Якубовского*
Дизайн обложки *Е. Ширяевой, «РА4»*

Подписано в печать 01.10.2019 г. Формат 70x100/16
Бумага типографская.
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 7,6 Уч.-изд. л. 7,8
Тираж 500 экз. Заказ №

Институт философии и права УрО РАН
620108, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, д. 16.

Изготовлено ООО «Издательство УМЦ УПИ»
620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 17, офис 134.